

ИРИНА ЕЛЕНЕВСКАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

1.

Петербургъ.

2.

Жизнь русской эмиграции въ Финляндіи.

3.

Жизнь русской эмиграции въ Швеции.

—

СТОКГОЛЬМЪ

1968

Södertörns högskola

250 236 726 8

Ирина Еленевская

Воспоминанія

1. Петербургъ.
2. Жизнь русской эмиграціи въ Финляндіи.
3. Жизнь русской эмиграціи въ Швеціи.

*Эти воспоминанія посвящаются моему мужу,
дорогому спутнику моей жизни.*

ПРЕДИСЛОВІЕ

То, што много писалось о жизни и организаціяхъ русской эмиграціи въ крупныхъ центрахъ ея разстѣянїя, какъ-то въ Парижѣ, Америкѣ, а до второй міровой войны и въ Бѣлградѣ, Берлинѣ и Прагѣ, а никогда не упоминалось о жизни и организаціяхъ русскихъ эмигрантовъ въ Скандинавіи, въ частности въ Финляндіи и въ Швеціи, побудило меня пополнить этотъ пробѣлъ для полноты картины «хожденія по мукамъ» русскихъ.

Такъ какъ въ Финляндіи и въ Швеціи осли главнымъ образомъ петербуржцы, я присоединила къ этимъ воспоминаніямъ и воспоминанія о жизни въ моемъ родномъ городѣ до революціи тѣхъ слоевъ населенія, къ которымъ принадлежала моя семья, съ одной стороны, чтобы самой вновь пережить всю прелесть петербургской жизни въ началѣ ХХ-го столѣтія, и съ другой стороны, чтобы еще больше подчеркнуть трудности приспособленія къ новымъ условіямъ жизни на гужбинѣ представителей культурныхъ русскихъ классовъ.

Стокгольмъ, 1-го августа 1967.

Часть I

ПЕТЕРБУРГЪ

(до и во время резолюции)

Когда переносишься мысленно въ раннее дѣтство, иногда сомнѣваешься, дѣйствительно-ли помнишь тотъ или иной эпизодъ или воспоминаніе о немъ основано на не разъ слышанныхъ разсказахъ старшихъ. У меня лично имѣется не мало подобныхъ вопросительныхъ знаковъ. Но то воспоминаніе, съ котораго я начинаю свои записки несомнѣнно лично, какъ это видно изъ связанныхъ съ нимъ переживаній.

Солнечный день конца апрѣля. Яркіе лучи вечерняго солнца проникаютъ въ мою дѣтскую и освѣщаютъ стѣну, у которой стоитъ моя кроватка. Окна комнаты выходятъ во дворъ и съ него доносится звукъ дребезжащей шарманки, играющей грустный мотивъ модной въ началѣ этого вѣка итальянской пѣсенки «Пой, ласточка, пой». И свѣтъ заходящаго солнца, и печальная пѣсенка еще усугубляютъ тоскливое настроеніе изъ-за длительного лежанія въ постели: какъ и каждую весну, я болѣю гастрической лихорадкой. Изъ столовой, отдѣленной отъ моей комнаты большой передней, слышатся веселые голоса и смѣхъ. У моихъ родителей гости. Я начинаю хныкать отъ скуки и жалости къ себѣ: другіе веселятся, а я должна лежать въ опустылѣвшей кровати. Со стула рядомъ съ кроватью встаетъ няня и наклоняется надо мной. «Ну что-ты, родная?», спрашиваетъ она. «Давай, приемъ лѣкарство, лучше станеть». И она старческой рукой наливаетъ на десертную ложку черную жидкость мальць-экстракта и протягиваетъ мнѣ ложку. Но мной владѣетъ духъ

упрямства и я рѣзкимъ движеніемъ подбрасываю ложку и черная жидкость расплывается большимъ пятномъ на бѣлыхъ обояхъ съ голубыми цвѣточками. «Ну, какъ можно такъ, дѣточка», съ упрекомъ говоритъ няня. «Вѣдь это пятно не сойдетъ, что скажетъ мама». Я реву уже въ голосъ: въ предчувствіи холодной нотации матери и отъ чувства вины передъ няней, которую я люблю больше всѣхъ на свѣтѣ и отъ еще большей жалости къ самой себѣ: почему я не какъ всѣ дѣти, которые теперь ходятъ гулять въ Лѣтній садъ, а я должна лежать въ постели и принимать противныя лѣкарства.

Няня является центральной фигурой моего раннего дѣтства. Переняла меня няня годовалой отъ кормилицы и первые годы мы были съ ней неразлучны, пока ее ни смѣнили гувернантки. Ей было уже за пятьдесятъ лѣтъ; няня вынянчила и мою мать и общала ей, что когда она выйдетъ замужъ, она придетъ нянчить и ея дѣтей. Но я была единственнымъ ребенкомъ и поэтому всѣ нянины заботы сосредоточились на мнѣ, ея послѣдней и любимой питомицѣ.

Няня была типичной представительницей русскихъ нянь, съ ихъ исключительной преданностью своимъ питомцамъ и ихъ интересамъ и которыя были настоящими членами семьи. Говорили, что она была незаконной дочерью польскаго ксендза отъ крѣпостной. Повидимому кровь по отцу отразилась на душевномъ складѣ этой малограмотной женщины и одарила ее благородствомъ и чувствомъ такта, рѣдкими въ простомъ человѣкѣ. Хотя она ѣла съ прислугами на кухнѣ и, когда я подросла, дѣлила комнату съ младшей горничной, она держалась отъ нихъ особнякомъ. Она держала себя съ большимъ достоинствомъ и придерживалась своихъ жизненныхъ правилъ. Такъ она считала, что ей не пристало сидѣть за однимъ столомъ съ господами и если мама, когда мы бывали одни, предлагала ей выпить вмѣстѣ чаю и потолковать о житейскихъ дѣлахъ, она садилась со своей большой чайной чашкой за закусочный столъ, стоявшій у стѣны, и оттуда вела бесѣду. Лишь въ день своихъ именинъ, 4-го августа, когда она угошала насъ кренделемъ и

замѣчательными тарталетками со свѣжимъ малиновымъ и черносмородинымъ вареньемъ, она садилась за самовар.

Нянинимъ заботамъ обо мнѣ не было предѣла. Я была ребенкомъ нервнымъ и съ трудомъ засыпала по вечерамъ. Няня коротала вечера за вязаньемъ чулка и питьемъ чая при свѣтѣ лампадки и никакія мамнины убѣжденія не могли ее заставить зажечь лампу.

Вставали мы съ няней рано, часовъ въ семь, и чтобы не будить моихъ родителей въ смежной спальнѣ, мы отправлялись въ комнату для приѣзжающихъ въ противоположномъ концѣ квартиры. Тутъ няня занималась своимъ единственнымъ чтеніемъ, собирая по складамъ имена покойниковъ въ «Новомъ Времени». Часто, бросивъ игрушки, я внимательно слѣдила какъ няня, вода пальцемъ по буквамъ, выговаривала вполголоса ихъ названія, составляя слоги, и въ три съ половиной года я стала читать. Такимъ образомъ объявленія о покойникахъ явились моей азбукой.

За столомъ няня стояла за моимъ стуломъ, уча меня дѣйствовать ложкой, потомъ ножемъ и вилкой, и пить изъ серебрянаго стакана, въ который наливалась вода съ краснымъ виномъ, напитокъ, который я прозвала «воночай».

Послѣ завтрака мы отправлялись гулять въ Лѣтній Садъ, зимой съ салазками, весной и осенью съ ведеркомъ и савкомъ и съ мячиками разной величины. Въ саду я встрѣчалась съ другими дѣтьми и такъ увлекалась игрой съ ними, что няня не могла меня дозваться чтобы идти домой.

Такъ мы жили съ няней нашимъ замкнутымъ міромъ, совершенно отдѣльнымъ отъ міра взрослыхъ, въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ. Это общеніе нарушалось иногда только по воскресеніямъ, когда мамѣ послѣ долгихъ уговоровъ удавалось склонить няню «выйти со двора», какъ тогда выражались, и навѣстить свою крестницу. Нехотя няня облакалась въ свое праздничное коричневое платьѣ, одѣвала кружевной чепчикъ, золотую брошку и серьги и ворча себѣ подъ носъ: «Даже въ праздникъ не дадутъ посидѣть дома», уходила, оставляя меня на попеченіе

второй прислуги. Черезъ три-четыре часа она возвращалась, быстро переодѣвалась и наша жизнь опять входила въ свою колею.

Но были два времени года, когда моя дѣтская жизнь соприкасалась съ міромъ взрослыхъ и ощущалась общность съ родителями: это было передъ Праздниками Рождества и Пасхи.

Оттого-ли что мой отецъ былъ лютеранинъ или что Рождество со своей елкой, сладостями, приготовлениями подарковъ ближе къ дѣтской психикѣ, мнѣ особенно помнится предрождественское время.

Мои родители покупали елку 21-го или 22-го декабря. Елка была всегда громадной, подъ самый потолокъ; она проносилась въ большую гостиную такъ, чтобы я ее не видѣла, всѣ двери въ гостиную плотно закрывались, а мнѣ говорили, что дѣдушка-морозъ раститъ елку, что величина елки зависитъ отъ моего поведенія и что я ни за что не должна подглядывать, какъ елка растеть, иначе она остановится расти въ тотъ моментъ, какъ я ее увижу.

23-го декабря мой отецъ ѣхалъ въ Гостиный Дворъ и закупалъ ящиками всякіе рождественскіе фрукты и сласти: и румяные крымскіе яблоки, и душистые мандарины, разныхъ сортовъ орѣхи, пастилу, мармеладъ, пряники, мятные и вяземскіе, леденцы въ красивыхъ бумажкахъ, всего не перечестъ. На столѣ въ буфетной разставлялись большія глубокія тарелки и я, подъ маминымъ наблюдениемъ наполняла ихъ сладостями для прислугъ. Конечно, самыя красивыя яблочки, самыя пышныя пряники я приберегала для няни.

23-го декабря вечеромъ, когда я уже спала, наболтавшись съ няней о завтрашней елкѣ, къ моимъ родителямъ приходили молодые причисленные къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ служилъ мой отецъ, и помогали убрать елку. На макушкѣ ея блестѣла золотая звѣзда, подъ ней очаровательный херувимъ, а въ самой гушѣ елки стоялъ дѣдка-морозъ въ заостренной шапкѣ изъ мха, съ длинной бородой и съ посохомъ въ рукѣ.

Сочельникъ проходилъ для меня какъ въ чаду, въ нетерпѣливомъ ожиданіи вечера. И вотъ онъ наступалъ. Меня одѣвали въ бѣлое кружевное платьице съ шелковымъ голубымъ поясомъ, на завитые тиръ-бушонами локоны прикрѣплялся бантъ подъ цвѣтъ пояса и я, держась за нянину руку, подходила къ завѣтной двери гостиной. Дверь распахивалась и подъ звуки пѣсенки « Ахъ, попалась птичка, стой », которую мама бравурно играла на роялѣ, я переступала порогъ гостиной и замирала при видѣ красавицы-елки, сіяющей огнями. Подъ елкой лежали многочисленныя пакеты съ подарками, но, къ разочарованію моихъ родителей, они не такъ привлекали мое вниманіе, какъ сама елка. Меня притягивало мерцаніе ея многочисленныхъ свѣчей, отражающихся въ стеклянныхъ шарикахъ, разнообразіе елочныхъ украшеній, запахъ хвои и нѣжное позваниваніе стеклянныхъ колокольчиковъ. Все это великолѣпіе такъ отличалось отъ будничной обстановки гостиной и вызывало смутныя мечтанія въ моемъ воображеніи.

* * *

Какъ я уже упомянула, родители жили своей жизнью, которая была очень свѣтской. По пятницамъ былъ пріемный день моей матери. Съ четырехъ часовъ дня и до семи вечера въ ея нарядномъ будуарѣ былъ накрытъ чайный столъ и въ эти часы пріѣзжали съ визитомъ ея пріятельницы, а также многочисленные причисленные къ отдѣленію моего отца въ Министерствѣ и другіе дипломаты. Иногда выводили и меня къ визитерамъ и эта веселая молодежь затѣвала со мной обыкновенно шумныя игры — можетъ быть, чтобы угодить молоденькой красивой хозяйкѣ. Одинъ разъ, когда играли въ прятки, молодой князь Гагаринъ спрятался въ корзинку боченокъ для грязнаго бѣлья, стоящую въ углу большой ванной комнаты, чѣмъ привелъ меня въ неописуемый восторгъ. Зато и влетело же ему отъ мамы за эту продѣлку.

Кромѣ еженедѣльныхъ пятничныхъ пріемовъ, часто бывали парадныя обѣды. По субботамъ роди-

тели мои брали обыкновенно ложу въ Михайловскій театрѣ, гдѣ играла французская труппа.

По средамъ мой отецъ приводилъ къ обѣду своего сослуживца, Барона Льва Ричардовича Розенъ, который отлично игралъ на віолончели. Когда онъ былъ назначенъ секретаремъ въ нашу Миссію при Баварскомъ Дворѣ, баварскій король часто просилъ его играть въ тѣсномъ придворномъ кругу и наслаждался его игрой. Несомнѣнно, что онъ могъ сдѣлаться міровой знаменитостью, если бы сословные предрасудки не исключили для него музыкальной карьеры.

Мой отецъ былъ очень недурнымъ скрипачемъ, а моя мать была хорошей піанисткой, такъ что музыка, которую я слышала съ дѣтскихъ лѣтъ была очень высокаго качества. Когда я стала немного старше, я просила разрѣшенія оставлять дверь пріоткрытой въ мою комнату и засыпала подъ звуки чудныхъ тріо, доносившихся изъ гостиной.

Если родители мои мало удѣляли мнѣ своего времени, они старались дать мнѣ, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, самое прекрасное образованіе и изысканное воспитаніе, а также возможность бывать среди другихъ дѣтей, общества которыхъ мнѣ, какъ единственному ребенку, очень не хватало.

Мнѣ еще не было четырехъ лѣтъ, когда ко мнѣ пригласили француженку, чтобы я усвоила безукоризненный французскій выговоръ. Мадемуазель приходила ежедневно въ десять утра, проводила со мной два часа въ разныхъ играхъ, а затѣмъ завтракала съ нами. Ея появленіе вызвало самыя печальныя опасенія у моей няни. Она боялась, какъ бы «басурманка» не замучила ребенка и даже, Боже сохрани, не тронула дитю пальцемъ. Поэтому она заявила моей матери, что она будетъ присутствовать при нашихъ занятіяхъ и съ приходомъ француженки занимала торжественную позицію въ углу дѣтской на большемъ сундукѣ, не спуская съ нея глазъ. Вскорѣ ей пришлось убѣдиться, что ея питомицѣ никакой не угрожаетъ опасности, а со временемъ, живя на дачѣ вмѣстѣ съ мадемуазель, она искренно къ ней привязалась, какъ и всѣ въ домѣ, гдѣ она стала другомъ семьи.

Когда мнѣ исполнилось семь лѣтъ, родители нашли, что мнѣ пора брать уроки танцевъ, чтобы научиться граціозно двигаться, присѣдать, здороваясь со взрослыми и одновременно встрѣчаться со сверстниками. Случилось такъ, что Анна Доремидонтовна Х, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ разведшаяся со своимъ мужемъ богачемъ Максимовичемъ, значительно старше ее и вышедшая вторично замужъ за молодого инженера, рѣшила устроить танцъ-классы для своего пятилѣтняго сынишки отъ перваго брака, Грошика (Евграфа) и просила мою мать присылать и меня. Насъ собралось шесть паръ дѣтишекъ въ возрастѣ отъ пяти до восьми лѣтъ и пригласили насъ обучать балетмейстера Облакова, танцевавшего въ первой парѣ въ Маринскомъ театрѣ.

Я была въ восторгѣ отъ этихъ танцъ-классовъ, позволявшихъ мнѣ рѣзвиться съ такими же малышами, какъ я сама. Маленькій Грошикъ очень привязался ко мнѣ и меня стали приглашать играть съ нимъ по воскресеніямъ. Какихъ только у него ни было игрушекъ: и поѣзда заводные, и особенные волчки, и солдатки. Особенно мнѣ почему-то запомнилась машина-землечерпалка съ маленькими ведерками, которыя дѣйствительно черпали мелкій песокъ.

Будучи на два года старше Грошика и очень рѣзвой, тогда какъ Грошикъ былъ тихимъ болѣзненнымъ ребенкомъ, я надъ нимъ верховодила и это доставляло мнѣ громадное удовольствіе, такъ какъ до сихъ поръ я была всегда лишь хвостомъ у моихъ двоюродныхъ брата и сестры, Феде и Тани Шебуниныхъ, дѣтей маминой старшей сестры. Они были старше меня, Федя на четыре, а Таня на три года, притомъ оба очень шустрые и ловкіе, и во всѣхъ играхъ я едва поспѣвала за ними. Вспоминая эти игры, мнѣ представляется бабушкинъ садъ съ развѣсистыми липами на Петербургской сторонѣ, на которыя Федя и Таня взбирались какъ кошки, а я оставалась подъ деревьями, проливая горькія слезы изъ-за того, что не могу также на нихъ влѣзть.

Мой дѣдушка Василій Дмитриевичъ Смирновъ, профессоръ и востоковѣдъ, уроженецъ Астрахани,

былъ личностью яркою и оригинальною, настоящимъ русскимъ самородкомъ.

Рано овдовѣвъ, его мать не имѣла средствъ дать ему высшее образованіе, и дѣдушка поѣхалъ въ Петербургъ безъ гроша за душой, но съ твердымъ рѣшеніемъ пробиться. Зарабатывая уроками, онъ жилъ на нѣсколько рублей въ мѣсяцъ, блестяще окончилъ университетъ по восточному факультету и былъ оставленъ при немъ доцентомъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ кафедру по персидскому и турецкому языку. Наряду съ профессорскою дѣятельностью онъ писалъ ученые труды по своей специальности и вскорѣ сталъ извѣстностью.

Много будущихъ дипломатовъ, готовившихся къ службѣ на востокъ, были его слушателями и, повидимому, проникались къ нему искренней привязанностью, потому что всегда, пріѣзжая въ отпускъ въ Петербургъ, они посѣщали дѣдушку, охотно пользуясь его широкимъ гостепріимствомъ.

Повидимому суровая, полная лишеній молодость, заложила въ него стремленіе къ матеріальнымъ благамъ, и не довольствуясь своимъ профессорскимъ окладомъ, дѣдушка занимался покупкой и продажей доходныхъ домовъ и составилъ себѣ такимъ образомъ большое состояніе. Къ тому времени какъ три его красавицы-дочки заневѣстились, у него было пятьсотъ тысячъ въ банкѣ и особнякъ на Петербургской сторонѣ съ большимъ участкомъ, который оцѣнивался въ миллионъ рублей.

Вотъ съ этимъ-то особнякомъ и въ особенности съ прелестнымъ его садомъ связаны воспоминанія моего ранняго дѣтства и объ играхъ въ немъ съ моими двоюродными братомъ и сестрой.

Обособнякъ, двухэтажный съ мезониномъ, хотя и выглядѣлъ очень скромнымъ съ улицы, за подстриженными деревьями своего палисадника, былъ отдѣланъ внутри съ большимъ вкусомъ и даже роскошью. Особенную прелесть придавали его параднымъ комнатамъ рѣзные и художественно расписанные потолки. Помню, какъ много позже, мой пріятель молодой инженеръ ими восхищался и говорилъ, что прямо грѣхъ

имѣть такіе потолки въ деревянномъ домѣ, въ которомъ легко можетъ случиться пожаръ.

Изъ всѣхъ комнатъ я больше всего любила дѣдушкинъ кабинетъ, громадную комнату, раздѣленную аркой на двѣ части: въ передней былъ собственно кабинетъ съ большимъ письменнымъ столомъ, съ аккуратно сложенными на немъ рукописями, съ кожаной мебелью, а въ задней помѣщалась драгоценная дѣдушкина библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ. Подъ полками съ книгами, висившимися подъ самый потолокъ, стояли восточныя тахты, на которыя такъ чудно было взобраться съ ногами и мечтать, глядя въ топящійся каминъ.

Бабушка, Юлія Платоновна Сапожникова, красивая величественная женщина, была первымъ бракомъ замужемъ за польскимъ графомъ и, рано овдовѣвъ, влюбилась въ красиваго молодого профессора, который былъ года на три моложе ее, и вышла за него замужъ.

Я ее помню, когда ей было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ. Она держала открытый домъ и когда принимала гостей блистала великолѣпіемъ старой красавицы. Въ будни же она одѣвалась только къ обѣду, проводя большую часть дня въ капотѣ и кружевной наколкѣ за безконечнымъ вязаніемъ. Ея трудами ея три дочери съ затыми, ихъ дѣти и ближайшіе друзья были награждены шерстяными вязаными одѣялами.

Любимымъ дѣтищемъ бабушки былъ ея садъ. Онъ занималъ площадь около трехъ десятинъ и въ немъ бабушка проложила дорожки и развела красивые цвѣтники. Въ одномъ углу сада росли фруктовыя деревья и бабушка очень гордилась тѣмъ, что у нея вишневое и сливовое варенье изъ собственнаго городского сада.

Посреди сада была большая восьмиугольная бесѣдка, въ которой бабушка проводила почти весь день весной и осенью, какъ только погода это позволяла. Въ этой бесѣдкѣ сервировался дневной чай и шоколадъ въ бабушкины именины, 18-го мая ст. ст. За дневнымъ приѣмомъ слѣдовалъ парадный обѣдъ, который подавался на застекленной верандѣ, тянувшейся вдоль всего задняго фасада и выходявшей въ садъ.

Помню какъ мы дѣти особенно любили бабушкины тарелки съ нарисованными фруктами, на которыхъ подавалось мороженое. На бабушкиныхъ именинахъ я въ первый разъ получила глотокъ шампанскаго, когда мнѣ было четыре года.

* * *

Съ домомъ дѣдушки и бабушки связаны лишь самые первые годы моего дѣтства. Затѣмъ, когда мнѣ было шесть или семь лѣтъ, отношенія моихъ родителей съ ними, вслѣдствіе серьезныхъ разногласій моей матери со своими родителями, прекратились и началась «голови́нская» эра для всей нашей семьи и меня въ частности.

Сестра бабушки, Евгенія Платоновна, была замужемъ за извѣстнымъ присяжнымъ повѣреннымъ по бракоразводнымъ дѣламъ, Владиміромъ Евгеніевичемъ Головинымъ. Она крестила и мою мать, и меня, и была, дѣйствительно, исключительной матерью крестной для насъ обѣихъ.

Въ противоположность бабушкѣ, очень своенравной и властной, Мама Крестная была воплощеніемъ доброты, всепрощенія и самоотверженности, и всѣ кто съ ней ближе соприкасались, всегда искали у нея нравственной поддержки въ трудныя минуты и охотно дѣлились съ ней своими переживаниями.

Владиміръ Евгеніевичъ Головинъ боготворилъ жену, во всемъ съ ней совѣтовался, даже въ своихъ адвокатскихъ дѣлахъ, но будучи натурой очень горячей и увлекающейся, онъ нерѣдко увлекался своими интересными клиентками, среди которыхъ была Медея Фигнеръ и извѣстная красавица Ольга Александровна Веселаго, жена адмирала, по первому браку Пини.

Владиміръ Евгеніевичъ Головинъ зарабатывалъ бѣшенныя деньги и его годовой заработокъ равнялся въ среднемъ пятидесяти тысячамъ рублей. Помимо процессовъ, онъ управлялъ всѣми дѣлами св. Княгини Юрьевской, жены Императора Александра II, и Князей Барятинскихъ, владѣвшихъ двухстами тысячъ десятинъ въ Курской и Кіевской губерніяхъ.

Княгиня Юрьевская была очень неуживчиваго нрава и иногда у нея доходило до настоящихъ стычекъ со старикомъ Головинымъ. Мамъ Крестной, съ которой она очень дружила, приходилась тогда выступать въ роли посредницы между мужемъ и его высокопоставленной кліенткой.

До выхода замужъ своей дочери, Головины держали особнякъ на Фурштадской улицѣ, въ которомъ давались блестящіе балы, на которыхъ бывалъ, между прочимъ, будущій финляндскій фельдмаршалъ Маннергеймъ и увлекался ихъ дочерью Наташей. Но ея выборъ палъ, къ большому огорченію ея родителей, на скромнаго врача, выйдя замужъ за котораго, она отошла отъ своей семьи.

Изъ этого періода жизни Головиныхъ у меня остался въ памяти ихъ выѣздъ на великолѣпныхъ рысакахъ въ яблокахъ. Для меня было высшимъ наслажденіемъ, когда старики Головины, ѣдучи кататься на Острова, брали меня съ собой на скамеечку въ свою виллорію. Я особенно веселилась, когда одновременно съ коляской Головиныхъ на Каменноостровскомъ проспектѣ появлялась коляска Шубина-Поздѣва на рыжихъ рысакахъ. Между кучерами обоихъ выѣздовъ начиналось соревнованіе, и никакіе окрики старика Головина не могли остановить его Ивана. Скачка продолжалась до самаго Елагина острова, гдѣ оба выѣзда вливались въ цѣпь экипажей, ѣхавшихъ на Стрѣлку.

Живя на Фурштадской улицѣ, Мама Крестная стала прихожанкой домовоі церкви Желобовскаго съ ея дивнымъ хоромъ. Мама Крестная была очень религіозной и взяла на себя мое воспитаніе въ вѣрѣ, зная что моя мать была очень равнодушной къ религіи. Отецъ же мой былъ лютераниномъ.

Ярко запомнилась мнѣ моя первая исповѣдь, когда мнѣ было восемь лѣтъ. Мама Крестная подготовила меня къ ней долгими разговорами, внушая мнѣ, какъ я должна искренно покаяться во всѣхъ своихъ грѣхахъ, чтобы Боженька помогъ мнѣ быть хорошей дѣвочкой на радость своимъ папѣ и мамѣ.

Стоя въ длиной очереди исповѣдниковъ, я очень

волновалась, мысленно перечисляя свои проступки, которые имѣли громадное значеніе въ моихъ глазахъ. У меня перехватило дыханіе, когда я вошла за ширму и повидимому у меня былъ очень испуганный видъ, потому что кроткій Отецъ Федоръ, духовникъ моей матери крестной, взялъ меня за руку и посадилъ къ себѣ на колѣни. Я не рѣдко видѣла Отца Федора у Головиныхъ, когда онъ служилъ молебны въ дни именинъ Владиміра Евгеньевича и Мамы Крестной, но тутъ передъ аналоемъ, на которомъ лежали крестъ и Евангеліе, онъ мнѣ показался грознымъ судьей содѣянныхъ мною поступковъ. Но когда онъ ласково заговорилъ со мной, моя робость исчезла, и я стала тщательно и съ жаромъ исповѣдываться.

Получивъ отпущеніе грѣховъ, я радостно вышла изъ-за ширмы и направилась къ Мамѣ Крестной, какъ вдругъ ужасная мысль пригвоздила меня къ мѣсту: я забыла одинъ важный грѣхъ, какъ я непослушаніемъ довела свою фрейлейнъ почти до слезъ. Почти плача, я заявила Мамѣ Крестной, что я должна еще разъ пройти за ширму и собиралась встать опять въ очередь. Видя взволнованнаго ребенка, ласковая дама, до которой дошла очередь, пропустила меня и я вся красная предстала опять передъ удивленнымъ Отцемъ Федоромъ. Получивъ вторично отпущеніе грѣховъ, я вышла къ Мамѣ Крестной и мы пошли къ ней пить чай съ постнымъ сахаромъ, который не водился у насъ дома.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода замужъ дочери, Головины продали свой особнякъ и переселились на Моховую улицу, занявъ цѣлый этажъ дома на углу Пантелеймоновской улицы.

Въ 1897 году Владиміръ Евгеньевичъ Головинъ купилъ участокъ земли въ 70 десятинъ съ дачей на берегу живописнаго озера Хатьяляхти, на Карельскомъ перешейкѣ. Имѣніе было куплено на имя единственнаго сына Евгенія и названо «Завѣтнымъ». На этомъ кускѣ земли старикъ Головинъ рѣшилъ дать волю своимъ творческимъ способностямъ и превратить его въ земной рай.

Сперва былъ снесенъ старый домъ и на его мѣсто

построенъ большой домъ съ мезониномъ, съ застеклен-
ной террасой, выходящей на озеро.

Затѣмъ закинула работа на самомъ участкѣ. Нѣ-
сколько десятковъ рабочихъ взрывали камни въ лѣсу,
прокладывали дорожки, засѣивали газоны. Подъ паркъ
было отведено 25 десятинъ. Изъ ярославской губерніи
старикъ Головинъ выписалъ прекраснаго огородника
и цвѣтовода Василю, который сталъ его правой рукой
и постепенно занялъ роль управляющаго.

Василій развелъ на двухъ десятинахъ фруктовый
садъ и большой огородъ, были построены парники и
оранжереи. А вокругъ дома были разбиты роскошные
цвѣтники, въ которые высаживалось ежегодно до
трехъ тысячъ горшковъ цвѣтовъ, не считая многолѣт-
нихъ кустовъ сирени, жасмина, пионовъ и розъ.

Домъ стоялъ на возвышеніи, въ двухстахъ са-
женяхъ отъ озера, и отъ него до воды шла аллея изъ
розъ всевозможныхъ сортовъ и оттѣнковъ. Аллея за-
канчивалась террасой надъ водой. Видъ изъ дома на
озеро былъ упоительнымъ. Паркъ со своими много-
численными мысами былъ также очень живописнымъ
и извѣстный пейзажистъ Крыжицкій, хорошій знако-
мый Головиныхъ, написалъ въ немъ не мало этюдовъ.

Въ первые годы своего брака, мои родители снима-
ли на лѣто дачу въ Старомъ Петергофѣ или ѣздили
за границу. У меня осталось смутное воспоминаніе о
нарядной розовой дачѣ съ двумя башнями на Буль-
варѣ Юркевича, противъ Стараго Петергофскаго пар-
ка, о прогулкахъ съ мамой и Мадемуазель на Бабій
Гонъ, гдѣ росли такіе замѣчательные бутондоры, о
громадномъ фонтанѣ — мухоморѣ въ паркѣ: какъ
только встанешь подъ его шапку, такъ изъ краевъ ея
начинала литься водяная завѣса и казалось, что ты
навсегда въ плѣну у коварнаго мухомора.

Но когда мнѣ исполнилось шесть или семь лѣтъ,
мы стали ѣздить на лѣто въ головинское имѣніе, по
просьбѣ моей матери крестной, которая скучала одна
въ большемъ домѣ, когда ея мужъ съ сыномъ уѣзжали
въ Петербургъ, проводя въ имѣніи лишь конецъ не-
дѣли. Къ этому времени «Завѣтное» уже блистало
красотой своихъ цвѣтниковъ и парка. Лишь изрѣдка

взрывали еще кое-какіе камни въ паркѣ, устраивали мавританскій газонъ въ концѣ розовой аллеи, ведущей отъ дома къ озеру, и закладывали новые парники и оранжереи.

Въ каменномъ скотникѣ стояли породистыя коровы, въ конюшняхъ съ десяткомъ лошадей: четыре рабочихъ лошади, пара рысаковъ и двѣ пары понни для дамскаго и моего катанія.

Какимъ наслажденіемъ было пріѣзжать въ милое «Завѣтное», въ которомъ я пользовалась гораздо большей свободой чѣмъ въ городѣ. Къ тому же у управляющаго Василія было четверо человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ два старшихъ мальчика, Леша и Ваня, были моихъ лѣтъ и съ ними я совершала осмотръ всѣхъ владѣній, а также давала имъ потомъ уроки русскаго языка и арифметики.

Жизнь въ «Завѣтномъ» была сплошнымъ праздникомъ. Вставали фрейлейнъ — которая къ этому времени смѣнила на лѣтніе мѣсяцы француженку — и я въ половинѣ девятаго и, одѣвшись, шли на веранду, гдѣ подавался утренній чай. На диванѣ, за большимъ накрытымъ столомъ, сидѣла обыкновенно Мама Крестная, которая уже успѣла совершить утреннюю прогулку по парку со своей собакой Вогуломъ. На столѣ были аппетитно разставлены домашніе булочки и сухарики, масло, медъ, сливки и молоко. Двери въ садъ были распахнуты настежь и въ нихъ доносились ароматы цвѣтовъ и чирикание птицъ.

Выпивъ чай, мы съ фрейлейнъ отправлялись либо гулять по парку, либо дѣлать букеты во всѣ комнаты: часть изъ садовыхъ, а часть изъ полевыхъ цвѣтовъ. Въ паркѣ работало нѣсколько десятковъ бабъ, чтобы содержать въ должной чистотѣ дорожки, которыхъ было около пяти верстъ. Иногда и я принимала участіе въ чисткѣ дорожекъ или полкѣ цвѣточныхъ грядокъ.

Въ двѣнадцатъ часовъ подавался завтракъ и такъ какъ у Головиныхъ постоянно кто-нибудь гостилъ, за столъ садилось не меньше восьми или десяти человѣкъ. Послѣ завтрака взрослые пили кофе на террасѣ и проводили время въ разговорахъ, а мы съ фрейлейнъ отправлялись въ нашу комнату въ мезонинѣ и зани-

мались рукодѣльемъ и чтеньемъ, вплоть до купанья въ озерѣ въ три часа дня. Какъ вкусно было послѣ холоднаго купанья пить душистый чай съ замѣчательнымъ вареньемъ и всевозможнымъ печеніемъ.

Время между дневнымъ чаемъ и обѣдомъ посвящалось дальнимъ прогулкамъ, за предѣлами имѣнія, по исключительно живописнымъ окрестностямъ. Иногда запрягали лошадей и ѣхали кататься.

Вечеромъ играли въ теннисъ или катались на лодкѣ.

Конецъ недѣли приносилъ особое оживленіе въ нашу деревенскую жизнь. Въ пятницу вечеромъ пріѣзжали изъ Петербурга Головины отецъ и сынъ, а также мой отецъ. Имъ высылались на станцію коляска викторія, запряженная рысаками и пролетка для дяди, который самъ любилъ править рѣзвой финской лошадкой. Иногда дядя привозилъ съ собой своего лучшего друга, Льва Сергѣевича Нехлюдова, представителя золотой молодежи, про котораго говорили, что «онъ красивъ своимъ безобразіемъ», но котораго всѣ очень любили за его мягкій характеръ и необычайное остроуміе.

Я встрѣчала экипажи у воротъ въ концѣ вѣздной аллеи и меня брали на скамеечку въ коляску.

Съ утра въ субботу наши мужчины предавались своимъ любимымъ занятіямъ: старикъ Головинъ отправлялся ловить на удочку рыбу на своей плоскодонкѣ; его сынъ въ спортивномъ костюмѣ подрѣзаль кусты въ саду и разговаривалъ съ садовникомъ, а папа шелъ прогуливаться по парку и бралъ иногда и меня съ собой, что я очень любила.

Суббота и воскресенье быстро проходили и въ воскресенье послѣ обѣда опять подавались лошади, увозившія нашихъ на вокзалъ.

Кульминаціоннымъ пунктомъ лѣта было 15-ое іюля, день именинъ Владиміра Евгеньевича Головина. Къ нему задолго готовились. Василій-садовникъ выводилъ въ парникахъ душистыя дыни, сохранялъ лучшую землянику, украшалъ веранду особенными оранжевыми растеніями, а къ самымъ именинамъ спле-

талъ длиныя гирлянды изъ листьевъ и цвѣтовъ, которыми убирались парадныя комнаты.

У мясника, который объѣзжалъ дачниковъ и помѣщиковъ два раза въ недѣлю, закупались окорока телятины и баранины. Во всемъ домѣ шла большая уборка, начищались полы, дверныя и печныя ручки.

Разсылались приглашенія сосѣдямъ, съ которыми поддерживалось знакомство.

Погода въ этотъ день бывала обыкновенно прекрасная и способствовала общему приподнятому настроенію. Гости съѣзжались, кто къ дневному чаю и шоколаду, кто къ обѣду, на который приглашались ближайшіе друзья. Къ мороженому пили шампанское, въ которомъ плавали крупныя ягоды земляники.

Послѣ обѣда болѣе молодые разбредались по саду и парку, а постарше садились за карточные столы, разставленные передъ верандой и играли при свѣтѣ свѣчей подъ шелковыми колпачками.

Моя мать часто садилась за рояль въ кабинетѣ и оттуда неслись въ раскрытыя окна звуки Шопена, а то и цыганскихъ рамансовъ.

* * *

Такъ текла моя дошкольная жизнь. А между тѣмъ школа приближалась и давала себя знать всякими къ ней приготовленіями.

Мои родители заранѣе рѣшили, послѣ всесторонняго обсужденія этого вопроса, отдать меня въ частную гимназію Таганцевой, которая считалась очень серьезной гимназіей и славилась великолѣпнымъ составомъ преподавателей и обширной программой. Въ предвидѣніи моего поступленія въ гимназію Таганцевой, мои родители стали заблаговременно подыскивать квартиру поблизости, чтобы можно было посылать мнѣ горячіе завтраки въ судкахъ. Послѣ остраго желудочнаго заболѣванія, когда мнѣ было около года, я очень страдала желудкомъ и вопросъ питанія былъ для меня существеннымъ.

Поэтому, когда мнѣ было лѣтъ семь, мы сняли квартиру въ Соляномъ переулкѣ, въ пяти минутахъ

ходьбы отъ Моховой улицы, гдѣ помѣщалась гимназія Таганцевой. Въ этой квартирѣ мы прожили до самой революціи и все мое сознательное дѣтство и юность связано съ ней. И по сейчасъ, на склонѣ лѣтъ, когда я закрываю глаза, передъ моимъ внутреннимъ взоромъ встаетъ эта очаровательная квартира, вся залитая солнцемъ и обставленная съ исключительнымъ вкусомъ. Особенно я любила свою комнату и маминъ будуаръ, который былъ обставленъ гобеленовой мебелью.

Домъ въ Солянномъ переулкѣ № 7 принадлежалъ литовскому помѣщику Ивану Болеславовичу Жукъ, женатому на княгинѣ Любомірской и представлялъ собой полуособнякъ: въ немъ было всего двѣ квартиры, по двѣнадцати комнатъ каждая.

У парадной двери встрѣчалъ входившихъ старичекъ швейцаръ въ ливреѣ, всегда внимательный къ своимъ обязанностямъ Адамъ Викентьевичъ. Въ парадной топился зимой каминъ и изъ нея вела довольно широкая теплая лѣстница, на первой площадкѣ которой стоялъ рыцарь въ латахъ съ факеломъ въ рукѣ. Этотъ рыцарь вызывалъ мое большое восхищеніе и я имъ очень гордилась.

Моя мать рѣшила подготовить меня къ гимназіи сама и занималась со мной ежедневно чтеніемъ, правописаніемъ, арифметикой и Закономъ Божіимъ. Чтобы выиграть время, рѣшили отдать меня не въ приготовительный, а въ первый классъ. Я старательно занималась съ мамой и она поэтому считала, что эти вступительные экзамены будутъ простой формальностью. Но когда меня привели на экзаменъ и посадили за грифельную доску рѣшать арифметическія задачи, я такъ увлеклась разсматриваніемъ дѣвочекъ-приготовишекъ, моихъ будущихъ товарокъ, что совсѣмъ забыла про задачи и когда кончился часъ, данная мнѣ бумага осталась не тронутой. Такъ началось постыднымъ проваломъ мое гимназическое ученіе и впоследствии, когда я стала безсмѣнно первой ученицей въ теченіе всего гимназическаго курса, никто не хотѣлъ этому вѣрить.

Моя мать была очень сконфужена моимъ дебютомъ и приписала мой провалъ неумѣлому своему препода-

даванію. Поэтому пригласили ко мнѣ учительницу, которая послѣ второго урока заявила, что я прекрасно знаю правила арифметики и легко рѣшаю задачи. Черезъ три недѣли я держала переэкзаменовку. На этотъ разъ меня посадили въ пустой классъ и я рѣшила всѣ задачи раньше положеннаго времени.

Итакъ осенью 1906 года я стала гимназисткой перваго класса гимназіи Таганцевой.

Наша гимназія занимала два этажа дома на Моховой улицѣ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались приготовительный, первый и второй классы и гимнастическій залъ, который служилъ и для игръ во время перемѣнъ.

Въ верхнемъ этажѣ помѣщались всѣ прочіе классы, съ третьяго по восьмой ключительно, актовый и гимнастическіе залы, столовые, учительская и къ нимъ примыкала квартира начальницы, Любви Степановны Таганцевой.

Начиная со второго класса, въ каждомъ классѣ было по два отдѣленія, каждое по 20-25 ученицъ, для того чтобы учительскому персоналу легче было поддерживать личный контактъ съ отдѣльными ученицами, наблюдать и направлять формирующіеся характеры.

Насколько серьезно относились къ педагогическимъ задачамъ учителя видно изъ того, что въ концѣ каждаго учебнаго года, Любовь Степановна вызывала къ себѣ родителей и каждой матери въ отдѣльности говорила объ отрицательныхъ сторонахъ характера ея дочери, чтобы съ ними бороться.

Учебный день начинался съ молитвы. Всѣ классы съ имѣющимъ на лицо учительскимъ персоналомъ, во главѣ съ начальницей Любовью Степановной, собирались въ актовомъ залѣ. Хоръ изъ ученицъ старшихъ классовъ пѣлъ « Отче нашъ », одна изъ ученицъ восьмого класса читала Евангеліе и затѣмъ молитву передъ занятіями.

Маленькія перемѣны между уроками длились десять минутъ, а большая перемѣна, во время которой завтракали, продолжалась сорокъ пять минутъ. Ученицы могли приносить съ собой бутерброды, можно было получать за отдѣльную плату горячій завтракъ

отъ гимназіи, а нѣкоторымъ, близко живущимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, приносили завтракъ въ судкахъ изъ дому.

Изъ преподавательницъ младшихъ классовъ мнѣ запомнилась учительница русскаго языка, Юлія Петровна Струве, на рѣдкость обаятельная москвичка съ бархатными карими глазами, съ заложеной вѣнцемъ на головѣ косою темныхъ волосъ, веселая, прекрасно читающая выдержки изъ твореній русскихъ писателей и хорошая декламаторша. Она умѣла пробудить въ своихъ маленькихъ ученицахъ живой интересъ къ своему предмету и всѣ, искренно любя ее, старались отличиться знаніемъ задаваемыхъ уроковъ.

Ко мнѣ она относилась ласково, но всегда высмѣивала мой «петербургскій» выговоръ. Она любила, чтобы немного растягивали слова, выговаривая букву «о» смаживающей на «а», букву «ч» какъ «ш»: «харашо, «што».

Въ первомъ классѣ, гдѣ насъ было сорокъ три ученицы, мы еще какъ бы приглядывались другъ къ другу. «Дружба» съ отдѣльными дѣвочками стала завязываться со второго класса, когда насъ раздѣлили по отдѣленіямъ. Тутъ мнѣ пришлось испытать и радость первыхъ привязанностей, и дѣтскую жестокость, которая проявляется откровенно, такъ какъ дѣти не умѣютъ еще скрывать или, во всякомъ случаѣ, сдерживать проявленія своихъ симпатій и антипатій.

Во второй классъ къ намъ поступила Наташа Аничкова и стала съ перваго дня мишенію насмѣшекъ, понуканій и подвоховъ. Неизвѣстно почему дѣвочки другого отдѣленія нашего класса, куда она поступила, ее не взлюбили, хотя она была исключительно ласковой и доброй дѣвочкой, охотно дѣлившейся съ подругами сладостями, которыми всегда были набиты ея карманы, и никогда не задиравшейся. Можетъ быть именно ея чрезмѣрная уступчивость, желаніе всѣмъ потрафить пробуждали нѣкоторыя садистскія склонности въ ея сверстницахъ. Такъ или иначе, возвращаясь изъ гимназіи домой, Наташа ежедневно горько плакала и просила своихъ родителей взять ее изъ гимназіи.

Наташа была единственнымъ ребенкомъ и родители души въ ней не чаяли. Ея двоюродный дѣдушка былъ генераль Милій Миліевичъ Аничковъ, завѣдующій гофмаршальской частью при Дворѣ. Его жена Елизавета Петровна была большой пріятельницей моей матери крестной Головиной. Мои родители познакомились съ Аничковыми у Головиныхъ и стали у нихъ бывать. Тамъ на раутахъ они встрѣчались съ родителями Наташи и, однажды, ея мать обратилась къ моей съ просьбой, не могла-ли бы я принять участіе въ Наташѣ и, можетъ быть, подружиться съ ней.

Роль защитницы «униженныхъ и оскорбленныхъ» пришлась мнѣ очень по душѣ и я стала проводить перемѣны вмѣстѣ съ Наташей, хотя, какъ правило, каждое отдѣленіе держалось особо. Будучи ребенкомъ импульсивнымъ, полнымъ всякихъ затѣй, не робѣвшимъ передъ учительницами и классной дамой, я успѣла съ перваго класса завоевать популярность среди своихъ одноклассницъ и моя демонстративная дружба съ Наташей произвела впечатлѣніе. Наташу оставили въ покоѣ, а затѣмъ и просто полюбили ее.

Можетъ быть, дѣвочки и безъ моего вмѣшательства измѣнили бы свое отношеніе къ Наташѣ, но теперь она считала меня своей спасительницей и привязалась ко мнѣ по институтски, съ своего рода обожаніемъ. Ея родители тоже не знали чѣмъ меня побаловать и я стала какъ-бы второй ихъ дочкой.

Хотя дома мнѣ позволяли приглашать подругъ по воскресеніямъ, это были самыя обыкновенныя дѣтскія сборища, гдѣ мы играли во всякія игры, пили шоколадъ и затѣмъ моихъ подругъ развозили по домамъ.

У Аничковыхъ наши развлечения принимали всеѣмъ другія формы. Устраивались любительскіе спектакли, которые состояли изъ отдѣльныхъ сценъ, живыхъ картинъ, музыкальныхъ номеровъ. Поддерживая громадное знакомство, Аничковы принимали у себя дѣтей своихъ знакомыхъ всякаго возраста, начиная съ одиннадцати лѣтъ и кончая юношами и дѣвушками шестнадцати-семнадцати лѣтъ. Любительскіе спектакли обставлялись грандіозно: режиссеромъ приглашался какой-нибудь настоящій артистъ, декорации

брались изъ мастерскихъ Александринскаго театра, шились великолѣпные костюмы.

На масляной устраивались катанія на тройкахъ и съ Крестовскихъ горъ. Словомъ баловали дѣтвору во всю.

* * *

Осень 1908 года выдалась на рѣдкость вѣтряная и дождливая. Почти во всѣхъ домахъ были больные простудой, которая принимала иногда злокачественный характеръ, падая на легкія.

Къ числу заболѣвшихъ относился и мой дядя Головинъ. Началось у него съ кашля, который упорно не проходилъ. Затѣмъ открылся плевритъ. Дядя лежалъ уже нѣсколько недѣль въ постели, температура то понижалась, то повышалась. Въ одинъ прекрасный день пользующій его врачъ заявилъ, что плевритъ становится гнойнымъ и что необходимо дядю срочно увезти на югъ, иначе онъ не ручается за оборотъ, который можетъ принять болѣзнь.

Старики Головины немедленно рѣшили отправить сына на итальянскую Ривьеру, въ Санъ-Ремо. Такъ какъ дядя былъ очень слабъ, съ нимъ ѣхала его мать, наша крестная. Она же, со своей стороны не очень рассчитывала на свои силы: она страдала печенью и у нея повидимому начинался ракъ, унесшій ее черезъ два года въ могилу. Поэтому она просила мою мать сопровождать ее и больного дядю. Мой отецъ, очень тепло относившійся къ мамѣ крестной, отпустилъ маму за границу, хотя долженъ былъ оставаться всю зиму и весну, до наступленія настоящаго тепла, одинъ.

До своего отъѣзда на Ривьеру моя мать сказала мнѣ, что я должна въ ея отсутствіи вести хозяйство, что при опытномъ штатѣ прислуги было конечно немудрено. Съ присущей мнѣ исполнительностью я старалась хорошо выполнять возложенныя на меня обязанности и это помогало мнѣ сносить разлуку съ матерью, которую я въ дѣтствѣ нѣжно любила. Отца я немножко дичилась: его замкнутость я принимала

за равнодушіе и лишь позже поняла душевную драму, которую онъ переживалъ.

Мой отецъ былъ исключительно одареннымъ человекомъ. Уроженецъ Дерпта, онъ окончилъ тамъ первымъ гимназію и былъ занесенъ на мраморную доску за свои успѣхи въ наукахъ. Затѣмъ онъ поступилъ на юридическій факультетъ Дерптскаго Университета. Его магистерская диссертация по международному праву на тему «О незавладѣніи» обратила на себя вниманіе и ему предложили кафедру въ Гейдельбергскомъ Университетѣ (въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія преподаваніе въ Дерптскомъ Университетѣ шло на нѣмецкомъ языкѣ и папина диссертация была сперва написана по нѣмецки).

Но хотя прибалтіецъ по крови, мой отецъ былъ большимъ русскимъ патриотомъ и хотѣлъ посвятить свои силы служенію Великой Русской Имперіи. Къ тому же его влекло больше къ активной дѣятельности чѣмъ къ кабинетному труду ученаго и онъ рѣшилъ поступить въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

Отецъ поѣхалъ въ Петербургъ и въ теченіи года настолько овладѣлъ русскимъ языкомъ, что самъ перевелъ свою диссертацию на русскій языкъ, защитилъ ее при Петербургскомъ Университетѣ и причислился къ Министерству.

Своими знаніями по международному праву отецъ сразу обратилъ на себя вниманіе начальства и ему пророчили блестящую будущность на дипломатическомъ поприщѣ. Между прочимъ, еще совсѣмъ молодымъ человекомъ, онъ сопровождалъ барона Таубе на Гаагскую международную конференцію, созванную по инициативѣ Государя Николая II, въ качествѣ представителя Россіи.

Но отцу мѣшало его матерьяльное положеніе посвятить себя всецѣло дипломатической карьерѣ. Личныхъ средствъ у него не было, оклады младшихъ чиновъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, какъ вообще на государственной службѣ, были скромными, а отецъ любилъ вести широкой образъ жизни. Поэтому, женившись, онъ отказался отъ казенной квартиры, казавшейся ему слишкомъ мизерной, и снялъ большую

квартиру въ бель-этажѣ въ центрѣ города и обставилъ ее очень нарядно, выписавъ часть мебели изъ заграницы.

Затѣмъ онъ получилъ разрѣшеніе заниматься частными дѣлами. Утренніе часы онъ посвящалъ дѣловымъ свиданіямъ и перепискѣ и въ министерство отправлялся лишь послѣ завтрака, тогда какъ присутственные часы начинались въ десять часовъ утра. Такія привилегіи по службѣ показываютъ насколько имъ дорожили.

Въ дѣлахъ отца преслѣдовали неудачи и хотя временами онъ очень крупно зарабатывалъ, составить себѣ большого капитала, который бы ему позволилъ, не мѣняя образа жизни, посвятить себя карьерѣ ему не удалось.

Подробностей папиныхъ дѣлъ я, будучи ребенкомъ, не знала. Помню лишь, что у насъ бывало много иностранцевъ, директоровъ заграничныхъ банковъ, что отецъ часто ѣздилъ за границу. Одно время онъ былъ въ компаніи съ княземъ Радзивиллъ, имѣвшимъ большія помѣстья подъ Краковымъ.

Несмотря на занятія дѣлами, отецъ сорока лѣтъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и его знаніями много пользовались, посылая его на международные конгрессы и поручая ему разработку конвенцій съ иностранными государствами. Вслѣдствіе этого у отца была цѣлая коллекція иностранныхъ орденовъ.

По внѣшности отецъ былъ типичнымъ сановникомъ того времени. Красивымъ его нельзя было назвать, но на всемъ его обликѣ лежалъ отпечатокъ барственности, а его сѣрые глаза свѣтились большимъ умомъ. Очень высокаго роста, онъ сразу бросался въ глаза. На улицѣ-ли, зимой въ шубѣ съ бобровымъ воротникомъ и въ мѣховой шапкѣ или цилиндрѣ, лѣтомъ-ли въ канотье съ изящной тросточкой въ рукѣ, въ комнатахъ-ли въ всегда идеально сидѣвшихъ на немъ костюмахъ, онъ обращалъ на себя вниманіе и я помню какъ барышней я любила появляться въ театрѣ или на прогулкѣ въ обществѣ отца. У него были замѣчательно красивыя руки и мама мнѣ рассказала,

какъ одна дама-скульпторъ просила разрѣшенія у отца сдѣлать съ нихъ слѣпокъ, но онъ отклонилъ эту просьбу.

Отецъ очень любилъ драгоценности художественной работы и при каждомъ удавшемся дѣлѣ онъ дѣлалъ матери дивные подарки. Самъ онъ носилъ на мизинцѣ лѣвой руки замѣчательно красивый перстень работы знаменитаго вѣнскаго ювелира, представляющій собой змѣю, обвивавшую палецъ и держащую въ пасти темный сапфиръ.

Блестящій собесѣдникъ въ обществѣ, отецъ былъ по натурѣ очень замкнутымъ. У него были ровныя отношенія съ сослуживцами, много дѣловыхъ связей и свѣтскихъ знакомствъ, но все это не переходило той черты, за которой начинаются дружескія отношенія. Можетъ быть тому были причиной личныя разочарованія, такъ какъ и въ семьѣ онъ держался особнякомъ. Въ свободные отъ занятій часы отецъ писалъ и стихами, и прозой, причемъ выше былъ какъ поэтъ. Стихи его были очень красивыми по формѣ, полными грусти и пессимизма по содержанію.

При всей своей сдержанности отецъ былъ очень любимъ прислугой. Правда, онъ отличался большою щедростью и когда старая кухарка Николаевна уѣхала въ свою деревню на покой, отецъ платилъ ей ежемѣсячную пенсію.

* * *

Зима 1908-1909 является началомъ моего отрочества и внесла новые элементы въ мою жизнь.

И тутъ въ моей памяти встаетъ чудный особнякъ фонъ Дервизъ на Англійской набережной, около Николаевского моста.

Къ тому времени какъ я стала въ немъ бывать, богачъ Павелъ фонъ Дервизъ развелся со своей женой, наградивъ ее милліоннымъ состояніемъ и выше названнымъ особнякомъ и оставивъ ей какъ своего старшаго сына отъ перваго брака Владиміра, такъ и ихъ троихъ дѣтей, двухъ дочерей Любочку и Варю и сына Павлика.

Фонъ Дервизовскій особнякъ чароваль своими пропорціями и красивымъ убранствомъ комнатъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались громадная столовая, вмѣщавшая до ста человѣкъ, прекрасная бильярдная и службы.

Бель-этажъ былъ занятъ тремя гостиными, будуаромъ и спальней г-жи фонъ Дервизъ, а второй этажъ вмѣщаль комнаты дѣтей, ихъ гувернера и гувернантки, а также классную комнату, такъ какъ изъ дѣтей только старшій Володя учился въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, а къ младшимъ ходили учителя на домъ. Г-жа Дервизъ очень боялась общества неподходящихъ товаровъ для своихъ дочерей и рѣшила отдать ихъ лишь въ старшіе классы гимназіи Оболенской, когда онѣ смогутъ лучше устоять нежелательнымъ вліяніямъ. Считая меня безупречно воспитанной, она всячески поощряла мою дружбу со своими дочерьми и условилась съ моею матерью, что я буду проводить почти всѣ воскресенія у нихъ во время ея отсутствія.

Съ дѣтства меня влекло къ красивой обстановкѣ и потому я охотно ѣздила къ Дервизъ, хотя относилась къ Любочкѣ и Варѣ немного свысока своей таганцевской учености. Къ тому же, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, я искала встрѣчь съ кадетомъ Володей, который сталь со своей стороны настолько меня выдѣлять, что проводилъ воскресенія дома въ обществѣ «маленькихъ». Он заставлялъ меня болтать и моя болтовня его видимо забавляла. Онъ былъ прекрасный музыкантъ и послѣ обѣда охотно садился за рояль, играя любимого мною Шопена, иногда импровизироваль, а иногда напѣваль пріятнымъ голосомъ цыганскіе романсы, бросая мнѣ томные взгляды, отъ которыхъ меня кидало въ жаръ.

Трудно сказать, что побуждало семнадцатилѣтняго юношу возиться съ двѣнадцатилѣтней дѣвочкой; можетъ быть его занимало пробуждать въ ней новыя ощущенія и мысли. Во всякомъ случаѣ онъ черезъ свою сестру Любочку, его любимицу, которая обѣщала стать красавицей, передаваль мнѣ стихотворенія разныхъ поэтовъ, которыя посвящаль мнѣ, писалъ мнѣ письма и признавался, что он изъ-за меня покончилъ

свой романъ съ Соней Щербачевой, пятнадцатилѣтней дочерью будущаго командующаго юго-западнымъ фронтомъ въ первую міровую войну.

По инициативѣ Володи рѣшили поставить на Пасхѣ любительскій спектакль, пьесу изъ временъ Анны Иоанновны, въ которой самъ Володя игралъ роль временщика Бирона, а мнѣ далъ роль Анны Леопольдовны, которую онъ преслѣдовалъ своей любовью, гордо ей отвергаемой. Къ сожалѣнію, спектакль не состоялся, потому что къ генеральной репетиціи на Вербной недѣлѣ и я, и двое Дервизъ, Варя и Павликъ, заболѣли свинкой.

На этомъ и кончился мой первый романъ, послѣ того какъ я отказалась придти на свиданіе съ Володей въ Лѣтній садъ, благоразумно написавъ ему, что придти я могу только вмѣстѣ съ фрейлейнъ — до шестнадцати лѣтъ мнѣ было запрещено ходить одной по столичнымъ улицамъ — и кромѣ того, что я еще слишкомъ « молода » для этого.

На слѣдующій годъ, когда мы встрѣтились у нихъ съ Володей, онъ предсталъ во всемъ великолѣпіи своего мундира Николаевского Кавалерійскаго Училища и смотрѣлъ уже поверхъ моей головы.

* * *

Насколько ярко запечатлѣлась въ моей памяти зима 1908-1909, настолько слѣдующая зима не оставила послѣ себя никакихъ воспоминаній, хотя въ теченіе ея скончалась моя бабушка съ материнской стороны. Зато тѣмъ рельефнѣе выступаютъ картины послѣдовавшаго за ней лѣта и осени, связанная съ мучительнымъ угасаніемъ моей любимой матери крестной.

Уже нѣсколько лѣтъ до своей смерти моя мать крестная страдала печенью; особенно тяжело бывало ея состояніе, когда шли камни. Она ѣздила за границу лѣчиться отъ этого недуга, а дома соблюдала строгую діету и несмотря на то, что ее пользовали лучшіе врачи Петербурга, они не уловили, какъ болѣзнь перешла въ ракъ печени, а когда они констатировали его, было слишкомъ поздно дѣлать операцію.

Когда профессор Нечаевъ и другой врачъ сказали старику Головину о безнадежномъ положеніи его жены, онъ впалъ въ полное отчаяніе. Въ это время кто-то разсказалъ ему о поразительныхъ случаяхъ излѣчиванія докторомъ Бадмаевымъ съ помощью тибетской медицины такихъ больныхъ, отъ лѣченія которыхъ отказывались обыкновенные врачи.

Репутація доктора Бадмаева была весьма сомнительной: его имя связывалось съ именемъ Распутина, многіе его считали просто шарлатаномъ. Но на что ни способенъ любящій мужъ, когда дѣло идетъ о жизни его жены? Старикъ Головинъ пригласилъ Бадмаева и тотъ, осмотрѣвъ больную, заявилъ, что онъ ее вылѣчитъ, если она пріѣдетъ на два мѣсяца въ его санаторію, находившуюся на Приклонной Горѣ по финляндской желѣзной дорогѣ.

Самой мамѣ крестной очень не хотѣлось покидать на столь продолжительный срокъ мужа и сына: она повидимому считала, что дни ея сочтены и хотѣла быть съ ними то время, которое ей оставалось жить. Но ее уговорили и простившись съ грустной улыбкой со всѣми нами, она поѣхала въ началѣ мая на Приклонную Гору.

Мы переѣхали, какъ обыкновенно, въ концѣ мая въ «Завѣтное» и стали ждать ея возвращенія. Лѣто выдалось чудное.

Въ самомъ началѣ іюля мама крестная написала мужу, что она чувствуетъ себя хорошо и черезъ недѣлю тоже пріѣдетъ въ «Завѣтное». Мы возликовали и стали все готовить къ ея пріѣзду.

Старикъ Головинъ самъ поѣхалъ за женой и въ назначенный день и часъ викторія, запряженная сѣрыми рысаками въ яблокахъ подкатила къ крыльцу, на которое высыпали всѣ чады и домочадцы встрѣчать любимую всѣми больную. Но изъ коляски вышла не истощенная больная, а сильно пополнѣвшая мама крестная, улыбающаяся, съ блестящими глазами и загорѣлымъ лицомъ. Своей прежней упругой походкой она взошла на крыльцо и радостно поздоровалась со всѣми.

« Бадмаевъ совершилъ чудо и вылъчилъ меня », сказала она въ отвѣтъ на наши радостныя привѣтствія.

И дѣйствительно въ теченіе послѣдующихъ пяти съ лишнимъ недѣль можно было повѣрить, что произошло чудо. Мама Крестная чувствовала себя здоровой и бодрой и повела свой обычный образъ жизни, совершала большія прогулки по парку со своей собакой и иногда даже присоединялась къ намъ, когда мы отправлялись на прогулки за предѣлы имѣнія. Именины старика Головина, 15-го іюля, отпраздновали какъ обыкновенно и всѣ сосѣди радовались, глядя на нее.

Но въ серединѣ августа, Мама Крестная почувствовала вдругъ сильныя боли и была вынуждена лечь в постель, съ которой она такъ больше и не встала до своей смерти, 12-го сентября.

Такъ какъ сильныя боли не затихали, вызвали доктора Бадмаева въ имѣніе. Онъ срочно пріѣхалъ въ сопровожденіи сестры милосердія. Сначала Бадмаевъ насъ обнадежилъ, что это случайное ухудшеніе, но когда черезъ два дня, несмотря на всѣ его лѣкарства, состояніе больной сильно ухудшилось и она временами кричала отъ боли, онъ сказалъ, что нужно ѣхать въ Петербургъ, такъ какъ навѣрное нужно будетъ прибѣгнуть и къ кислороду, и къ морфію.

Въ той же коляскѣ, въ которой шесть недѣль тому назадъ пріѣхала въ « Завѣтное » казавшаяся поправившейся Мама Крестная, изъ ея любимаго имѣнія увозили сжавшуюся въ комочекъ старушку съ искаженнымъ отъ страданій лицомъ.

Послѣднія недѣли жизни Мамы Крестной были настоящей пыткой, такъ что и мужъ, и сынъ, обожавшіе ее, умоляли профессора Нечаева — Бадмаевъ самъ тотчасъ смылся по возвращеніи въ Петербургъ — увеличить дозу морфія, чтобы она спокойно заснула навѣки, но профессоръ наотрѣзъ отказался, ссылаясь на докторскую этику.

Тутъ въ первый разъ всталъ передо мной, 13-лѣтнимъ подросткомъ, вопросъ, который потомъ не разъ вставалъ передо мной въ жизни: почему такъ часто люди хорошіе, добрые, самопожертвованные такъ много страдаютъ и физически, и нравственно, въ то время,

какъ отрицательные типы процвѣтають и наслаждаются жизнью ?

* * *

Между тѣмъ жизнь шла дальше. Осенью 1910 года я перешла въ пятый классъ, первый изъ старшихъ классовъ.

Начиная съ пятого класса, учительницъ смѣнили преподаватели, которые называли насъ «госпожами». На ряду съ приготовленіемъ уроковъ, намъ давали читать спеціальныя книги по исторіи и словесности и каждая изъ насъ должна была написать такъ называемый рефератъ на тему по своему выбору, который потомъ читался и разбирался въ классѣ.

Составъ преподавателей былъ у насъ исключительно хорошій. Въ первую очередь назову Н. Н. Трубицына, преподавателя русской словесности. Онъ былъ страстнымъ пушкинистомъ, написалъ трудъ, посвященный Пушкину и умѣлъ съ рѣдкимъ мастерствомъ дать намъ почувствовать всю прелесть пушкинской поэзіи. Своихъ любимыхъ ученицъ, проявлявшихъ особый интересъ къ его предмету, онъ разъ въ мѣсяцъ приглашалъ къ себѣ на чашку чая, за которой велись увлекательныя бесѣды.

Преподаватель русской исторіи А. И. Заозерскій былъ также преданъ своему предмету всей душой. Судьба его была весьма оригинальной. Сынъ священника, онъ окончилъ семинарію и поступилъ на церковную службу. Съ дѣтства его влекло къ изученію исторіи своей страны. Долго боролся онъ съ желаніемъ поступить въ университетъ на исторической факультетъ, не желая огорчать отца, который хотѣлъ обязательно видѣть его священникомъ, но подъ конецъ не выдержалъ и все же сталъ студентомъ. Окончилъ онъ университетъ уже тридцати съ лишнимъ лѣтъ. Когда онъ поступилъ преподавателемъ въ гимназію Таганцевой, ему было подъ сорокъ лѣтъ. Держалъ онъ себя очень скромно, повидимому слегка стѣсняясь своихъ бойкихъ ученицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже были пятнадцатилѣтними молодыми дѣвками. Говорилъ

онъ тихимъ, монотоннымъ голосомъ, опустивъ глаза на сложенные на столѣ руки, но если вслушаться въ его рѣчь, нельзя было не увлечься картинностью воспроизводимыхъ имъ историческихъ образовъ и событій. Конечно, мы были слишкомъ юными, чтобы оцѣнить глубину его знаній и любовь къ русскому прошлому, а его манеры, отдававшія семинаріей насъ смѣшили, но все же мы много вынесли изъ его преподаванія.

Болѣе понятнымъ намъ былъ преподаватель всеобщей исторіи А. Н. Ярошевскій, блестящій ораторъ, не брезгавшій приемами трибуна передъ своей молодой аудиторіей. У него было два конька: исторія французской революціи и эпоха Наполеона. Он могъ прямо потрясать передачей драматическихъ событій этого времени, а потому неудивительно, что я, слушая его, сожалѣла, что живу въ столь скучную эпоху, безъ всякихъ потрясеній. Увы, я не могла тогда предполагать, что мнѣ придется въ недалекомъ будущемъ нахлебаться ужасовъ большевистской революціи, послѣдовавшей за тяжелыми годами войны.

Надъ всѣмъ преподавательскимъ персоналомъ парилъ духъ самой Любви Степановны Таганцевой.

Небольшого роста, съ правильными чертами лица и гладко, на прямой проборъ причесанной головой, она держала себя съ такимъ достоинствомъ, что производила подчасъ величественное впечатлѣніе. Ходила она очень быстро, скользя въ своихъ прюнелевыхъ сапожкахъ по всегда отлично начищенному корридору. Иногда во время урока дверь тихо отворялась и на ея порогъ появлялась ея прямая фигурка. Сразу всѣ въ классѣ подтягивались, начиная съ учителя и классной дамы и кончая самой отчаянной шалуньей въ классѣ. Любовь Степановна дѣлала знакъ рукой, чтобы урокъ продолжался и садилась въ сторонѣ, недалеко отъ столика классной дамы.

Любовь Степановна сама была математичкой и уроки математики были ея любимымъ предметомъ. Вообще безукоризненно безпристрастная, она не могла удержать одобрителной улыбки, когда какая-нибудь ученица толково излагала геометрическую теорему или

рѣшала у доски алгебраическую задачу. Изъ-за этой слабости къ математикѣ, Любовь Степановна долго терпѣла въ штатѣ учителей поляка Д. И. Пржелясковскаго, блестящего математика, но страдавшаго наклонностью къ питью. Когда онъ приходилъ немного навеселѣ, уроки его были еще увлекательнѣе, но онъ позволялъ себѣ иногда очень грубыя выходки. Такъ онъ изрекъ разъ, когда дѣвочки на заднихъ партахъ не прекращали шушукаться: «Замолчите-ли вы наконецъ. Это не классъ, а просто кабакъ». Наша милая Ольга Ивановна, классная дама, даже вспыхнула и повидимому донесла объ этой выходкѣ Любови Степановнѣ, потому что Доминикъ Ивановичъ былъ послѣ этого долго сдержаннымъ.

Любовь Степановна не была поклонницей увеселеній въ стѣнахъ гимназій, и у насъ никогда не бывало баловъ, какъ въ гимназій Оболенской. Но она очень поощряла личный контактъ между преподавателями и ученицами, а потому всегда на Рождествѣ, 28-го декабря, у насъ въ гимназій устраивалась елка съ программой: ставились сценки изъ классиковъ, ученицы декламировали, играли на роялѣ, и эта программа вырабатывалась и приготавливалась при живомъ участіи учителей.

Съ ученицами седьмого класса Любовь Степановна часто бесѣдовала объ ихъ будущемъ, спрашивала собираются ли онѣ остаться въ восьмомъ классѣ, который былъ не обязательнымъ и поставленъ на университетскую ногу съ лекціонной системой, сдачей зачетовъ по четвертямъ, и въ которомъ преподавались начатки юридическихъ наукъ, высшей математики, латыни и т. д.

* * *

Пятый классъ знаменателенъ для меня окончательнымъ сближеніемъ съ Аней Никитиной, моей единственной настоящей подругой-другомъ, въ семьѣ которой я познакомилась съ чисто русскимъ укладомъ жизни и съ которой связаны лучшія воспоминанія моей юности.

Отецъ Ани, Дмитрій Тимофѣевичъ Никитинъ, изъ курскихъ помѣщиковъ, проходилъ службу по финан-

совому вѣдомству. До перевода въ Петербургъ Товарищемъ Управляющаго Государственнымъ Банкомъ, онъ занималъ постъ управляющаго его отдѣленіями сперва въ Тифлисѣ, потомъ въ Москвѣ. Жена его, Доротея Георгіевна, тоже изъ курскихъ дворянъ, была идеальной женой и матерью. У Никитиныхъ было двѣ дочери, старшая Анна, на годъ старше меня, и младшая Марія или Муся, на два года меня младше. Муся была исключительно талантливой поэтессой, ея стихи печатались въ «Новомъ Времени» когда ей не было пятнадцати лѣтъ, и она дѣлала прекрасные переводы французскихъ поэтовъ. Она была хорошенькой, но нѣсколько слабаго здоровья, а потому предметомъ особенныхъ заботъ не только родителей, но и своей сестры, которая въ ней души не чаяла.

Никитины занимали большую казенную квартиру въ зданіи Государственнаго Банка. Съ ними постоянно жила тетушка Доротеи Георгіевны, которую всѣ называли тетя Соня. При дѣвочкахъ была приставлена француженка.

Сами Никитины вели сравнительно тихій образъ жизни, большую часть вечеровъ проводили дома, разъ въ недѣлю играли въ карты. Но молодежью ихъ домъ былъ всегда полонъ. Начиная съ шестого класса гимназій, когда Анѣ минуло шестнадцать лѣтъ, стали часто устраиваться танцевальныя вечеринки: за рояль охотно садилась тетя Соня и мы съ увлеченіемъ танцевали.

Лѣтомъ Никитины снимали дачу въ Царскомъ Селѣ, откуда Дмитрію Тимофѣевичу было близко ѣздить на службу. Дача была съ хорошимъ садомъ, съ большой открытой верандой, на которой могли свободно помѣщаться человекъ тридцать. 9-го іюля былъ Анинъ день рожденія, который торжественно справлялся. Съѣзжалось много молодежи. Я пріѣзжала изъ имѣнія за нѣсколько дней до него и оставалась погостить и послѣ. Прогулки гурьбой по чуднымъ царскосельскимъ паркамъ, посѣщеніе «музыки» въ сосѣднемъ Павловскѣ, катаніе на гребныхъ лодкахъ по Царско-сельскому озеру, первыя молодя увлеченія, все это осталось дивнымъ воспоминаніемъ юности.

Мои родители не приглашали мужской молодежи въ домъ пока мнѣ ни исполнилось шестнадцати лѣтъ. Зато мое шестнадцатилѣтіе было отпраздновано баломъ, о которомъ долго вспоминали присутствовавшіе на немъ.

Такъ какъ число приглашенныхъ достигало почти ста человѣкъ, нашу квартиру надо было приспособить къ такому приему, и приготовления начались наканунѣ.

Въ отцовскомъ кабинетѣ, смѣжнымъ съ заломъ, былъ устроенъ буфетъ съ прохладительными напитками. Моя комната была превращена въ карточную комнату для пожилыхъ гостей. Середину столовой занималъ длинный столъ, приспособленный подъ холодный буфетъ и посреди него красовалась высокая ваза съ букетомъ, при видѣ котораго у всѣхъ вырывался возгласъ восхищенія. Мой двоюродный дядя, Е. В. Головинъ, специально заказалъ цвѣты изъ Ниццы и они фонтаномъ разсыпались изъ вазы разноцвѣтными искрами. Вообще вся квартира утопала въ цвѣтахъ, но кромѣ цвѣтовъ на открытомъ буфетѣ, всѣ цвѣты были бѣлыми: всѣ какъ будто сговорились прислать бѣлые цвѣты юной новорожденной. По сей часъ помню замѣчательную корзину, занимавшую уголъ въ маминомъ будуарѣ, съ кустомъ бѣлой сирени, бѣлыми розами и ландышами, привѣтствіе Дяди Леши, А. Ф. Шебунина, перваго мужа маминой старшей сестры, заказавшаго эти цвѣты съ Крита, гдѣ онъ былъ тогда Генеральнымъ Консуломъ.

Всѣхъ барышень просили быть въ бѣлыхъ платьяхъ, а къ котильону барышни получили букеты изъ свѣжихъ бѣлыхъ гвоздикъ и ландышей, а мужчины бѣлыя гвоздики въ петлицу.

Въ первый разъ я одѣла длинное платье изъ брюссельскихъ кружевъ, а французъ-парикмахеръ заложилъ мои пышные волосы въ прическу. Мое официальное « посвященіе » въ « выѣзжающія » барышни такимъ образомъ состоялось.

Утро этого знаменательнаго дня было тоже особенно отмѣчено. Въ послѣдній разъ крендель былъ

украшенъ зажженными свѣчами — шестнадцатью по числу исполнившихся лѣтъ — и свѣтъ ихъ отражался въ разноцвѣтныхъ камняхъ золотыхъ украшеній, которыми меня щедро одарили родители и родственники.

* * *

О зимѣ 1912-1913 года у меня остались самыя пріятныя воспоминанія. Посѣщеніе вечеринокъ и баловъ увлекало со всей прелестью новизны. Къ этому прибавилось регулярное посѣщеніе оперы, такъ какъ отцу удалось получить черезъ Директора театра Теляковского абонементъ на ложу бель-этажа, какъ разъ напротивъ сцены. До сихъ поръ мы ѣздили иногда въ головинскую ложу.

Кто не бывалъ въ Маріинскомъ театрѣ въ эти довоенные годы не можетъ себѣ представить блеска наполнявшей его публики. Въ ложахъ бенюара и бель-этажа можно было видѣть цвѣтъ петербургскаго общества, который былъ богатъ красивыми женщинами и блестящими представителями гвардейскаго офицерства. Ихъ мундирами пестрѣли также первые ряды партера. Громадный театръ, обитый свѣтло-голубымъ бархатомъ, служилъ красивой рамкой для этой изысканной толпы.

Оперныя и балетныя постановки были также прекрасными. Оркестръ, больше ста человекъ, былъ выше всякой похвалы. Никогда не забуду какъ, когда въ залѣ притушивались огни и за дирижерскимъ пюпитромъ появлялся либо маститый Направникъ, либо эlegantный Коутсъ, эти десятки струнныхъ инструментовъ начинали пѣть дивные мотивы оперъ Чайковского, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, Верди и другихъ композиторовъ. Эти звуки переносили въ совсѣмъ иной міръ, далекій отъ повседневной дѣйствительности. Я бывала такъ подъ очарованіемъ музыки, что очень не любила антрактовъ, когда изъ сосѣдней кондитерской Иванова приносили замороженныя конфеты, а аванложа наполнялась посѣтителями, спѣшившими подѣлиться впечатленіями отъ игры артистовъ или просто поболтать всякій свѣтскій вздоръ.

Послѣ Маріинскаго театра ни Стокгольмская, ни даже Парижская опера не могли меня удовлетворить.

Изъ всѣхъ баловъ, на которыхъ мнѣ пришлось танцевать въ этотъ сезонъ, мнѣ особенно запомнился балъ у Макшеевыхъ на нѣсколько сотъ человѣкъ.

Сынъ генерала Ф. Макшеева служилъ въ Преображенскомъ полку, а потому на этомъ балу были всѣ офицеры этого полка, а также представители другихъ гвардейскихъ полковъ. Среди всѣхъ этихъ военныхъ мундировъ, мелькали скромные мундиры лицейстовъ.

Кульминаціоннымъ пунктомъ бала былъ котильонъ, когда изъ шести дверей круглаго зала преобразенцы выкатили на середину его тачки съ живыми цвѣтами и поставили ихъ посерединѣ. Каждая барышня получала по букету, а мужчины бутоньерку въ петличку.

Во время ужина въ сосѣдней съ залой, въ которой ужинали, комнатѣ игралъ хоръ балалаечниковъ Преображенскаго полка, одинъ изъ лучшихъ балалаечныхъ оркестровъ Петербурга.

* * *

Ранней весной 1913 года изъ Константинополя пріѣхала моя двоюродная сестра Таня Шебунина съ отцемъ, чтобы представить родственникамъ своего жениха и заказать приданое.

Танинъ отецъ, А. Ф. Шебунинъ, былъ въ то время Генеральнымъ Консуломъ въ Константинополѣ и живя у него послѣ окончанія Таганцевской гимназіи, Таня познакомилась со своимъ женихомъ, Секретаремъ посольства, В. Ф. Минорскимъ. Онъ былъ лѣтъ на восемнадцать старше ее, красотой не отличался и я въ свои шестнадцать лѣтъ никакъ не могла понять, какъ моя хорошенькая кузина, изъ-за которой даже застрѣлился одинъ морякъ, шла за такого «старога гриба». Но Таня сіяла счастьемъ и я имѣю всѣ основанія предполагать что этому способствовало то, что она выходила изъ подъ опеки отца.

Въ связи съ этимъ я не могу не затронуть семейную драму семьи Шебуниныхъ, потому что она выли-

лась въ громкую исторію, о которой говорилъ весь Петербургъ и которая характерна для нравовъ того времени.

Мамина старшая сестра Нина вышла семнадцати лѣтъ замужъ за молодого чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Алексѣя Федоровича Шебунина, изъ очень богатой семьи — у его отца было пароходное общество. Молодые люди поженились по взаимной любви и все обѣщало счастливый бракъ. У нихъ родилось двое человѣкъ дѣтей, старшій Федя и дочь Таня. Вскорѣ послѣ женитьбы А. Ф. Шебунина перевели на востокъ, сперва консуломъ въ Трапезундъ, а затѣмъ въ Каиръ. Въ Каирѣ въ то время былъ первымъ секретаремъ посольства Андрей Николаевичъ Щегловъ, дѣлавшій блестящую карьеру. Это былъ исключительно обаятельный человѣкъ, которымъ увлекалось не мало дипломатическихъ дамъ. Онъ былъ на двадцать лѣтъ старше тети Нины и серьезно увлекся ею. Тетя стала отвѣчать ему взаимностью, такъ какъ къ этому времени она охладѣла къ своему мужу.

Однако она считала, что не въ правѣ думать о личномъ счастіи, имѣя двухъ маленькихъ дѣтей. Поэтому она рассказала мужу о своемъ увлеченіи и просила его перевестись въ центральное вѣдомство въ Петербургъ, чтобы больше не встрѣчаться со Щегловымъ. Дядя исполнилъ ея просьбу и они вернулись въ Петербургъ. Дядя продолжалъ служить въ Министерствѣ и, снявъ большую квартиру на Каменно-островскомъ проспектѣ, они держали открытый домъ.

Такъ прошло десять лѣтъ. Однажды тетя ѣдетъ съ визитомъ къ знакомымъ и встрѣчаетъ у нихъ совершенно неожиданно А. Н. Щеглова. За эти десять лѣтъ онъ побывалъ Совѣтникомъ посольства въ Японіи, затѣмъ былъ нѣсколько лѣтъ посланникомъ въ Болгаріи, а въ 1906 году, о которомъ идетъ рѣчь, онъ былъ посланникомъ въ Румыніи и пріѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ.

Какъ тетя мнѣ потомъ сама говорила, эта неожиданная встрѣча явилась переломомъ въ ея жизни. Послѣ десяти лѣтъ разлуки, и Щегловъ, и она почувствовали, что больше жить другъ безъ друга они

не могутъ. Тетя по возвращеніи домой заявила мужу, что она требуетъ у него развода.

Для дяди, который боготворилъ жену, это было страшнымъ ударомъ. На слѣдующій день онъ встрѣтилъ въ Министерствѣ Щеглова, который явился съ докладомъ къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ Сазонову, и въ присутствіи нѣсколькихъ старшихъ чиновъ Министерства далъ ему пощечину.

Черезъ день состоялась дуэль. Дядя ранилъ Щеглова въ ключицу, но не опасно. Тетя, узнавъ о дуэли, переѣхала въ особнякъ къ родителямъ и просила своего дядю, присяжнаго повѣреннаго В. Е. Головина, поднять дѣло о разводѣ.

При своихъ большихъ связяхъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, старикъ Головинъ устроилъ разводъ въ три мѣсяца. Но второй бракъ тети, несмотря на гармоничную супружескую жизнь, былъ омраченъ двумя обстоятельствами. Съ одной стороны, дядя наотрѣзъ отказался отдать дочь «безнравственной матери», съ другой, Щегловъ былъ вынужденъ подать въ отставку и такимъ образомъ оборвалась его блестящая карьера. Онъ считался однимъ изъ нашихъ лучшихъ дипломатовъ. Въ свою бытность посланникомъ въ Болгаріи, онъ сумѣлъ такъ расположить къ себѣ Царя Фердинанда, съ которымъ постоянно игралъ въ шахматы, что когда началась война, многіе утверждали, что Болгарія никогда не выступила бы противъ Россіи, если бы въ Софіи былъ по прежнему Андрей Николаевичъ Щегловъ.

Для Тани начался самый тяжелый періодъ ея жизни. Она обожала мать и была равнодушна къ отцу. Кромѣ того, такъ какъ ей надо было кончать гимназію, а дядя былъ Генеральнымъ Консуломъ на островѣ Критѣ — онъ получилъ это назначеніе сразу послѣ развода — онъ поселилъ ее у своей хорошей знакомой, ставшей въ послѣдствіи его второй женой, Маріи Михайловнѣ Лобко, вдовы Государственнаго Контролера. Марія Михайловна мягкостью характера не отличалась и, любя дядю, строго осуждала тетю, не считаясь съ дочерними чувствами Тани.

Пріѣздомъ Тани закончился зимній сезонъ и наступило время выпускныхъ экзаменовъ. Ввиду того, что я хорошо знала курсъ, подготовка къ экзаменамъ не занимала у меня много времени и, пользуясь чудной весенней погодой, я много гуляла на Островахъ, а иногда, вмѣстѣ съ родителями, пила вечерній чай на «Поплавкѣ» — пловучемъ ресторанѣ на «Стрѣлкѣ», столь излюбленной петербуржцами. И дѣйствительно, любоваться солнечными закатами на взморьѣ было великимъ наслажденіемъ и перламутровое освѣщеніе бѣлыхъ ночей не поддается никакому описанію. Скажу только, что никогда Петербургъ не былъ такъ таинственно прекраснымъ, какъ въ эти свѣтлыя майскія ночи — городъ-сказка, городъ-греза его великаго творца.

О серьезности экзаменовъ мнѣ напоминали лишь посѣщенія подругъ, приходившихъ ко мнѣ за помощью, въ особенности по математикѣ. Ихъ озабоченныя лица говорили мнѣ о трудности предстоящихъ испытаній, но они меня не волновали. Я сдала играючи всѣ предметы на круглую пятерку и стала готовиться къ экскурсіи.

По инициативѣ Любви Степановны Таганцевой весной 1913 года устраивалась пробная экскурсія для желающихъ принять въ ней участіе выпускныхъ ученицъ, которыя въ сопровожденіи нѣсколькихъ преподавателей должны были осмотрѣть историческіе памятники Нарвы и Ревеля. Цѣлью экскурсій было позволить небогатымъ дѣвушкамъ ознакомиться съ красотами и достопримѣчательностями своей родины. Первая экскурсія должна была продолжаться только три дня. На нее записалось человекъ двадцать, въ ихъ числѣ и я, которая проводила всегда лѣто въ имѣніи въ Финляндіи и Россіи совсѣмъ не знала.

Экскурсія получила въ свое распоряженіе желѣзнодорожный спальный вагонъ. Ночью онъ насъ возилъ, а днемъ, по прибытіи на мѣсто осмотра, отцѣплялся и ставился на запасный путь. Такимъ образомъ отпадали расходы по гостиницѣ. Столовались же мы въ скром-

ныхъ столовыхъ, съ которыми начальство заранѣе списалось.

Осмотры достопримѣчательностей и прогулки совершались съ девяти утра до семи часовъ вечера. Послѣ семи часовъ мы могли посѣщать знакомыхъ, если у кого таковыя имѣлись, и даже оставаться у нихъ ночевать при условіи, чтобы ровно къ девяти часамъ утра являться на мѣсто сбора у вагона.

О посѣщеніи Нарвы у меня осталось очень смутное воспоминаніе. Зато Ревель ярко запечатлѣлся въ памяти со своей старинной центральной частью, со своими уютными домиками подъ красной черепичатой крышей, живописнымъ Екатерининталскимъ паркомъ и чуднымъ видомъ на море.

Въ это лѣто часть Балтійской эскадры стояла въ Ревелѣ. Мужъ маминой средней сестры, Николай Александровичъ Новиковъ, былъ флагманскимъ врачомъ, плавающимъ на адмиральскомъ суднѣ. Тетя же жила вмѣстѣ съ маленькой дочкой Наташей и ея гувернанткой на хорошенькой дачѣ въ Екатериненталѣ, недалеко отъ Морского Собранія. Дядя съ тетей, которые меня всегда очень баловали, воспользовались посѣщеніемъ нашей экскурсіей Ревеля, чтобы отпраздновать мое окончаніе гимназій съ золотой медалью. Они мнѣ предложили пригласить какую-нибудь подругу на ужинъ въ Морскомъ Собраніи, съ ночевкой на дачѣ у тети. Дядя со своей стороны привелъ нѣсколькихъ молодыхъ мичмановъ и мы превесело поужинали и выпили шампанскаго.

Когда, уже въ первомъ часу ночи, мы покинули Собраніе и вышли въ паркъ, нашимъ глазамъ представилось сказочное зрѣлище: въ зеркальной поверхности моря отражалась цѣпь огней съ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, а небо было осыпано звѣздами. Тутъ у дяди зародилась блестящая идея: устроить для нашей экскурсіи посѣщеніе броненосца «Императора Павла», одного изъ новѣйшихъ гигантовъ нашего флота.

Этотъ непредвиденный пунктъ программы экскурсіи оказался ея кульминаціоннымъ. День выдался чудный: теплый, солнечный, напоенный ароматомъ

всюду цвѣтущихъ кустовъ сирени. За нами пріѣхалъ моторный катеръ и повезъ насъ на «Императора Павла», мощный силуэтъ котораго рельефно вырисовывался на тихихъ волнахъ залива.

На палубѣ броненосца выстроились офицеры судна въ своихъ красивыхъ бѣлыхъ кителяхъ и съ веселой улыбкой привѣтствовали стайку юныхъ дѣвушекъ.

Пройдясь по палубѣ и полюбовавшись панорамой Ревеля, насъ повели въ каютъ-компанію, гдѣ былъ накрытъ чайный столъ со всякими тортами, печеніями и другими сладостями. Тут произошелъ забавный эпизодъ. Въ каютъ-компаніи стояла клѣтка съ большимъ зеленымъ попугаемъ. Офицеры, забавляясь съ нимъ, научили его всякимъ забористымъ словечкамъ, которыми столь богатъ языкъ моряковъ. Когда мы стали входить въ каютъ-компанію, попка сперва онѣмѣлъ отъ столь непривычнаго для него женскаго общества, но оправившись, сталъ отпускать одно отборное словечко за другимъ. Командиръ броненосца въ ужасѣ схватилъ себя за голову и закричалъ: «Вѣдь я же говорилъ, чтобы убрать попугая, когда пріѣдутъ молоденькія барышни. Несите его немедленно вонъ».

Два мичмана, подъ хохотъ товарищей, схватили клѣтку съ злощастнымъ попугаемъ и поволокли его на бакъ. Въ общей суматохѣ не догадались накинуть на клѣтку какое-нибудь покрывало и попка продолжалъ извергать страшныя ругательства пока его уносили.

За чаемъ мнѣ достался сосѣдомъ старшій офицеръ броненосца и я невольно завидовала подругамъ, имѣвшихъ сосѣдями молодыхъ мичмановъ и лейтенантовъ. На самомъ же дѣлѣ мнѣ на рѣдкость повезло, потому что мой солидный кавалеръ, расположившись къ своей болтливой и смѣшливой сосѣдкѣ, предложилъ мнѣ показать послѣ чая нѣчто совсѣмъ особенное при условіи, что я никому об этомъ не расскажу.

Сперва мы осматривали каюты офицеровъ, обитыя бархатомъ мышинаго цвѣта, машинное отдѣленіе и помѣщеніе для команды и тутъ, отведя меня въ сторону, старшій офицеръ сказалъ: «Ну, теперь идемте» и какими-то переходами повелъ меня въ одну изъ башень

для пушекъ. Въ ней онъ меня усадилъ на родъ вращающагося табурета и сказалъ на какую нажать кнопку. Послѣ того, какъ я это сдѣлала, полъ башни раздвинулся и былъ поданъ снарядъ, который вошелъ въ стволъ пушки. «Теперь, если нажать на этотъ рычагъ, будетъ произведенъ выстрѣлъ изъ этого орудія, но этого мы съ вами не сдѣлаемъ, ибо это будетъ имѣть весьма прискорбныя послѣдствія для насъ обоихъ и въ особенности для меня», смѣясь сказалъ мой чичероне и снялъ меня съ табурета.

Проведя часа три на броненосцѣ, мы, провожаемыя пожеланіями счастливаго пути со стороны нашихъ любезныхъ хозяевъ, опять разсѣлись въ катеръ и съ сожалѣніемъ поѣхали на берегъ.

* * *

Сезонъ 1913-1914 года, послѣдній сезонъ передъ первой міровой войной, начался для меня рано свадьбой моей двоюродной сестры Тани Шебуниной, имѣвшей мѣсто 12-го сентября.

Свадьба была очень нарядной. Много красивыхъ дамъ блистало на ней своими туалетами. Ихъ блеску не уступали придворные и дипломатическіе мундиры. Молодыхъ поздравляли шампанскимъ въ залѣ, смежной съ церковью, а затѣмъ родственники и ближайшіе друзья поѣхали на Финляндскій вокзалъ, такъ какъ молодые уѣзжали на Иматру, всего на двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ они должны были отправиться въ своеобразное свадебное путешествіе. В. Ф. Минорскій былъ назначенъ въ международную комиссію по разграниченію турецко-персидской границы, которая ѣхала подъ охраной отряда казаковъ и сипаевъ въ края, куда еще не ступала нога европейца. Минорскій бралъ съ собой свою молодую жену.

Въ то время какъ подруга моихъ дѣтскихъ игръ ѣхала въ далекіе края, я заканчивала свое среднее образованіе, оставшись въ восьмомъ классѣ.

Какъ я уже писала, въ восьмомъ классѣ была введена лекціонная система и мы чувствовали себя слушательницами высшихъ курсовъ. Этому способ-

ствовало и то, что появились новые предметы, какъ психологія, начало юридическихъ наукъ, латынь и высшая математика.

Психологію у насъ читалъ Римскій-Корсаковъ, сынъ извѣстнаго композитора, очень эlegantный, носившій неизмѣнно сѣрыя гетры, но суховатый, такъ что его обликъ какъ-то не вязался съ нашимъ представленіемъ о сынѣ композитора.

Русскую литературу второй половины XIX-го столѣтія блестяще читалъ молодой доцентъ Слонимскій, съ которымъ послѣ лекцій у насъ происходили увлекательные споры.

Физику преподавалъ профессоръ университета Сазоновъ.

Въ эту зиму гимназія понесла тяжелую утрату: скончалась ея создательница и мудрая руководительница Любовь Степановна Таганцева. Горе учительскаго персонала и ученицъ старшихъ классовъ было искреннимъ. Какъ это всегда бываетъ, теперь, когда ее не стало, мы почувствовали все ея значеніе.

Было устроено собраніе для всѣхъ учителей, ученицъ и ихъ родителей, посвященное памяти покойной. Говорить отъ имени ученицъ мои одноклассницы выбрали меня. Составить рѣчь, въ которой говорилось о томъ, чѣмъ была для насъ ученицъ Любовь Степановна мнѣ не составило труда. Но когда мнѣ пришлось взойти на кафедру и я увидѣла передъ собой сотни головъ, у меня перехватило дыханіе. Однако, когда я заговорила, я забыла о присутствующихъ и вся отдалась своему чувству преклоненія передъ покойной. Ни разу не взглянувъ въ текстъ рѣчи, лежавшій передо мной, я произнесла ее и только кончивъ говорить опять посмотрѣла на слушателей. Къ моему смущенію я увидѣла, что почти что всѣ плакали, и быстро сбѣжавъ съ кафедры, я нырнула изъ актовъ залы въ коридоръ. Здѣсь меня догналъ нашъ учитель законовѣденія, присяжный повѣренный Дьяковъ, и взявъ меня за руку сказалъ: « Ваше прямое призваніе — адвокатура. Изъ васъ выйдетъ прекрасный защитникъ ». Увы, въ то время, женщины у насъ не имѣли права быть присяжными повѣренными.

На ряду съ ученіемъ шла свѣтская жизнь съ посѣщеніемъ оперы, театровъ, съ многочисленными вечеринками и балами. Серія баловъ открылась баломъ у насъ 1-го ноября, но на этотъ разъ это не былъ «бѣлый балъ», какъ въ прошломъ году, и платья барышень переливали всѣми цвѣтами радуги.

Въ этотъ сезонъ, помимо баловъ въ частныхъ домахъ, я побывала на вечерахъ въ Морскомъ Корпусѣ, въ Правовѣденіи и въ Лицеѣ.

Лучшее воспоминаніе у меня осталось отъ вечера въ Правовѣденіи. Правовѣды начинали его традиціонно съ представленія оперетки, причемъ всѣ женскія роли исполнялись также ими. Въ этотъ сезонъ шла оперетка «Открытіе Америки», которая была очень мило поставлена. Я никакъ не хотѣла вѣрить, что очаровательная примадонна была бы юношей. Но пришлось въ этомъ убѣдиться, когда насъ познакомили послѣ окончанія оперетки.

Послѣ оперетки начинались танцы, продолжавшіеся до пяти часовъ утра, прерванные ужиномъ въ изумительно красиво убранныхъ залахъ и классныхъ комнатахъ. Мнѣ пришлось ужинать въ залѣ, превращенномъ въ японскій садъ, съ цвѣтущими вишневыми деревьями, съ горбатыми мостиками, перекинутыми черезъ ручейки, вода въ которыхъ была изъ голубоватаго стекла. Впослѣдствіи, всякій разъ, когда мнѣ приходилось слушать оперу «Мадамъ Беттерфляй», мнѣ вспоминался ужинъ въ Правовѣденіи.

Къ зимнимъ развлечениямъ относилось катаніе на конькахъ, изящный спортъ, который мнѣ не давался изъ-за прирожденнаго дефекта равновѣсія. Во внутреннемъ дворѣ Государственнаго Банка былъ устроенъ прекрасный катокъ для старшихъ чиновъ и молодежь, бывавшая у Никитиныхъ, прилежно имъ пользовалась.

Эта зима промелькнула какъ одно мгновеніе и наступила весна со сдачей зачетовъ и окончательнымъ разставаніемъ съ гимназіей.

Надо было также принимать рѣшеніе насчетъ дальнѣйшаго образованія, такъ какъ гимназія пробу-

дила въ насъ такую жажду знаній, что лишь очень немногія собирались просто жить дома и выѣзжать до замужества. Было грустно, что наши пути съ моей лучшей подругой Аней Никитиной расходились. У Ани были опредѣленныя педагогическія наклонности и она поступала на историческій факультетъ Педагогическихъ курсовъ. Я же металась. Собственно меня тянуло къ адвокатурѣ, но женщины еще не могли быть присяжными повѣренными и выступать въ судѣ, такъ что изученіе юридическихъ наукъ давало лишь кабинетныя знанія безъ практическаго ихъ примѣненія. Учительская дѣятельность меня совсѣмъ не привлекала и потому я рѣшила послѣдовать совѣту родителей и поступить на архитектурные курсы. Данныя для этого у меня были: способность къ математикѣ, склонность къ рисованію и большая любовь къ искусству. Архитектурные курсы Багаевой, на которые я поступала, имѣли курсъ Академіи Художествъ, т.е. ими преслѣдовалась художественная сторона строительства за счетъ технической, которая предоставлялась гражданскимъ инженерамъ.

Въ концѣ мая состоялась вторая экскурсія, на этотъ разъ длившаяся недѣлю и посвященная осмотру Пскова, Печерской Лавры и Балтійской Швейцаріи съ живописными Венденомъ и Трейденомъ.

Я также въ ней участвовала, но мечтала больше о предстоящей поѣздкѣ за границу, которую мнѣ обѣщаль отецъ въ награду за удачное окончаніе гимназіи. Забавно, что билеты въ международномъ вагонѣ у насъ были заказаны на 19-ое іюля ст. стилиа или 1-ое августа новаго, т.е. на день объявленія войны.

Ввиду предстоящей заграничной поѣздки рѣшили въ имѣніе не ѣздить, тѣмъ болѣе, что у насъ производился ремонтъ парадныхъ комнатъ, за которымъ родители хотѣли наблюдать. Чтобы мнѣ не оставаться въ Петербургѣ на первую половину лѣта, я должна была ѣхать гостить сперва въ родовое аничковское имѣніе въ Новгородской губерніи, а затѣмъ къ теткѣ въ Портъ Императора Александра III подѣ Либавой.

Я очень мечтала о пребываніи въ «русскомъ» имѣніи, такъ какъ наше находилось на Карельскомъ

перешейкѣ и гостившія у меня подруги говорили, что Финляндія это заграница: и народъ чужой, и природа суровая. Мои ожиданія не были обмануты и я съ наслажденіемъ окунулась въ жизнь родового имѣнія.

Помню, какъ мы, т.е. Наташа Аничкова, ея отецъ, еще одна Наташина подруга Катя Рязанова и я, подкатили въ третьемъ часу ночи на тройкѣ къ аничковскому «Марьину» и, окруженный большими липами, передъ нами предсталъ двухэтажный домъ съ колоннами, типичнаго русскаго ампира, какъ я выбѣжала въ садъ и погрузилась въ душистый туннель изъ сирени, которая вела въ конецъ сада; за нимъ разстилался большой лугъ, омываемый живописно извивавшейся рѣчкой.

На большой верандѣ былъ накрытъ чай съ душистыми булочками и лишь подкрѣпившись съ дороги намъ было разрѣшено подняться въ нашу комнату во второмъ этажѣ съ большимъ открытымъ балкономъ, съ котораго открывался широкой видъ на поля и луга. Лѣсъ темнѣлъ вдаль и это преобладаніе полей было непривычно послѣ лѣсистой Финляндіи.

Жизнь въ «Марьинѣ» потекла привольно и весело. На разстояніи 5-10 верстъ отъ него было нѣсколько имѣній, всѣ помѣщики были между собою знакомы, во всѣхъ семьяхъ была молодежь, которая съѣхалась на лѣтніе каникулы домой и почти дня не проходило, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не пріѣзжалъ къ намъ или мы не отправлялись въ гости. Молодежь купалась, играла въ горѣлки и лапту, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были теннисныя площадки, иногда танцевали и, нарѣзвившись вдосталь, возвращались домой въ сопровожденіи хозяевъ на тройкахъ или верхомъ.

Особенно мнѣ запомнилось посѣщеніе усадьбы, принадлежавшей тремъ сестрамъ баронессамъ Клодтъ, глубокимъ старушкамъ, изъ которыхъ младшей было 87 лѣтъ. Всѣ три были в молодости красавицами, судя по портретамъ, и фрейлинами еще при Императорѣ Николаѣ I. Онѣ и въ старости сохранили привѣтливую общительность и узнавъ, что къ Наташѣ Аничковой пріѣхали двѣ ея подруги, онѣ устроили у себя дневной

чай, на который пригласили человекъ двѣнадцать молодежи.

Домъ баронессъ Клодтъ былъ настоящимъ музеемъ, роскошно обставленнымъ мебелью ампиръ, съ галлереей портретовъ предковъ, съ массой очаровательныхъ бездѣлушекъ прошлаго столѣтія: золотыхъ табакерокъ, эмалированныхъ шкатулокъ, вазъ и статуэтокъ.

На террасѣ былъ накрытъ чайный столъ, который ломился отъ домашняго печенія, варенія и душистаго золотистаго меда съ собственнаго пчельника.

Старушки насъ привѣтливо угощали, охотно рассказывали исторію того или иного предмета, а затѣмъ отпустили насъ бродить въ громадный садъ со столѣтними липами и дубами. Садъ былъ нѣсколько запущенъ, цвѣтниковъ въ немъ не было разбито, но въ немъ бѣшено разрослись кусты сирени, жасмина и шиповника, наполнявшіе его дивнымъ ароматомъ. Въ зелени бѣлѣли статуи всякихъ Венеръ и Аполлоновъ, было нѣсколько бесѣдокъ, обвитыхъ жимолостью, видавшихъ, навѣрное, не мало любовныхъ свиданій на своемъ вѣку.

Не хотѣлось уѣзжать изъ этого мирнаго пріюта, носителя утонченной дворянской культуры, и мы съ сожалѣніемъ распрощались съ милыми старушками.

Ближайшее отъ «Марьины» село было очень зажиточнымъ. Почти всѣ дома были двухэтажными или съ мезониномъ, въ окнахъ висѣли кружевные занавѣски, обличины оконъ и карнизы были украшены рѣзьбой. Около cadaго дома былъ палисадникъ съ громадными подсолнухами. Въ большой лавкѣ посреди села можно было все купить, начиная съ дегтя и лошадиной упряжи и кончая шерстяными и бумажными матеріями весьма приличнаго качества.

Три недѣли у Аничковыхъ пролетѣли какъ одно мгновеніе и, какъ они меня ни уговаривали остаться еще, до самой поѣздки за границу, я все же уѣхала, не желая упустить случая пожить у своей любимой тетки.

Тетя Люля, какъ я ее называла, или Людмила Васильевна Новикова, занимала совсѣмъ особое мѣсто

въ моей жизни и воспоминанія о ней связаны у меня всегда съ праздничнымъ настроеніемъ.

Хотя она была средней из трехъ сестеръ, она вышла замужъ послѣдней и, какъ рассказывала мнѣ няня, она горько плакала передъ маминой свадьбой, младшей сестры, считая, что она осталась въ «старыхъ дѣвахъ» — а было ей всего 21 годъ.

Она вышла замужъ четыре года спустя за морского врача, Николая Александровича Новикова, который всю жизнь въ ней души не чаялъ.

У Новиковыхъ постоянного мѣста жительства не было, такъ какъ дядя былъ флагманскимъ врачомъ и всегда сопровождалъ командующаго Балтійскимъ флотомъ. Поэтому они жили то въ Кронштадтѣ, то въ Ревелѣ, то въ Гельсингфорсѣ. Иногда, когда дядя уходилъ въ плаваніе, тетя пріѣзжала погостить въ Петербургъ и жила попеременно у дѣдушки съ бабушкой или у насъ.

Когда она обосновывалась у насъ, для меня наступали блаженные дни. Все свободное время я проводила вмѣстѣ съ нею, мы ходили по магазинамъ, ѣздили на Острова. Тетя была на рѣдкость живой и веселой и вызывала у меня институтское восхищеніе.

Съ осени 1913 года Новиковы жили во вновь построенномъ Порту Императора Александра III под Либавой и вотъ туда я ѣхала къ нимъ на остающіяся недѣли до отъѣзда за границу.

Въ первый разъ я пускалась въ путешествіе со всѣмъ одна. Для меня было взято купе перваго класса и мнѣ было строго наказано изъ него не выходить и ни съ кѣмъ въ дорогѣ не знакомиться. Поѣздъ уходилъ изъ Петербурга въ девять часовъ вечера, а въ Либаву я должна была пріѣхать на слѣдующій день около четырехъ часовъ дня.

Въ Либаवѣ меня встрѣтила тетя Люля и повезла на извозчикѣ къ себѣ въ Портъ, до котораго было верстъ семь.

Эта новая морская база меня сразу очаровала. Улицы представляли изъ себя бульвары. По обѣимъ сторонамъ ихъ въ большихъ садахъ стояли двухэтажные каменные дома, красивой архитектуры. Каждая

семья занимала этажъ, располагая квартирой въ шесть комнатъ, съ прекрасной ванной и кухней. Посреди селенія высился большой соборъ, напоминавшій Соборъ Спаса на крови въ Петербургѣ. Дома для семейныхъ офицеровъ отдѣлялись чудной сосновой рощей отъ казармъ матросовъ, при которыхъ были квартиры холостыхъ офицеровъ.

На берегу моря раскинулся большой паркъ съ нѣсколькими теннисными площадками и Морскимъ Собраніемъ, облицованнымъ бѣлымъ мраморомъ. Оно было недавно закончено и говорили, что обошлось въ милліонъ рублей.

Ввиду того, что дядя находился въ плаваніи, я помѣстилась на отоманкѣ въ его кабинетѣ и началась моя привольная жизнь у тети.

Утромъ, напившись чаю, я шла со своей маленькой кухней, которой было только девять лѣтъ, и ея гувернанткой-французенкой на пляжъ. Лѣто 1914-го года было исключительно жаркимъ, дни стояли знойные, на небѣ ни облачка, море разстилалось какъ зеркало. Въ то время какъ Наташа и ея гувернантка купались въ морѣ, я лежала на шелковистомъ пескѣ и смотрѣла на паруса маячившихъ на горизонтѣ лодокъ или на дымокъ проходившихъ изъ Либавы пароходовъ.

Часовъ въ одиннадцать я встрѣчалась на теннисной площадкѣ съ госпожами Бурачекъ и Гаддъ, единственными дамами, съ которыми тетя поддерживала знакомство, и мы играли часа полтора въ теннисъ. Другихъ женъ моряковъ, жившихъ въ Порту, тетя считала слишкомъ легкомысленнаго поведенія. Въ тѣ предвоенные годы нравы въ морскомъ обществѣ оставляли желать много лучшаго.

Послѣ завтрака мы предавались «дольче фарниенто» въ саду, а передъ обѣдомъ я ѣздила кататься на велосипедѣ. Къ обѣду часто приходили гости и вечера проходили незамѣтно въ пріятной компаніи. Дни шли быстро и хотя говорили о Сараевскомъ убійствѣ, никому въ голову не приходило, что эта мирная жизнь прервется черезъ какіе-нибудь восемьдесятъ дней.

Ольгинъ день, 11-ое іюля, прошелъ еще празд-

нично. А на слѣдующій день пришелъ приказъ военнымъ судамъ, стоявшимъ въ порту, сниматься съ якоря и выходить въ море, а въ самомъ порту поднялась паника. Откуда-то былъ пущенъ слухъ, что сразу послѣ объявленія войны нѣмцы вторгнутся въ Прибалтику и всѣ семьи моряковъ стремились покинуть Портъ Императора Александра III возможно скорѣй. Обстановку оставляли на складахъ въ Либавѣ и весь день фургоны транспортныхъ фирмъ грузили мебель и утварь. Тетя тоже усиленно укладывалась и сказала мнѣ съѣздить въ сопровожденіи сына священника въ Либаву и взять себѣ спальное мѣсто на одинъ изъ ближайшихъ дней для возвращенія въ Петербургъ.

Вечеромъ 13-го іюля состоялся мой послѣдній теннисный матчъ въ чудномъ паркѣ Морского Собранія. По желанію двухъ моряковъ-подводниковъ, которые «реквизировали» меня у моихъ дамъ-партнершъ и усиленно тренировали, найдя у меня «недюженныя способности» къ теннису, мы встрѣтились передъ самымъ ихъ выходомъ въ море. У обоихъ лейтенантовъ на ногахъ были сапоги и штаны закрѣплены зажимами.

Съ тенниса я пошла ихъ проводить на ихъ лодки.

А 15-го іюля я сама уѣзжала. Тетя, занятая упаковкой своихъ вещей, не могла поѣхать меня провожать въ Либаву и я отправилась вмѣстѣ съ вѣрнымъ Васей, сыномъ священника, который какъ-то словчился получить извозчика.

На вокзальной площади Либавы я въ первый разъ почувствовала ужасъ войны. Вся большая площадь представляла изъ себя какъ-бы цыганскій таборъ. Люди сидѣли на своемъ скарбѣ, ожидая возможности погрузиться въ вагонъ. Дѣти плакали, женщины метались въ поискахъ какихъ-нибудь пропавшихъ узловъ или чемодановъ. На вокзалъ приходилось протискиваться между вещами и людьми.

Заказаннаго спальнаго мѣста я не получила и должна была ѣхать на полу салонъ-вагона, который обѣщали прицѣпить къ первому отходящему поѣзду. Въ послѣднюю минуту передъ отходомъ въ этотъ ва-

гонъ привели еще нѣсколько дамъ, все женъ моряковъ. Хотя я не была съ ними знакома, а знала только по виду, у насъ быстро состоялось знакомство на почвѣ обильной закуски, которой все-же снабдила меня тетя.

Поѣздка оказалась не изъ пріятныхъ. Мы постоянно останавливались, пропуская другіе поѣзда, нагруженные солдатами, иногда насъ отводили на запасный путь и тогда возникала паника: мы боялись окончательно застрять въ пути.

Въ Петербургъ мы прибыли съ опозданіемъ почти на сутки.

Вернулась я въ Петербургъ 17-го іюля ст. стилия, а на слѣдующій день вечеромъ моя подруга Аня Никитина позвонила мнѣ по телефону, чтобы сообщить, что ихъ семья переѣхала въ городъ изъ Царскаго Села ввиду тревожнаго времени. Она звала меня пріѣхать къ нимъ на слѣдующій день, чтобы рассказать о моемъ пребываніи въ имѣніи Аничковыхъ и у тети подъ Либавой и о моемъ возвращеніи съ приключеніями въ Петербургъ.

19-го іюля, сразу послѣ завтрака, я пошла къ Никитинымъ въ Государственный Банкъ.

Когда мы сидѣли за чайнымъ столомъ, Доротею Георгіевну Никитину вызвалъ по телефону со службы мужъ и сказалъ ей, что Управляющій Банкомъ только что получилъ сообщеніе, что Германія объявила войну Россіи.

Услышавъ эту страшную новость, я стала немедленно собираться домой, чтобы сообщить ее своимъ родителямъ. Я знала, что мой отецъ не пошелъ въ этотъ день въ министерство по нездоровью.

Прислуга наняла мнѣ извозчика и я отправилась домой. Но доѣхать пришлось лишь до угла Невскаго проспекта и тутъ моимъ глазамъ представилось потрясающее зрѣлище. Вся Казанская площадь съ прилегающими къ ней частями Невскаго представляла собою море головъ. И какъ разъ, когда мой извозчикъ остановился на углу Екатерининскаго канала и Невскаго, вся эта многотысячная толпа какъ одинъ человѣкъ опустилась на колѣни и запѣла «Боже, Царя храни». Мой извозчикъ снялъ шапку и набожно крес-

тился, а я, стоя въ дрожкахъ, съ трудомъ сдерживала рыданія.

Пропѣвъ гимнъ, который никогда не казался мнѣ столь величественнымъ и прекраснымъ, какъ въ этомъ стихійномъ исполненіи, толпа поднялась съ колѣнъ и пошла вдоль Невскаго къ Зимнему Дворцу.

Мой извозчикъ погналъ лошадь и черезъ десять минутъ я возглашала, вбѣгая въ нашу столовую, гдѣ за чайнымъ столомъ помимо родителей сидѣлъ ихъ большой другъ С. П. Веселаго, Товарищъ Министра Торговли и Промышленности: «Германія объявила войну Россіи».

Услышавъ, что эта новость изъ офіціального источника, С. П. Веселаго, который заѣхалъ по дорогѣ изъ какой-то комиссіи, немедленно собрался въ свое министерство, а мой отецъ сталъ телефонировать въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы узнать подробности. Увы, сомнѣнія не было: война началась.

Первымъ моимъ порывомъ было идти въ сестры милосердія, но мой отецъ категорически этому воспротивился, считая что въ мои семнадцать лѣтъ, при не особенно крѣпкомъ здоровьи и большой впечатлительности я буду больше помѣхой чѣмъ принесу пользы, и мнѣ пришлось подчиниться.

Уже на слѣдующій день къ моей матери позвонила по телефону Елизавета Петровна Аничкова, жена Завѣдующаго Гофмаршальской Частью Двора, и сказала, что она была бы рада видѣть мою мать и меня въ возглавляемомъ ею отдѣлѣ по снабженію бѣльемъ для раненыхъ поѣздовъ Государыни Александры Федоровны, а еще черезъ день мы съ мамой отправились послѣ раннего завтрака въ Запасный Дворецъ.

Мы оказались въ одной комнатѣ съ О. Ф. Бюцовой, фрейлиной Государыни Александры Федоровны, двумя сестрами баронессами Елизаветой и Ольгой Корфъ, тоже фрейлинами, и женой англійскаго военнаго атташе, урожденной графиней Адлербергъ. Сама Елизавета Петровна переходила изъ одной комнаты въ другую своего отдѣла и слѣдила за согласованностью работы.

Въ нашей комнатѣ просчитывались пачки съ

бѣльемъ, которое шилось въ нижнихъ залахъ Зимняго Дворца, куда могъ приходиться шить кто хотѣлъ, бѣлье штемпелевалось, пачки крѣпко связывались и передавались въ упаковочный отдѣлъ.

Приходили мы ежедневно къ 12-ти часамъ дня и работали безъ перерыва до пяти, иногда до шести часовъ вечера.

Разъ въ недѣлю пріѣзжала Государыня Александра Федоровна, большей частью въ сопровожденіи двухъ старшихъ Великихъ Княженъ Ольги и Татьяны. Въ связи съ однимъ изъ такихъ посѣщеній произошелъ забавный инцидентъ.

Баронесса Елизавета, или какъ ее называли Лили Корфъ, стояла рядомъ со мной и мы такъ усердно хлопали штемпелями и такъ оживленно бесѣдовали, что не замѣтили какъ въ комнату вошла Государыня, такъ какъ стояли спиной къ двери. Насъ поразила однако наступившая полная тишина и оглянувшись, мы увидѣли улыбающуюся Государыню и смѣющихся Великихъ Княженъ. Видя нашъ смущенный видъ, Государыня сказала: «Я очень рада, что въ моемъ бѣльевомъ отдѣлѣ такъ прилежно работаютъ» и пошла дальше въ сопровожденіи Е. П. Аничковой.

Фрейлина Бюцова была искренно предана Государынѣ и, чувствуя въ нѣкоторыхъ изъ насъ нѣсколько критическое къ ней отношеніе въ связи съ вліяніемъ на нее Распутина, она много намъ говорила о томъ, какъ горячо Государыня любитъ Россію и какъ она вообще благожелательна, но что ей сильно мѣшаетъ ея природная застѣнчивость въ ея сношеніяхъ съ людьми.

Бѣльемъ, которое шилось въ нижнихъ залахъ Зимняго Дворца, въ первую очередь снабжались поѣзда Государыни Александры Федоровны; остающіеся излишки раздавались въ лазареты и другимъ санитарнымъ поѣздамъ. Для полученія такихъ вещей ассигновокъ, уполномоченные лазаретовъ и поѣздовъ должны были обращаться въ распредѣлительный отдѣлъ, которымъ вѣдалъ графъ Ниродъ. Онъ возсѣдалъ за большимъ письменнымъ столомъ, стоявшимъ въ фойе Эрмитажнаго театра.

Такъ незамѣтно за работой въ Складѣ прошелъ конецъ іюля и весь августъ. Въ началѣ сентября А. Б. Сазонова, жена Министра Иностраннхъ Дѣлъ, объѣхала всѣхъ женъ старшихъ чиновъ Министерства, прося ихъ приходить къ ней два раза въ недѣлю шить бѣлье для раненыхъ, такъ что моею матери пришлось дѣлать свое время между Складомъ и собраніями у жены министра. На нихъ бывала также моя кузина Таня. Ея мужъ, В. Ф. Минорскій, вернулся къ осени изъ экспедиціи по разграниченію турецко-персидской границы и пока онъ обрабатывалъ матерьялы для составленія доклада объ экспедиціи, онъ поселился съ женой въ Петербургѣ, снявъ меблированную квартиру на Мойкѣ, такъ какъ съ 1-го февраля 1915 года онъ назначался Первымъ Секретаремъ нашей миссіи въ Тегеранѣ и первымъ сотрудникомъ Посланника фонъ Эттеръ.

Для меня лично приближался день моего поступленія на архитектурные курсы.

Архитектурные Курсы Багаевой были основаны женой Генерала Багаева, и помѣщались на Бассейной улицѣ, занимая три этажа большого доходнаго дома. Ихъ программа соотвѣтствовала программѣ Академіи Художествъ, т.е. главное вниманіе концентрировалось на художественной сторонѣ строительства. Конечно, архитекторъ-художникъ могъ самостоятельно построить любое зданіе, но большей частью онъ это дѣлалъ въ сотрудничествѣ съ гражданскимъ инженеромъ, который завѣдывалъ технической стороной постройки, въ то время какъ архитекторъ-художникъ всецѣло отдавался компановкѣ фасада и внутренней отдѣлкѣ.

Госпожа Багаева сама ничего не понимала въ архитектурѣ, но она сумѣла привлечь выдающихся архитекторовъ и художниковъ, которые и поставили курсы на большую высоту.

Такъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта былъ знаменитый Николай Рерихъ. Компановку преподавали такіе извѣстные архитекторы какъ Шуко, Лансере, Ильинъ и Бернардоцци. Рисованью углемъ учили: на младшихъ курсахъ Борисъ Рерихъ, младшій братъ Николая, про котораго не безъ ядовитости го-

ворили, что онъ « маленькая лавочка съ большой вывѣской », а на старшихъ талантливѣйшій Судейкинъ, который въ отдѣлѣ живописи, тоже имѣвшемся на курсахъ Багаевой, преподавалъ декоративную живопись.

Полный архитектурный курсъ длился четыре года, а затѣмъ полагалось полъ года на дипломный проектъ.

Составъ курсистокъ былъ очень смѣшаннымъ, какъ по социальному положенію, такъ и по возрасту. Въ то время какъ въ гимназіи Таганцевой учились исключительно петербурженки, дочки крупныхъ бюрократовъ, военныхъ и представителей адвокатуры и судебного вѣдомства, на курсахъ Багаевой можно было встрѣтить и уроженокъ далекой Сибири, и южной Россіи, и москвичекъ, причемъ были и замужнія слушательницы, которымъ было много за двадцать.

Поэтому прѣдя впервые на курсы, я почувствовала себя совсѣмъ затерявшейся и была очень счастлива встрѣтить свою бывшую одноклассницу Катю Рязанову. Въ гимназіи мы учились въ разныхъ отдѣленіяхъ. Здѣсь, въ толпѣ незнакомыхъ намъ дѣвушекъ и женщинъ, мы радостно бросились другъ къ другу и заняли смежные чертежные столы, за которыми мы слушали и лекціи.

Изъ лекцій самыми интересными были лекціи по исторіи искусства въ блестящемъ изложеніи архитектора Лялевича. Онъ исключительно тонко чувствовалъ искусство и владѣлъ даромъ слова. Слушая его думалось, что его архитектурныя творенія должны быть также исключительно хороши. Но, какъ это часто бываетъ, его творческій талантъ не былъ достаточно силенъ, чтобы воплотить его идеи и его постройки въ Петербургѣ доходныхъ домовъ и банковъ были грамотными съ точки зрѣнія зодчества и только.

Большимъ любимцемъ слушательницъ былъ гражданскій инженеръ Н. И. Осиповъ, преподававшій намъ технику постройки. Благодаря его уму и большому юмору, мы охотно чертили всякіе разрѣзы зданій съ ихъ прослойкой половъ, стропилами чердачныхъ помѣщеній, дымовыхъ ходовъ и т.п.

Хочу специально остановиться на одной особен-

ности архитектурныхъ курсовъ Багаевой: на нихъ совершенно отсутствовала политика, въ противоположность тому, что наблюдалось и въ университетахъ, и въ высшихъ техническихъ институтахъ, и на женскихъ курсахъ. Къ сожалѣнiю наша учащаяся молодежь уже со старшихъ классовъ средней школы считала для себя возможнымъ рѣшать вопросы государственнаго устройства, не имѣя ни необходимыхъ знанiй, ни жизненнаго опыта, ни пониманiя своего народа. Насколько мнѣ извѣстно, это явленiе чисто русское и не наблюдалось у студенчества другихъ европейскихъ народовъ, и если въ его средѣ и велись академическiе споры по тѣмъ или инымъ государственнымъ вопросамъ, эти споры не претворялись въ дѣйствiя.

Повторяю, на курсахъ Багаевой всѣ интересы курсистокъ сосредотачивались на изучаемой отрасли искусства — архитектурѣ, на ея формахъ въ различныя эпохи и на ея примѣненiи въ современныхъ условiяхъ.

Общенiе съ однокурсницами было также основано на совмѣстномъ изученiи предмета. Этому способствовало отчасти, можетъ быть, социальное различiе учащихся. Внѣ стѣнъ курсовъ у каждой была своя среда. Если случалось разговаривать съ однокурсницей о предметахъ постороннихъ, то такiе разговоры носили, если можно такъ выразиться, этнически-географическiй характеръ: рассказывали про свой родной городъ, его укладъ жизни и обычаи. Въ этомъ отношенiи были особенно словоохотливыми сибирячки: онѣ страстно любили свою Сибирь, гордились ея богатствами и ея просторами. Москвички охотно критиковали Петербургъ и петербуржцевъ, по ихъ мнѣнiю недостаточно русскихъ, холодныхъ и т. д.

Петербургенокъ насъ была небольшая горсточка, но мы высоко держали голову по отношенiю къ «провинциалкамъ». Мы гордились нашимъ прекраснымъ городомъ и находили, что въ немъ исключительно гармонично сочетались славянская натура съ культурой европейской, претворенной нами русскими въ нѣчто совсѣмъ особенное по своей красотѣ. Въ архи-

тектуръ это претвореніе иностраннаго въ русское было ярко иллюстрировано русскимъ ампиромъ.

Ученіе на архитектурныхъ курсахъ направило мой интересъ на другія изобразительныя искусства, какъ живопись и скульптура. До этихъ поръ мои художественныя интересы сосредотачивались на литературѣ и музыкѣ. Теперь я стала прилежной посѣтительницей музеевъ и выставокъ. Русская живопись совершенно покорила меня своей жизненностью, одухотворенной передачей природы и человѣческаго лица. Я бывала по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ въ Музей Александра III.

Изъ выставокъ, выставки « Мира Искусства » возбуждали наибольшій интересъ. Особенно меня плѣняли полотна Николая Рериха, съ ихъ былинными мотивами, поразительныя по богатству и сочности красокъ. По дѣтски радовало, что этотъ чудный художникъ — Предсѣдатель Педагогическаго Совѣта « нашихъ » курсовъ, какъ будто яркіе лучи его таланта падали и на насъ.

Такимъ образомъ три четверти моей жизни были заполнены курсами. Но оставалась еще одна четверть и она посвящалась личной жизни: встрѣчамъ съ близкими еще по гимназій подругами, посѣщенію театровъ и оперы и перепискѣ съ друзьями, которые оказались на фронтѣ.

Когда въ срединѣ сентября возобновился нашъ оперный абонементъ, публика потребовала на первомъ же представленіи исполненія русскаго гимна и гимновъ союзниковъ Россіи. Когда раздались мощные звуки « Боже, Царя храни », всѣ встали и по залу точно пробѣжалъ электрической токъ, объединившій всѣхъ; у многихъ на глазахъ были слезы и когда оркестръ замолкъ, театръ загремѣлъ рукоплесканіями, которыми казалось не будетъ конца.

Изъ союзныхъ гимновъ особенно тепло былъ встрѣченъ гимнъ маленькой Бельгіи, которая со своимъ королемъ во главѣ проявила столько геройства при вторженіи въ ея предѣлы нѣмецкихъ полчищъ.

Зимній сезонъ хотя и вступалъ понемногу въ свои права, но на него была наложена сурдина. Баловъ и танцевальныхъ вечеровъ вообще не устраивалось.

Собирались лишь поговорить, подѣлиться послѣдними новостями съ фронта. Иногда на такихъ собраніяхъ дамы и барышни вязали шарфы для раненыхъ.

Много женской молодежи уѣхало на фронтъ сестрами милосердія, другія работали въ госпиталяхъ для раненыхъ въ столицѣ.

Такое настроеніе тыла казалось совершенно естественнымъ: какъ можно было веселиться, когда на фронтѣ льется кровь и все больше траурныхъ вуалей появляется на петербургскихъ улицахъ? Поэтому велико было мое удивленіе, когда мой большой другъ, молодой Владиміръ Ястребовъ, пошедшій на войну добровольцемъ, сказалъ мнѣ въ свой пріѣздъ въ отпускъ: «Если-бы вы знали какъ хочется, когда пріѣзжаешь на короткое время съ фронта, найти дома все какъ было до войны, чтобы забыть о ней. А вы вяжете шарфы, которые о ней все время напоминаютъ». Конечно, я понимала его настроеніе, но мнѣ казался бы чудовищнымъ «пиръ во время чумы».

Незамѣтно прошла эта зима 1914-1915 года и въ концѣ мая, послѣ того какъ я сдала нѣкоторые зачеты, мы поѣхали въ имѣніе. Въ финляндской деревнѣ война совсѣмъ не ощущалась. Вѣдь финляндцы не несли воинской повинности, наборовъ не было и въ нашемъ имѣніи, и на деревнѣ полевые работы шли своимъ чередомъ, а жизнь нашей семьи текла обычнымъ порядкомъ.

Въ началѣ іюля ко мнѣ должна была пріѣхать погостить одна моя подруга, Тамара Дыхова, дочь артиллерійскаго полковника, служившаго въ Арсеналѣ. Тамара была очаровательной дѣвушкой съ русалочьими зеленоватыми глазами и каштановыми съ золотой ниткой волосами, хорошей піанисткой и одной изъ лучшихъ ученицъ нашего класса у Таганцевой. Поэтому намъ, ея подругамъ, было особенно грустно, что по окончаніи гимназіи она должна была поступить на службу. У военныхъ оклады были небольшіе, жена полковника Дыхова, прибалтійская баронесса, происходила изъ обѣднѣвшей семьи, а потому ихъ три дочери, изъ которыхъ Тамара была старшей, должны

были ограничиться гимназическимъ образованіемъ и затѣмъ искать заработка.

Съ гимназическимъ образованіемъ можно было получить только мѣсто въ конторѣ, а къ конторской службѣ относились пренебрежительно. Но отецъ моей лучшей подруги Д. Т. Никитинъ, который былъ помощникомъ Управляющаго Государственнымъ Банкомъ, устроилъ Тамару на службу въ банкъ, что было значительно лучше.

Служа въ банкѣ, Тамара вечерами работала въ лазаретѣ для раненыхъ и мы зимой почти не видались, такъ что я съ особенной радостью ждала ея пріѣзда въ имѣніе. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда за нѣсколько дней до ея пріѣзда, моя мать, читая газету, вдругъ поблѣднѣла и сказала: «Подумай, въ объявленіяхъ о покойникахъ стоитъ, что скоропостижно скончалась Тамара».

Это было въ четвергъ; въ субботу пріѣхалъ мой отецъ изъ Петербурга. Онъ сразу уединился съ моей матерью въ спальнѣ и послѣ продолжительнаго съ ней разговора, позвалъ меня и сказалъ, что онъ говорилъ по телефону съ отцомъ Тамары, который сообщилъ ему, что причиной ея смерти былъ несчастный случай: Тамара взяла изъ ящика его письменнаго стола револьверъ, который былъ заряженъ, нечаянно нажала на курокъ и была убита выстрѣломъ.

Я тогда повѣрила этой версіи, такъ какъ вообще неограниченно довѣряла родителямъ, и лишь позже узнала о настоящей причинѣ смерти моей подруги. Оказывается въ банкѣ въ нее влюбился женатый чиновникъ и она имъ увлеклась. Онъ ей обѣщалъ развестись и Тамара, въ своемъ увлеченіи, отдалась ему. Между тѣмъ онъ все медлилъ съ разводомъ, у Тамары зародились сомнѣнія насчетъ серьезности его намѣреній и когда она узнала, что она беременна, она застрѣлилась.

Какъ эта скрытность со стороны моихъ родителей была типичной для понятій того времени. Несмотря на то, что мнѣ было восемнадцать лѣтъ, мои родители не хотѣли, чтобы я уже знакомилась съ некрасивыми сторонами жизни: связь молоденькой дѣвушки изъ

хорошаго дома съ женатымъ человѣкомъ со всѣми для нее печальными послѣдствіями. Конечно, эта бережливость была палкой о двухъ концахъ, такъ какъ со своей полной неопытностью я могла также стать жертвой непорядочности.

* * *

Зима 1915-1916 года связана съ однимъ воспоминаніемъ, которое оставило горькій осадокъ и явилось подтвержденіемъ того, какъ пошатнулись нравственные устои нашего общества и какъ-бы предзнаменованіемъ будущихъ униженій интеллигентныхъ слоевъ народа грядущимъ хамомъ.

Какъ я упоминала раньше, мы жили въ полуособнякѣ, занимая его бельэтажъ, въ то время какъ хозяева Жукъ жили надъ нами. Послѣ смерти Изабеллы Петровны Жукъ, урожденной княгини Любомирской, ея мужъ переѣхалъ во флигель, а свою квартиру сдалъ полковнику фонъ Бокъ, бывшему улану, теперь въ отставкѣ и занимавшемуся дѣлами.

У этого фонъ Бокъ было четыре дочери, одна лучше другой, и повидимому онъ пользовался ихъ прелестью для своихъ дѣлъ, устраивая у себя вечеринки для Распутина. Мы всегда съ омерзѣніемъ слышали, когда Григорій Распутинъ бывалъ у фонъ Бокъ, такъ какъ къ намъ доносился топотъ ногъ, пьяные крики и даже щелканіе пробокъ, но къ счастью мы никогда не сталкивались со «старцемъ» на лѣстницѣ.

Осенью 1915 года моя мать и я возвращались какъ-то изъ оперы на автомобилѣ. Какъ всегда парадную дверь намъ открылъ нашъ швейцаръ, Адамъ Викентьевичъ, у котораго былъ смущенный видъ. Въ то время какъ мы входили съ улицы, мы увидѣли, что по лѣстницѣ спускается мужчина въ шубѣ съ бобровымъ воротникомъ и въ такой же шапкѣ; его почтительно поддерживалъ подъ руку другой мужчина, тоже хорошо одѣтый.

Когда они поравнялись съ нами, мужчина въ бобровой шапкѣ шагнулъ въ сторону моей матери и, наклоняясь къ ней сказалъ пьянымъ голосомъ: «А

бабенка-то хоть куды. Давай знакомиться», и протянул руку къ маминому подбородку. Моя мать, вспылчивая по натурѣ, рѣзко оттолкнула его, такъ что онъ зашатался и крикнула, обращаясь къ нашему швейцару: «Какъ вы допускаете присутствіе пьяныхъ на нашей лѣстницѣ? Сейчасъ-же выставите на улицу этого негодяя».

Стоя позади моей матери, я съ отвращеніемъ смотрѣла на дерзкаго незнакомца, такъ какъ пьяные всегда вызывали во мнѣ физическое отвращеніе, и меня поразили его глаза: свѣтлые, съ удивительно пронзительнымъ, неприятнымъ взглядомъ. Въ это время другой мужчина, поддерживавшій своего выпившаго компаньона, заискивающе прошепталъ, обрамываясь къ моей матери: «Успокойтесь, сударыня. Отецъ Григорій изволилъ только пошутить», и повелъ его къ выходнымъ дверямъ. Подвыпившій мужчина былъ Распутинъ, бывший въ гостяхъ у фонъ Бокъ.

Какъ больно и мерзко было на душѣ. Никогда-бы этотъ хамъ не смогъ бы играть той политической роли, которую онъ игралъ, если-бы наше высшее общество въ значительной своей части и сановники не носились бы съ нимъ и не раболѣпствовали передъ этимъ грязнымъ мужикомъ.

* * *

1916 годъ богатъ событіями и печальными, и радостными для нашей семьи, но преобладаютъ печальныя и воспоминанія о немъ носятъ отпечатокъ разставанія, прощанія навсегда съ милыми сердцу людьми, мѣстами и навыками.

Вереница этихъ знаменательныхъ событій началась весной разрывомъ дяди, Евгенія Владиміровича Головина съ его отцемъ, вслѣдъ за которымъ прекратились отношенія нашей семьи со старикомъ Головинымъ.

Онъ вдовѣлъ уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти своей любимой жены, маминой и моей матери крестной. Какъ сынъ, который жилъ вмѣстѣ съ отцемъ и работалъ съ нимъ какъ его помощникъ, такъ и мои

родители старались окружить Владиміра Евгеніевича Головина всяческимъ вниманіемъ и по возможности заполнить пустоту, оставленную смертью мамы крестной. Ему уже было сильно за шестьдесятъ — въ то время возрастъ весьма преклонный — и казалось, что онъ смирился и рѣшилъ доживать свой вѣкъ, занятый любимой работой присяжнаго повѣреннаго, работой живой и разнообразной, окруженный теплой привязанностью близкихъ. Но несмотря на свой видъ старика, убѣленнаго сѣдинами, у В. Е. Головина оказался сильный темпераментъ и онъ сталъ кутить, посѣщая отдѣльные кабинеты, « Виллу Родэ » и « Аквариумъ ».

Въ результатѣ онъ увлекся провинціальной артисткой, гастролирующей на какой-то маленькой сценѣ въ Петербургѣ, и къ нашему общему ужасу рѣшилъ на ней жениться.

Для его сына, боготворившаго мать, всякій второй бракъ отца былъ-бы тяжелъ, но, какъ онъ самъ говорилъ, если бы его отецъ рѣшилъ жениться на одной изъ пріятельницъ его покойной матери или вообще на дамѣ общества, онъ бы смирился. Но видѣть на мѣстѣ своей матери хозяйкой вульгарную, некультурную женщину было свыше его силъ и онъ заявилъ отцу, что онъ съѣдетъ на особую квартиру и перестанетъ сотрудничать съ нимъ.

Надо отдать справедливость старику Головину, что онъ вполне понялъ переживанія сына и, по своей инициативѣ, выдѣлилъ его долю наслѣдства и разрѣшилъ увезти обстановку двухъ комнатъ, которыя сынъ занималъ въ его квартирѣ. Дядѣ также осталось въ собственности имѣніе « Завѣтное », которое было куплено на его имя по желанію покойной его матери.

Нашъ и дядинъ большой другъ, В. П. Веселаго, бывшій въ то время Товарищемъ Министра въ Министерствѣ Торговли и Промышленности, устроилъ дядѣ хорошее мѣсто въ юрисконсульской части министерства и дядя снялъ прелестную квартиру-гарсоньеру на Гагаринской улицѣ, нанялъ прислугу и зажилъ своимъ домомъ.

Какъ я сказала, « Завѣтное » осталось дядѣ, но какъ было его содержать ? Вѣдь это имѣніе-игрушка

съ его дивнымъ паркомъ на 25-ти десятинахъ, съ роскошными цвѣтниками, нарядными выѣздами и т. д. являлось дорогой прихотью богатаго человѣка, который безъ ущерба своему годовому бюджету, могъ тратить на его содержаніе около десяти тысячъ въ годъ. Дядинъ-же годовой доходъ со службы и капитала не достигалъ этой суммы.

Нужно было сдѣлать выборъ между двумя альтернативами: либо поставить имѣніе на рациональную ногу, запустить паркъ, въ которомъ ежедневно работало тридцать бабъ для поддержанія аллей и газоновъ, сократить цвѣтники, оставить двѣ лошади и двѣ коровы, чтобы для ихъ кормленія хватало бы собственнаго сѣна и т. д., или продать «Завѣтное».

Въ первую минуту разстаться съ «Завѣтнымъ» казалось чудовищнымъ. Но когда мы представили себѣ какъ мало останется въ немъ отъ всего того, что составляло его прелесть, то, скрѣпя сердце, дядя сталъ искать подходящего покупателя. На продажѣ настаивалъ также мой отецъ, который по состоянію своего здоровья былъ вынужденъ выйти въ отставку къ 1-му января 1917 года, и собирался по окончаніи войны купить имѣніе гдѣ-нибудь подъ Ригой, въ своей родной Прибалтикѣ, гдѣ климатъ былъ мягче чѣмъ въ Финляндіи и болѣе подходящимъ для его пошатнушагося здоровья.

Случилось такъ, что извѣстный миллионеръ С. Г. Ліанозовъ, бывшій затѣмъ членомъ Сѣверо-Западнаго правительства, искалъ имѣніе въ Финляндіи для своей возлюбленной, кафе-шантанной пѣвицы австріячки, у которой были очень слабыя легкія. Поэтому его особенно плѣнило и расположеніе завѣтнинскаго дома на холмѣ въ значительномъ разстояніи отъ воды, и сосновая часть парка, въ которой высились строевыя сосны и гдѣ воздухъ былъ напоенъ ихъ запахомъ. Не торгуясь онъ купилъ у дяди имѣніе, во владѣніе котораго онъ хотѣлъ вступить съ перваго августа.

Такимъ образомъ мы вернулись въ городъ къ первому августа. Лѣто было хорошее, въ Петербургѣ, какъ обыкновенно, шли ремонты, въ городѣ было душно и пыльно и мы рѣшили съѣздить на десять

дней въ Гельсингфорсъ, гдѣ находилась въ это время мамина сестра, жена морского врача.

Гельсингфорсъ намъ очень понравился со своими парками, съ богатымъ зеленью и цвѣтами рынкомъ на берегу залива и съ его живописными окрестностями. Правда, мѣстная публика казалась намъ провинціальной, но публика въ ресторанахъ и кафе была элегантною благодаря присутствію женъ моряковъ и самихъ морскихъ офицеровъ въ бѣлыхъ кителяхъ. Нѣкоторые рестораны были даже нарядными, въ особенности штабъ-квартира моряковъ «Феннія», на площади противъ вокзала, съ большимъ заломъ съ колоннами, посреди котораго билъ фонтанъ.

Въ Гельсингфорсѣ сильнѣе ощущалась война благодаря затемнѣнію, котораго не было въ Петербургѣ. Вечеромъ фонари на улицахъ, выкрашенные въ темно-синюю краску, давали какое-то зловѣщее освѣщеніе и трудно было различать лица встрѣчныхъ.

Несмотря на иностранный говоръ населенія, мы чувствовали себя на родинѣ, какъ и въ нашемъ имѣніи на Карельскомъ перешейкѣ и никому не могло придти въ голову, что черезъ какіе-нибудь три года мы будемъ здѣсь на положеніи нежелательныхъ и лишь терпимыхъ иностранцевъ.

* * *

Наступила осень со своими обычными занятіями: для моей матери въ складѣ, для меня на курсахъ. Я перешла на третій курсъ, гдѣ начиналась компановка проэктвъ, работа уже творческая.

Первое заданіе — домикъ привратника — меня не заинтересовало, зато второе — внутреннее убранство католической капеллы — меня захватило. Чтобы почувствовать духъ католицизма, я стала регулярно посѣщать раннюю обѣдню въ католической церкви на Невскомъ Проспектѣ. Въ результатѣ мой проэктъ оказался самымъ удачнымъ и удостоился одобренія Педагогическаго Совѣта съ Николаемъ Рерихомъ во главѣ. Какъ я гордилась его инициалами на своемъ проэктѣ!

Одно событіе заставило меня еще больше углубиться въ работу: былъ убитъ шальной пулей, во время затишья на фронтѣ, мой другъ В. Н. Ястребовъ, сынъ профессора медицины, придворнаго врача. Будучи студентомъ юридическаго факультета Петербургскаго Университета и освобожденный отъ призыва какъ единственный сынъ, онъ пошелъ добровольцемъ въ 4-ый Стрѣлковый Императорской Фамиліи полкъ, получилъ нѣсколько Георгіевъ за поступки безумной храбрости, и палъ такъ бессмысленно. Онъ былъ замѣчательный поэтъ и если бы не эта преждевременная смерть, наша литература обогатилась бы навѣрное вторымъ Апухтинымъ.

Его привезли хоронить въ Царское Село. Похороны состоялись въ пасмурный октябрьскій день. Идя за его гробомъ, на которомъ были прикрѣплены его фуражка и пашка, вмѣстѣ съ его семьей, смотрѣвшей на меня какъ на его невѣсту, подъ душу раздрающіе звуки траурнаго марша Шопена, я въ первый разъ за войну почувствовала ея смертельное дуновение. Далекій фронтъ приблизился, сталъ ужасной реальностью.

Вообще атмосфера въ Петербургѣ сгустилась къ концу 1916 года. Началъ ощущаться недостатокъ въ продуктахъ. Мои родители закупили двѣ бочки масла, которое моя мать лично выдавала новой кухаркѣ. Наша вѣрная Николаевна, прослужившая у насъ четырнадцать лѣтъ, достигнувъ 65-тилѣтняго возраста, захотѣла вернуться доживать свои дни въ родную деревню на скопленные деньги. Кромѣ того мой отецъ платилъ ей десять рублей мѣсячной пенсіи.

Воздухъ былъ пропитанъ всякими слухами, чувствовалось недовольство во всѣхъ слояхъ общества.

Мы были хорошо освѣдомлены о томъ что творится въ думскихъ кругахъ благодаря пріятельницѣ моей матери, Елизаветѣ Ивановнѣ Лалетиной, родственницѣ композитора Балакирева, которая очень интересовалась политикой. Каждую пятницу Елизавета Ивановна приходила со службы въ Государственномъ Контролѣ къ намъ обѣдать. Вечеромъ являлся либо мой дядя Головинъ, либо другъ моихъ родителей вышеупомя-

нутый Сергѣй Петровичъ Веселаго, Товарищъ Министра Торговли и Промышленности, и вечеръ проходилъ въ карточной игрѣ.

За обѣдомъ Елизавета Ивановна рассказывала очередныя новости, сообщала какъ знаменитый сенаторъ Ивановъ, съ семьей котораго она дружила, почти не раскладывая чемодановъ ѣздить изъ Петербурга въ Москву и изъ Москвы въ Петербургъ на всякіе съѣзды общественныхъ силъ, приносила послѣдніе Мятлевскіе стихи — запомнились одни, въ которыхъ каждый куплетъ кончался словами: «Про то попка вѣдаетъ, про то попка знаетъ», написанные на Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова — и съ пѣной у рта доказывала, что скоро произойдетъ дворцовый переворотъ и будетъ создано отвѣтственное министерство. Мой отецъ, со свойственнымъ ему тонкимъ юморомъ, подтрунивалъ надъ революціонными настроеніями Елизаветы Ивановны и предостерегалъ ее какъ бы «ни попасть изъ огня да въ полымя», такъ какъ онъ очень критически относился ко всѣмъ партіямъ, считая, что у русскихъ общественныхъ дѣятелей имѣются только теоріи и полное отсутствіе практики и незнаніе народа. Къ сожалѣнію онъ былъ глубоко правъ, какъ это показали послѣреволюціонныя событія.

Убійство Распутина еще болѣе сгустило атмосферу, хотя и было встрѣчено общимъ одобреніемъ и вздохомъ облегченія въ первый моментъ. Но затѣмъ стала чувствоваться неминуемость катастрофы.

И катастрофа наступила. 27-го февраля я еще пила чай въ постели передъ тѣмъ какъ идти на курсы, когда услышала черезъ переднюю топотъ ногъ по нашей лѣстницѣ, сопровождавщійся ругательствами, затѣмъ удары ружейныхъ прикладовъ въ дверь квартиры фонъ Бокъ, крики и выстрѣлы. Это ватага солдатъ Волынскаго полка, казармы котораго находились противъ нашего дома, пришла расправиться съ гвардейскимъ полковникомъ, принимавшимъ въ своемъ домѣ Распутина.

Какъ мы узнали потомъ, фонъ Бокъ, который тоже былъ еще въ постели, когда къ нему ворвались солдаты, получилъ четырнадцать штыковыхъ и ог-

нестрѣльныхъ ранъ, но какимъ-то чудомъ остался въ живыхъ и его женѣ удалось увезти его на Кавказъ.

Покончивъ съ Бокъ, ватага солдатъ стала спускаться по лѣстницѣ и остановилась у нашей двери. « А это что за нѣмецъ здѣсь живетъ ? » услышала я грубый голосъ. Я замерла отъ ужаса. Но тутъ раздался знакомый мнѣ голосъ молодого солдата, который ухаживалъ за нашей второй горничной и которому моя мать разрешала приходить пить чай къ намъ на кухню. « Энтю, братъ, хорошій баринъ, его не смѣть трогать. Онъ нашего брата любитъ », сказалъ этотъ голосъ и солдаты стали продолжать спускаться по лѣстницѣ и, хлопнувъ парадной дверью, вывалились на улицу.

Такъ въ нашемъ домѣ дала о себѣ знать « великая, безкровная ».

Затѣмъ событія послѣдовали съ молніеносной быстротой и о нихъ столько писалось, что не стоитъ повторяться, когда ничего не можешь прибавить ко всѣмъ извѣстнымъ фактамъ.

На другой день послѣ отреченія Государя я пришла какъ обыкновенно на курсы. Хотя, какъ я писала, у насъ на курсахъ не занимались политикой, столь грозныя событія нельзя было обойти молчаніемъ и я застала своихъ однокурсницъ возбужденно разговаривающихъ. Моя пріятельница, Надя Гинзбургъ, племянница извѣстнаго барона Гинзбургъ, что-то горячо говорила, что именно я не разслышала, такъ какъ когда я подходила къ группѣ курсистокъ, ее перебила моя подруга, красавица Катя Рязанова, у родителей которой было родовое имѣніе въ Саратовской губерніи: « Брось, Надя », сказала она своимъ низкимъ голосомъ. « Нашъ народъ-богоносецъ показалъ уже разъ въ 1905 году на что онъ способенъ, когда разнуздается. Опять запылаютъ усадьбы, а теперь можетъ быть вдобавокъ избіеніе помѣщиковъ. Слишкомъ темень нашъ народъ, чтобы разбираться въ политикѣ ». На этомъ и разошлись и принялись за чертежи.

10-го марта (по ст. ст.) изъ Гельсингфорса пріѣхалъ въ недѣльный отпускъ мой женихъ, молодой лейтенантъ Товстолѣсъ.

Когда прислуга доложила о его приходѣ и я вышла къ нему въ маленькую гостиную, я остановилась изумленная на порогѣ: меня поразилъ его «штатскій» видъ, такъ какъ вмѣсто морского мундира, въ которомъ я привыкла его видѣть и который очень любила, я увидѣла его въ пиджакѣ. Онъ сразу понялъ мою заминку и сказалъ: «Вижу, что вы поражены моимъ костюмомъ. Но послѣ всѣхъ ужасовъ, которые происходили въ Гельсингфорсѣ съ морскими офицерами, мы рѣшили носить въ отпуску штатское платье, во избѣжаніе эксцессовъ со стороны матросовъ незнакомыхъ командъ».

Стоялъ чудный солнечный день и мы рѣшили совершить нашу излюбленную прогулку: по Дворцовой набережной, пересѣчь Дворцовую площадь, подъ аркой выйти на Большую Морскую, свернуть на Невскій, дойти до Екатерининскаго канала или до Караванной улицы и, мимо Лѣтняго сада, вернуться домой.

Въ передней горничная подала Сергѣю Павловичу штатское пальто, а на голову онъ надѣлъ финскую мѣховую шапку съ наушниками. Хотя я отлично понимала благоразуміе этой перемѣны одежды — сдѣланной по требованію начальства — она меня корбила: безсознательно я видѣла въ ней первую уступку интеллигентныхъ элементовъ «взбунтовавшимся рабамъ», растерянность передъ поднявшейся стихіей. Уже съ первыхъ дней революціи чувствовалось, что не удастся справиться съ разнузданностью некультурныхъ массъ.

Пока мы шли по Набережной, казалось, что Петербургъ не измѣнился, хотя тротуары и не были хорошо расчищены. Но когда мы пошли по торговымъ улицамъ, ихъ видъ ярко говорилъ о происшедшихъ перемѣнахъ: все время проѣзжали грузовики съ группами солдатъ, повсюду сдирали на вывѣскахъ магазиновъ Двуглаваго орла и замазывали надпись «поставщикъ Двора». Толпа утратила свой элегантный столичный отпечатокъ, на углахъ собирались самыя разношерстные группы людей, оживленно о чемъ-то говорившихъ. Около Казанскаго собора былъ митингъ: какой-то мужчина въ сильно потертomъ пальто взобрался на

опрокинутую бочку и что-то говорилъ обступившей его толпѣ.

Намъ было не по себѣ и несмотря на сіяющій мартовскій день мы поспѣшили вернуться домой.

* * *

Врачъ, пользующій моего отца, который страдалъ прогрессирующей болѣзнью сердца, посовѣтовалъ ему уѣхать изъ Петербурга, такъ какъ угроза обысковъ и напряженность въ ожиданіи развитія революціонныхъ событій вредно отзывались на его здоровьѣ: отецъ плохо спалъ, у него участились сердечные припадки. Совѣтъ былъ благоразумный, но ему не такъ то легко было послѣдовать. Въ провинцію мой отецъ ни за что не хотѣлъ ѣхать, такъ какъ, на основаніи опыта 1905 года, онъ не сомнѣвался, что по возвращеніи солдатской массы съ фронта, « великая безкровная » превратится въ кровавый кошмаръ, подобнаго которому еще не видѣла исторія. Изъ-за продолжавшейся войны, за границу не было возможности поѣхать. Но тутъ, какъ это часто бываетъ въ жизни, помогъ случай.

Въ Петербургъ пріѣхалъ по дѣламъ знакомый моего отца, В. К. Фрискъ, финляндецъ, почетный англійскій консулъ въ Выборгѣ. Мой отецъ познакомился съ нимъ, когда онъ посѣщалъ по дѣламъ консульства Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, а затѣмъ у нихъ завязались личные отношенія въ связи съ выхлопатованіемъ у финляндскихъ властей лѣсныхъ концессій, которыя мой отецъ собирался эксплуатировать въ компаніи съ польскими капиталистами.

Узнавъ о совѣтѣ врача, В. К. Фрискъ предложилъ моему отцу квартиру въ принадлежавшемъ ему домѣ въ Выборгѣ, которая освобождалась къ 1-му апрѣля. « Конечно, это не квартира въ двѣнадцать комнатъ, къ которой вы привыкли », говорилъ В. К. Фрискъ, приглаживая свои пушистые усы, « а всего въ четыре комнаты. Но комнаты просторныя, окна столовой выходятъ на большую террасу, и за домомъ довольно большой садъ, все что нужно въ лѣтнее время ».

Не долго думая, мои родители сняли эту квартиру, а контрактъ на нашу петербургскую квартиру домохозяинъ разрѣшилъ передать платежеспособному лицу. Уже черезъ мѣсяць послѣ революціи нахлынувшіе въ Петербургъ изъ провинці дѣльцы, главнымъ образомъ изъ евреевъ, охотно перенимали контракты на хорошія квартиры, покупая при этомъ ихъ обстановку.

Нашей квартирой заинтересовался богатый полякъ и самъ предложилъ купить обстановку.

Наканунѣ отъѣзда въ Выборгъ мои родители поѣхали ночевать къ моему дядѣ Головину, поручивъ мнѣ сдать весь инвентарь по составленнымъ спискамъ новому собственнику нашей квартиры. Эту послѣднюю ночь въ квартирѣ, гдѣ протекло все мое дѣтство, отрочество и начало юности, я проводила со старшей горничной. Весь штатъ прислуги былъ уже распущенъ.

Эта ночь запечатлѣлась на всю жизнь въ моей памяти, ночь съ 18-го на 19-ое апрѣля ст. ст. Уже наступили бѣлыя ночи съ ихъ особеннымъ перламутровымъ оттѣнкомъ, котораго я потомъ не видала ни въ Финляндіи, ни въ Швеціи.

Вся обстановка оставалась на своемъ мѣстѣ и я переходила изъ одной комнаты въ другую, любуясь ихъ красивымъ убранствомъ. Вотъ спальная моихъ родителей съ мебелью изъ карельской березы; въ стоячемъ зеркалѣ туалета я всегда окидывала послѣднимъ взглядомъ свои бальныя и вечернія платья прежде чѣмъ накинуть манто. Затѣмъ кабинетъ моего отца изъ краснаго дерева. Тутъ тоже все стояло на своемъ мѣстѣ и мнѣ казалось, что зажмурь я глаза, чтобы ихъ открыть черезъ минуту, я увижу за большимъ письменнымъ столомъ моего отца съ сигарой во рту, что-то пишущаго или размышляющаго о чемъ-то за пасьянсомъ.

За кабинетомъ большая гостиная-залъ, въ которомъ такъ весело танцовалось, за нимъ маминъ будуаръ, настоящая бомбоньерка со своей гобеленовой мебелью, съ массой голландскаго и датскаго фарфора.

Я медленно обходила всѣ комнаты и возвращалась въ свою, съ мебелью изъ рѣзного орѣха, обитой ат-

ласомъ яблочно-зеленаго цвѣта, съ очаровательнымъ письменнымъ столомъ изъ карельской березы, который я унаслѣдовала послѣ смерти матери крестной. Сколько было передумано за этимъ изящнымъ столикомъ, какъ много было написано писемъ друзьямъ, ушедшимъ на фронтъ.

Вся моя двадцатилѣтняя жизнь проходила передъ моими глазами и мнѣ было ясно, что какъ-бы ни сложилась моя дальнѣйшая судьба, она будетъ протекать въ совсѣмъ новыхъ условіяхъ. Съ революціей кончилась старая Россія и «потонулъ цѣлый міръ», какъ выразилась графиня Клейнмихель въ своихъ мемуарахъ. Было безконечно тоскливо и жутко передъ неизвѣстнымъ грядущимъ. Эта бѣлая петербургская ночь была ночью прощанія съ кусочкомъ себя самой.

На другой день мои родители уѣхали въ Финляндію, а я переѣхала къ знакомымъ, чтобы сдать нѣкоторые зачеты и проекты для перехода на послѣдній четвертый курсъ. Съ осени я должна была поселиться въ интернатѣ при курсахъ, такъ какъ мои родители собирались оставаться въ Финляндіи до окончанія войны.

* * *

Въ концѣ мая я, уже слушательницей IV-го курса, поѣхала на лѣто въ Выборгъ.

Хотя имѣніе дяди Головина «Завѣтное» находилось на Карельскомъ перешейкѣ, мы Финляндію какъ страну и ея народъ не знали. Весь Карельскій перешеекъ до Выборга былъ заселенъ петербуржцами, имѣвшими на немъ имѣнія и дачи. Финляндское населеніе состояло изъ крестьянства и владѣтелей мелкихъ торговыхъ предприятий, которыя обслуживали дачниковъ. Повсюду звучала русская рѣчь. По фински говорили лишь простые люди, да и тѣ могли изъясняться на русскомъ языкѣ.

Выборгъ же былъ третьимъ финляндскимъ городомъ со своимъ бытомъ, и мы русскіе чувствовали себя въ немъ иностранцами.

Самъ городокъ былъ чистенькимъ, уютнымъ, съ массой зелени, съ традиціонной для всѣхъ финлянд-

скихъ городовъ «эспланадой» — широкимъ бульваромъ съ нарядными цвѣтниками — пересѣкавшей его центръ. Около вокзала и въ центрѣ преобладали каменные дома, но на окраинахъ города дома были деревянными, одноэтажными, съ палисадниками, а иногда и съ настоящими садами. Лѣтомъ это обиліе садовъ предавало Выборгу характеръ благоустроеннаго курорта.

Домъ Фрисковъ, въ которомъ поселились мои родители, былъ одноэтажнымъ деревяннымъ домомъ съ большимъ садомъ и когда я вошла въ него, мнѣ показалось, что я пріѣхала на скромную дачу.

Наша квартира была обставлена комфортабельно, но по сравненію съ нашей петербургской квартирой очень скромно: во первыхъ, въ Выборгѣ трудно было найти элегантную обстановку, а кромѣ того мои родители смотрѣли на пребываніе въ Выборгѣ, какъ на нѣчто переходное.

Но когда мы пошли на слѣдующій день къ Фриску, чтобы познакомиться меня съ ихъ семьей, меня удивило, что ихъ обстановка, хотя они и постоянно жили въ Выборгѣ — самъ В. К. Фрискъ былъ виднымъ адвокатомъ и почетнымъ англійскимъ консуломъ — мало чѣмъ отличается отъ нашей. А при постоянномъ со-сѣдскомъ общеніи мнѣ въ первый разъ пришлось познакомиться съ укладомъ жизни финляндской буржуазіи, который казался мнѣ очень мѣщанскимъ.

При семьѣ въ пять человѣкъ у Фриску была всего одна прислуга, такъ что самой Э. А. Фриску, бывшей институткѣ, приходилось многое дѣлать по хозяйству: покупать провизію, вытирать пыль въ квартирѣ, гладить бѣлье и т. п.

Элеонора Андреевна Фриску была прекрасной піанисткой и, желая имѣть свои карманныя деньги, давала уроки музыки.

У Фриску было трое человѣкъ дѣтей: двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, Нора, кончала гимназію или «сдавала экзамены на студентку», какъ здѣсь выражались, и сынъ, учившійся въ среднихъ классахъ гимназіи и состоявшій въ скаутахъ, организациі еще мало распространенной въ Россіи.

Хотя мы и жили въ сосѣднихъ квартирахъ и постоянно сталкивались въ саду, у меня не создалось никакихъ отношеній съ барышнями Фрискъ, несмотря на то, что старшая была только на два года младше меня. Но послѣ первыхъ же разговоровъ я убѣдилась, что онѣ очень мало читали, даже скандинавскую литературу я знала гораздо лучше ихъ и что ихъ умъ былъ направленъ на практическіе вопросы, какъ-то кулинарные рецепты, руководѣлія и т.п. и кромѣ того я чувствовала, что все русское ихъ мало интересуесть. Поэтому большую часть времени я проводила за чтеніемъ и въ перепискѣ съ подругами и со своимъ женихомъ.

При этихъ условіяхъ я была очень рада поѣхать въ Петербургъ на свадьбу одной подруги, которая состоялась въ концѣ іюня.

Въ Петербургѣ я остановилась у Никитиныхъ въ Государственномъ Банкѣ. Мои родители разрѣшили мнѣ пробыть у нихъ двѣ недѣли, такъ какъ въ іюлѣ Никитины переѣзжали въ Москву.

Д. Т. Никитинъ пришелъ къ убѣжденію по прошествіи первыхъ мѣсяцевъ послѣ революціи, что Временное Правительство слишкомъ слабо, чтобы остаться у власти, онъ предвидѣлъ все большее ея полѣзненіе и возможный ея переходъ къ крайнимъ элементамъ, заворачивавшимъ пока дѣлами въ Совѣтъ Депутатовъ, и при этихъ условіяхъ онъ не хотѣлъ оставаться на государственной службѣ. Онъ рѣшилъ воспользоваться давнишнимъ предложеніемъ промышленника Морозова стать главнымъ управляющимъ всѣми его предпріятіями и переѣхать въ Москву, къ которой у Никитиныхъ осталось тяготѣніе.

Подруга моя Аня, мой лучшій другъ, переходила изъ Педагогическаго Института на Московскіе Женскіе Курсы и жалѣла объ отъѣздѣ изъ Петербурга только из-за меня. Но она взяла съ меня обѣщаніе пріѣхать къ нимъ въ Москву на часть рождественскихъ каникулъ и заранѣе предкушала, какъ она будетъ меня знакомить со своимъ любимымъ городомъ.

Никитины приготовлялись къ отъѣзду, въ комнатахъ стояли ящики для книгъ и для посуды, сун-

дуки для бѣлья и носильнаго платья. У нихъ, какъ и у насъ переворачивалась страница жизни, но къ счастью для насъ мы не знали какъ велики перемѣны, которыя насъ ожидаютъ. Это позволяло намъ временно забывать о предстоящей, какъ намъ казалось, временной разлукѣ и предаваться безконечнымъ разговорамъ. Поэтому у меня какъ-то особенно защемило сердце, когда при прощаніи Димитрій Тимофеевичъ, вообще очень сдержанный, обнялъ меня со слезами на глазахъ и сказалъ: «Прощайте, дорогая наша Боба, наша третья дочка. Да сохранить васъ Богъ въ это грозное время». Повидимому онъ предчувствовалъ, что мы прощались навсегда: больше я никогда не увидѣла никого изъ семьи Никитиныхъ.

Вернулась я изъ Петербурга 2-го іюля, а 3-го и 4-го было большевистское возстаніе. Дней черезъ десять пріѣхалъ въ Выборгъ мой дядя Головинъ и рассказывалъ, какъ атмосфера въ Петербургѣ все сгущается. Хотя возстаніе и было подавлено, Ленину удалось скрыться, а вѣра во власть Временнаго Правительства все слабѣла. У многихъ являлась мысль, что дни его сочтены. Пессимизмъ моего отца еще усилился и онъ заявилъ мнѣ, что врядъ ли отпустить меня осенью на курсы ввиду возможности быть отрѣзанными другъ отъ друга. Хотя мысль прервать ученіе мнѣ совсѣмъ не улыбалась, но, учитывая состояніе здоровья отца и то, что безпокойство обо мнѣ можетъ пагубно на немъ отразиться, я постепенно съ ней сживалась.

Время мое по прежнему заполнялось преимущественно чтеніемъ и размышленіемъ о прочитанномъ, и съ середины августа я стала дѣлать выписки изъ читаемыхъ мною книгъ, переплетая ихъ съ собственными мыслями, иначе говоря стала вести своего рода дневникъ, занятіе, которымъ грѣшатъ многіе молодые люди, но которое оправдывалось значительностью переживаемой эпохи.

Газеты я читала съ отвращеніемъ, такъ какъ онѣ пестрѣли описаніемъ насилій и расправъ. До сихъ поръ я не ощущала обостреннаго патріотизма, вызваннаго у многихъ войной, но теперь, живя среди финляндцевъ, настроенныхъ русофобски и слыша постоян-

но критику всего русскаго, я стала очень болѣзненно реагировать на нее, въ особенности, когда она была несправедливой. Поэтому неудивительно, что я вписала въ свой дневникъ статью нѣкоего А. Ксюнина, напечатанную въ «Новомъ Времени» и которую я привожу здѣсь, потому что она служить достойнымъ памятникомъ русскому офицерству, а также потому, что въ ней уже тогда, лѣтомъ 1917 года, были высказаны мысли, которыя не разъ приходили въ голову въ теченіе послѣдующей эмиграціи.

Ксюнинъ посвятилъ свою статью «Подвигу Охотника» и началъ ее словами:

«Если-бы не было прекраснаго, героическаго, не стоило бы жить.

«Такимъ героическимъ проблескомъ явилась гибель офицеровъ съ «Охотника». Миноносець взорвался на минѣ, изъ офицеровъ никто не пожелалъ оставить судно и всѣ погибли.

«Они не первые, они какъ гвардія, про которую Камбріонъ сказалъ, что она умираетъ, но не сдается.

«Офицеры съ «Охотника» напомнили «Стережущаго». Его памятникъ почти противъ дома Кшесинской и противъ полуразвалившагося цирка, въ которомъ ежедневно происходятъ большевистскіе митинги, съ рѣчами и резолюціями противъ офицеровъ, арміи и войны.

«Чѣмъ отвѣтятъ офицеры на Выборгскую бойню и чѣмъ отплатятъ они за тѣла моряковъ, сброшенныхъ съ «Петропавловска»? Только смертью за родину.

«Какъ яркая огненная молнія прорѣзываетъ мракъ, такъ геройство воскрешаетъ народъ, озаряетъ его сознаниемъ величія націи, напоминаетъ о работѣ прежнихъ поколѣній и творествѣ и идеалахъ тѣхъ, кто насъ смѣнитъ.

«Арміи нѣтъ, армія умерла», слышится со всѣхъ сторонъ, но офицеры каждый день доказываютъ, что это неправда, что еще не все пропало.

«И въ то время, когда на Россію плюютъ, называя ее «горе-родиной», когда ею торгуютъ на нѣмецкія деньги, когда всѣ признаютъ интересы — украинскіе, финляндскіе, даже нѣмецкіе, но отказываютъ въ

правахъ своему народу и своей землѣ, офицеры, какъ христіанскіе мученики, напоминаютъ о распятой Россіи ».

Черезъ какія-нибудь пять недѣль послѣ того, какъ я переписала эту статью, произошелъ большевистскій переворотъ и мы оказались отрѣзанными отъ Петербурга.

* * *

Въ январѣ 1918 года началась гражданская война въ Финляндіи.

Послѣ объявленія самостоятельности Финляндіи мы перестали видѣть въ ней часть родины, а потому моя мать и я не принимали участія въ дамскихъ собраніяхъ у Фрисковъ, на которыхъ что-то шилось и вязалось для бѣлыхъ воиновъ и потомъ тайными путями имъ переправлялось. Хотя принципиально мы и были, конечно, на сторонѣ финляндскихъ бѣлыхъ, но за шесть мѣсяцевъ жизни въ Выборгѣ мы убѣдились, что если красныхъ русскихъ солдатъ финны просто ненавидѣли, то и къ русскимъ бѣлымъ они симпатіи не имѣли и смотрѣли на нихъ какъ на чуждый и нежелательный элементъ.

Исключеніемъ были финляндцы, жившіе до революціи въ Россіи и въ особенности служившіе въ русскихъ войскахъ, но съ такими мы, за исключеніемъ генерала Левстремъ, не встрѣчались во время пребывания въ Выборгѣ, да и въ это время разыгравшихся политическихъ и національныхъ страстей у немногихъ хватало мужества проявлять свои симпатіи.

Такимъ образомъ мы жили пассивными наблюдателями событій, къ тому же поглощенные болѣзнью отца, которая все ухудшалась и причиняла ему все большія страданія. Онъ уже съ осени 1917 года не вставалъ съ постели послѣ посѣщенія спеціалиста по сердечнымъ болѣзнямъ, профессора Гранберга. Послѣ того, какъ мы были отрѣзанными отъ Петербурга и папинъ врачъ не могъ больше пріѣзжать къ нему, стало необходимымъ обратиться къ мѣстному спеціалисту.

Когда мой отецъ пришелъ на пріемъ къ профессору Гранбергу и тотъ выслушалъ его, онъ сказалъ ему: « Удивляюсь, какъ вы можете стоять на ногахъ при состояніи вашего сердца. Вы можете только лежать ».

На моего отца эти слова произвели впечатлѣніе шока и, вернувшись домой, онъ дѣйствительно слегъ въ постель и больше съ нея не вставалъ до своей смерти.

Для моей матери и меня, привыкшихъ къ бережности, съ которой русскіе врачи относились къ больнымъ, скрывая отъ нихъ серьезность болѣзни и говорившихъ объ этомъ только ихъ близкимъ, такой поступокъ со стороны врача казался чудовищнымъ, противорѣчащимъ докторской этикѣ. Къ нашему изумленію Фрискъ, которымъ мы о немъ рассказали, отнеслись къ нему спокойно, а Элеонора Андреевна, проявлявшая въ религіозныхъ вопросахъ нѣкоторое изувѣрство, даже сказала: « Что-же, если Эвальдъ Карловичъ дѣйствительно такъ плохъ то ему хорошо объ этомъ знать, чтобы не только позаботиться о семьѣ, но и подготовиться къ смерти ».

Такъ мы въ первый разъ убѣдились насколько русскіе, которыхъ иностранцы охотно обвиняли въ некультурности и даже варварствѣ, нравственно тоньше этихъ самыхъ иностранцевъ. За долгіе годы, проведенные въ эмиграціи, взглядъ на духовную культурность иностранцевъ у насъ русскихъ сильно измѣнился и не разъ пришлось производить переоцѣнку цѣнностей.

* * *

По мѣрѣ того, какъ бѣлые продвигались съ сѣвера, тѣсня все болѣе красные русско-финскіе войска на юго-востокъ Финляндіи, продовольственное положеніе въ Выборгѣ становилось все болѣе затрудненнымъ. Постепенно конина вытѣснила всѣ другіе сорта мяса изъ меню выборжанъ и, когда я заказывала обѣдъ нашей кухаркѣ-финкѣ, она все чаще предлагала на жаркое « лошадь-мясо », как она называла конину.

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля бѣлые обложили Выборгъ. Часто слышна была артиллерійская стрѣльба. Стало не безопасно ходить по улицамъ, такъ какъ по нимъ пролетали пули и я помню, какъ я кралась вдоль стѣнъ домовъ въ крытый рынокъ, чтобы раздобыть чего-нибудь съѣстнаго.

24-го апрѣля семья Фрискъ и наша рѣшили спуститься въ подвалъ, такъ какъ стрѣльба все усиливалась, отъ пушечныхъ выстрѣловъ дрожали стекла въ окнахъ и у нѣкоторыхъ сосѣдей пули уже пробили оконныя стекла и влетѣли въ комнаты. Съ большимъ трудомъ мы перетасили въ подвалъ отца, совсѣмъ умирающаго, и провели въ этомъ подвалѣ шесть сутокъ.

Вотъ какъ я писала объ этомъ осадномъ положеніи въ своемъ дневникѣ 30-го апрѣля:

« Когда оглядываешься на послѣдніе шесть дней, невольно думаешь, что это былъ кошмаръ. Гранитный подвалъ, погруженный въ полумракъ при освѣщеніи керосиновой лампой или лучемъ солнца, проникавшимъ черезъ крохотное окно. Повсюду сложенные вещи, матрацы на скамьяхъ, на нихъ груды самыхъ разнообразныхъ пальто и шубъ. Закусываніе на колѣняхъ, подогреваніе воды на таганкѣ. По вечерамъ пѣніе псалмовъ и чтеніе библіи подъ шумъ бомбардировки, а надъ нами опустѣлыя квартиры съ разбитыми окнами, со слѣтѣвшими съ крючковъ картинами.

« Особенно сильное ощущеніе мы пережили въ ночь съ 25-го на 26-ое, когда взлетѣлъ пороховой погребъ въ концѣ нашей улицы, въ какихъ-нибудь двадцати домахъ отъ насъ. Оглушительный трескъ, впечатлѣніе, что рушится нашъ домъ, вслѣдъ затѣмъ яркое зарево, отблески котораго окрашиваютъ кровавымъ свѣтомъ нашъ садъ и окружающіе дома. А на улицѣ бѣшеные залпы пушекъ, свистъ пуль и трескъ пулеметовъ.

« Всему этому аду кромѣшному насталь неожиданный конецъ. Въ ночь на 29-ое апрѣля черезъ окно нашего подвала, въ которомъ мы лежали вповалку и спали, крикъ « Бѣлые пришли ».

« Въ одинъ мигъ мы были на улицѣ. Было свѣжее,

сѣрое утро, падалъ рѣдкій снѣжокъ. На углахъ улицъ стояли фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ вѣточками можжевельника въ кепи. Бѣлые вошли въ числѣ 500 черезъ восточную часть города, заставивъ замолкнуть самую сильную батарею, оборонявшую Выборгъ. Красные бросили городъ, разгромивъ и разграбивъ предварительно всѣ магазины, врываясь въ квартиры и производя жестокою расправу съ буржуазными элементами.

« Въ теченіе дня бѣлыхъ должно было еще прибыть тысячъ двадцать.

« Съ каждой минутой все больше высыпало народа на улицы, на парадныхъ начинали подавать кофе, хлѣбъ, угощать солдатъ папиросами. Настроеніе очень приподнятое, ликующее: наконецъ, красный кошмаръ, длившійся около четырехъ мѣсяцевъ, кончился.

« Днемъ въ городѣ царило большее оживленіе. Прибывали все новые отряды бѣлыхъ, тянулись подъ конвоемъ колонны схваченныхъ красныхъ. Городъ имѣлъ ужасный видъ: повсюду выбитыя окна, облупившаяся штукатурка, разграбленные магазины. Особенно пострадалъ ресторанъ « Аристо » противъ вокзала. Отъ огромныхъ зеркальныхъ стеколъ остались лишь осколки, завалившіе панель. Внутри въ невообразимомъ хаосѣ валялись кресла, опрокинутые столы, поломанные телефоны, разбитыя вазы изъ-подъ цвѣтовъ.

« Сегодня чувствуется, что бѣлогвардейцы принялись наводить порядокъ: улицы расчищаются, уцѣлѣвшіе магазины открылись, на площади играетъ военная музыка. Но несмотря на это что-то тяжелое виситъ въ воздухѣ. Лица больше не радостныя, вѣдь кровавая драма продолжается, за ночь разстрѣляно двѣсти человѣкъ, преимущественно русскихъ солдатъ, были эксцессы. Еще будетъ много несправедливостей, продиктованныхъ національной ненавистью ».

И я заканчивала эти замѣтки словами: « Какъ тянетъ меня отсюда, изъ этой страны, гдѣ ненавидятъ не только большевизмъ, но и все русское ».

Желаніе покинуть Финляндію удалось осуществить лишь черезъ четыре мѣсяца. Пока живъ былъ отецъ, неммыслимо было куда-нибудь тронуться.

Послѣ взятія Выборга бѣлыми, намъ пришлось помѣстить отца въ больницу. Для облегченія его страданій надо было ему дѣлать прохладныя ванны, а при папиномъ ростѣ и, несмотря на похуденіе, большомъ вѣсѣ, намъ женщинамъ это было не подѣ силу. Мать и я чередовались около него въ больницѣ, такъ какъ онъ занималъ отдѣльную комнату, лишь ночевать намъ не разрѣшалось.

Утромъ 25-го іюня насъ вызвали въ больницу, предвидя близкій конецъ. Когда мы пришли, отецъ лежалъ съ закрытыми глазами, но былъ въ сознаніи, такъ какъ когда моя мать взяла его за руку, онъ слабо пожалъ ея пальцы. Но онъ ничего не говорилъ. Постепенно его дыханіе становилось затрудненнымъ и временами появлялся хрипъ.

Вдругъ лицо отца озарилось радостной улыбкой и онъ совершенно отчетливо произнесъ: « Какъ хорошо! Какъ много свѣта! » Это были его послѣднія слова, черезъ десять минутъ его не стало. Часы на его ночномъ столикѣ показывали ровно полдень.

Предсмертныя слова отца оставили на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе. Что увидѣлъ онъ, покидая нашъ міръ? Религіознымъ въ обычномъ значеніи этого слова отецъ не былъ, въ церковь не ходилъ, духовныхъ книгъ не читалъ. Лишь послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ часто велъ бесѣды со своимъ университетскимъ товарищемъ, оказавшимся настоятелемъ лютеранскаго нѣмецкаго прихода въ Выборгѣ, пасторомъ Вегенеръ. Но по моему глубокому убѣжденію, отецъ былъ настоящимъ христіаниномъ по складу своей природы: онъ любилъ помочь гдѣ только могъ и его девизомъ было: « самому жить, но и давать жить другимъ ».

Послѣ смерти отца, мать и я, по моей просьбѣ, немедленно переѣхали изъ нашей квартиры, гдѣ каждый предметъ говорилъ объ отцѣ. Для меня было всегда особенно тяжело оставаться въ помѣщеніяхъ, изъ которыхъ ушелъ духъ жившихъ въ нихъ людей.

Мы переѣхали къ Фрискъ и сняли у нихъ двѣ комнаты, въ которыхъ зимою жили двѣ незамужнія сестры самого Фрискъ. На лѣто онѣ уѣзжали на дачу и комнаты ихъ пустовали.

Несмотря на отговоры знакомыхъ, мы съ матерью рѣшили ѣхать въ Петербургъ. Моя мать ѣхала для того, чтобы получить страховку жизни отца, которая выплачивалась несмотря на то, что у власти были большевики. Кромѣ того она хотѣла объединиться со своимъ двоюроднымъ братомъ Головинымъ и, если политическое положеніе будетъ оставаться безпросвѣтнымъ, помочь ему ликвидировать цѣнную обстановку и вмѣстѣ уѣхать за границу. Что касается меня, то я хотѣла продолжать и закончить свое архитектурное образованіе.

Между тѣмъ изъ Петербурга прибывало все больше представителей сановнаго міра и аристократіи, не вѣрившихъ въ скорое сверженіе большевиковъ. На это намъ указывали и Фрискъ, и чета Веселаго, съ которой мы постоянно проводили время.

Старикъ адмиралъ Михаилъ Герасимовичъ Веселаго былъ типичнымъ морскимъ волкомъ, которыхъ уже мало оставалось во флотѣ. Онъ былъ большимъ умницей и очень расположился ко мнѣ, называя меня въ шутку «мой другъ архитекторъ», но меня отталкивала его грубость и когда онъ, сжимая свой большой кулакъ, говорилъ, что онъ имъ не мало вышибъ зубовъ матросамъ, меня нравственно мutilo.

Хотя ему было за семьдесятъ лѣтъ, Михаилъ Герасимовичъ продолжалъ питать слабость къ прекрасному полу и меня забавляло наблюдать за нимъ утромъ на Эспланадѣ. Идя за покупками на рынокъ, я часто видѣла его, въ чесунчевомъ костюмѣ и кепкѣ изъ люфы, прогуливающимся по аллеѣ и бормотав-

шимъ себѣ подъ носъ: « Вотъ идетъ кажется хорошенькая, судя по ножкамъ. Не обогнать ли ее и заглянуть подъ шляпку ? » Когда я его окликала, онъ весь расплывался въ улыбку и, беря меня подъ руку, говорилъ: « Дайте мнѣ опереться на вашу молодость, мой милый другъ архитекторъ ».

Женѣ его, Ольгѣ Александровнѣ, было тоже около семидесяти лѣтъ. Она носила черный парикъ и отъ нея былой красоты остались громадные черные глаза. Мнѣ трудно было себѣ представить, какъ могъ ею сильно увлечься старикъ Головинъ, когда лѣтъ двадцать пять тому назадъ разводилъ ее съ Пини.

Со старикомъ Веселаго насъ связывали почти родственныя узы. Его дочь, Марья Михайловна, вышла замужъ за Государственнаго Контролера Лобко, который былъ лѣтъ на тридцать ея старше, и рано овдовѣла. Будучи вдовой, она сильно увлеклась Алексѣемъ Федоровичемъ Шebuнинымъ, первымъ мужемъ маминной старшей сестры, о драматическомъ разводѣ которой я рассказывала выше. До революціи она не выходила за него замужъ, не желая утрачивать своей большой вдовой пенсіи — если не ошибаюсь, тысячи рублей въ мѣсяцъ — а въ эмиграціи они поженились.

Мы много времени проводили съ четой Веселаго. Было очень интересно слушать старика, у котораго былъ неизсякаемый запасъ воспоминаній и анекдотовъ. Онъ былъ свидѣтелемъ многихъ событій въ теченіе послѣднихъ трехъ царствованій и любилъ о нихъ говорить.

* * *

Во второй половинѣ лѣта мы стали хлопотать о выѣздѣ въ Петербургъ.

Наши упорныя хлопоты наконецъ увѣнчались успѣхомъ и, заручившись разрѣшеніемъ на обратный выѣздъ въ Финляндію, моя мать и я, оставивъ всѣ драгоцѣнности въ банкѣ, поѣхали въ Петербургъ. На Выборгскомъ вокзалѣ собралось значительное число знакомыхъ насъ провожать и видно было, что всѣ осуждаютъ наше рѣшеніе уѣхать изъ Финляндіи.

О путешествіи изъ Выборга въ Петербургъ у меня остались очень смутныя воспоминанія. Помню лишь, что поѣзда не проходили черезъ границу, а доходили лишь до нея, а затѣмъ насъ и наши вещи перевезли въ Бѣлоостровѣ на дрезинѣ. Какихъ-либо инцидентовъ въ дорогѣ не было: только на пробѣгѣ между Бѣлоостровомъ и Петербургомъ наши спутники, состоявшіе изъ солдатъ и чухонокъ-молочницъ, продолжавшихъ и послѣ большевисткаго переворота возить молоко въ столицу, посматривали ухмыляясь на нашу крохотную собачку, той-терьера, съ которой моя мать никогда не разлучалась.

Пріѣхали мы въ Петербургъ уже въ сумерки и это избавило насъ отъ тяжелаго чувства видѣть въ первый же вечеръ нашъ прекрасный городъ въ его оскверненіи. Дядя нарочно насъ не встрѣчалъ на вокзалѣ, чтобы не обращать лишнее вниманіе на «возвращенцевъ» изъ бѣлой Финляндіи.

Тѣмъ радостнѣе мы обнялись безъ постороннихъ свидѣтелей въ его передней: дядя самъ намъ открылъ, хотя у него продолжала жить его прислуга, сѣроглазая шустрая Саша.

Дядина квартира была нетронутой и плотно сдвинутыя портьеры на окнахъ не пропускали въ нее настроенія революціонной улицы съ тускло горящими фонарями и заколоченнымъ рынкомъ. Квартира дяди находилась на Гагаринской улицѣ, прямо противъ рынка.

Обѣдъ, которымъ насъ угостилъ дядя былъ совсѣмъ дореволюціоннымъ съ закуской, жареными рябчиками и ананаснымъ компотомъ. Ранней осенью 1918 года людямъ, располагавшимъ деньгами, можно было еще покупать дичь и консервы. Хуже обстояло дѣло съ жирами, масло стоило изъ-подъ полы очень дорого и петербуржцы пристрастились къ касторовому маслу, котораго аптеки имѣли большіе запасы и которое, къ счастью, при жареніи утрачивало свои лѣчебныя свойства.

Послѣ обѣда, закрывъ двери дядинаго кабинета, стѣны котораго были украшены прелестными пейзажами Крыжицкаго, головками Маковскаго и другими

картинами извѣстныхъ художниковъ, мы стали говорить, не стѣсняясь Сашинаго присутствія.

Дядя разсказалъ намъ, что въ Петербургѣ царить терроръ послѣ убійства Урицкаго. Одной изъ первыхъ жертвъ террора сталъ другъ дяди, Левъ Сергѣевичъ Нехлюдовъ. Онъ находился въ помѣщеніи Англійскаго клуба, черезъ дворъ котораго спасался отъ преслѣдователей молодой Канегисеръ, убившій комиссара Урицкаго. Толпа ворвалась въ клубъ и, не слушая никакихъ возраженій, выволокла изъ него всѣхъ тамъ находившихся и повела какъ арестованныхъ въ Петро-Павловскую крѣпость. По дорогѣ солдатня ихъ всѣхъ разстрѣляла.

Изъ Министерства Торговли и Промышленности дядя перешелъ служить въ Управление Петербургскаго Порта, такъ какъ его близкая дружба съ Товарищемъ Министра, Сергѣемъ Петровичемъ Веселаго, могла ему повредить.

Дядя былъ очень пессимистично настроенъ насчетъ дальнѣйшаго развитія революціи и потому охотно согласился на предложеніе моей матери все ликвидировать и уѣхать за границу.

Въ этотъ первый вечеръ я продолжала высказывать желаніе остаться въ Петербургѣ и продолжать ученіе. Но когда я на слѣдующее утро вышла на улицу, чтобы совершить мою любимую прогулку по Гагаринской, Сергѣевской, Литейному и Моховой, я поняла, что не смогу остаться въ Петербургѣ. Видъ запущенныхъ улицъ съ заколоченными досками окнами домовъ, со слѣдами пуль на стѣнахъ, пропитанныхъ запахомъ селедокъ, которыми торговали на лоткахъ на всѣхъ углахъ, а главное толпы разнузданной солдатни и печальныя фигуры « бывшихъ » людей, робко протягивавшихъ руки съ коробками спичекъ, съ тесемками для сапогъ и тому подобными товарами, угнеталъ меня и я чувствовала, какъ возмущеніе сжимаетъ мнѣ спазмой горло. Запахъ селедки и несчастный, запуганный видъ этихъ людей преслѣдовали меня, когда я вернулась домой и стали для меня какъ бы символомъ того, что ушла навсегда атмосфера величественной столицы, города красоты и искусства, какимъ былъ

для меня родной прекрасный городъ. И я стала рваться изъ него такъ же страстно, какъ я къ нему стремилась, не зная, что мнѣ предназначено судьбой остаться въ немъ еще полтора года.

Дѣло въ томъ, что не прошло и недѣли послѣ нашего приѣзда и мы успѣли только получить папину страховку и предложить Музею Александра III нѣсколько картинъ, какъ стало извѣстнымъ, что закрылась финляндская граница. Мы бросились къ властямъ предъявлять наши провизированные паспорта, но намъ очень сухо заявили, чтобы мы не слишкомъ хлопотали о выѣздѣ изъ Петербурга, на который намъ революціонныя власти разрѣшенія все равно не дадутъ.

У насъ сразу созрѣло рѣшеніе бѣжать при первой возможности, но пока надо было устраиваться на болѣе или менѣе продолжительное проживаніе въ революціонномъ Петербургѣ.

Прежде всего надо было получить продовольственные карточки для моей матери и для меня. Женщины не служившія могли получить продовольственную карточку лишь какъ «хозяйки безъ прислуги», но въ нашемъ случаѣ насъ не служащихъ было двое, а кромѣ того у дяди была прислуга, которую мы пока не хотѣли отпускать, такъ какъ у нея были всякія «подпольныя» знакомства для добыванія продуктовъ и она была опытной кухаркой, которая могла состряпать что-нибудь изъ «ничего», въ то время какъ моя мать и я не имѣли о стряпнѣ никакого понятія.

Въ первую очередь устроилась моя мать, такъ какъ начальникъ петербургскаго порта, очень хорошо относившійся къ дядѣ, взялъ ее конторщицей.

Обо мнѣ же позаботилась одна бывшая слушательница Багаевскихъ курсовъ, нѣкая Анергъ, успѣвшая ихъ кончить до революціи. Узнавъ отъ кого-то, что я въ городѣ и питая ко мнѣ коллегіальную симпатію, какъ къ «общающей» будущей женщинѣ-архитектору, она пришла ко мнѣ и предложила мнѣ поступить помощницей къ гражданскому инженеру, служившему по ремонтамъ городскихъ скотобоенъ. «Работа, конеч-

но, не художественная », сказала она мнѣ, « но хорошій паекъ и овощами, и мясомъ, что очень важно. Поэтому совѣтую вамъ взять это мѣсто, а я буду имѣть васъ въ виду и какъ только представится что-нибудь болѣе интересное, я васъ оповѣщу ».

Я должна была пойти на службу 15-го сентября, а на 12-ое сентября было назначено собраніе жильцовъ для избранія домового комитета.

Домовые комитеты, состоявшіе изъ предсѣдателя, секретаря и члена комитета, были введены, съ одной стороны для защиты интересовъ квартирантовъ по отношенію къ домовладѣльцамъ, которымъ приписывались всякія эксплуататорскія посягательства — взиманіе черезчуръ высокой квартирной платы, производство необходимыхъ ремонтовъ и т.д. — съ другой, чтобы проводить въ жизнь всякія постановленія милиціи. На самомъ дѣлѣ, сами домовладѣльцы оказались въ весьма тяжеломъ положеніи: имъ сплошь и рядомъ не платили за квартиру ввиду того, что они не производили ремонтовъ, а какъ имъ было таковыя производить, когда пропали всѣ необходимые для этого матеріалы !

Собраніе было назначено въ квартирѣ портнихи Журавлевой, жившей въ дворомъ флигелѣ. Домъ, въ которомъ дядя снималъ квартиру, имѣлъ два флигеля: одинъ, выходившій на улицу и населенный весьма « буржуазнымъ » элементомъ, и дворовый, въ которомъ жили всякіе ремесленники и мелкіе торговцы. Поэтому составъ собранія былъ весьма разношерстнымъ и присутствовавшіе сразу раздѣлились на двѣ группы: « буржуевъ » и « трудящихся ».

Преніями на собраніи руководилъ нѣкій Пашковъ, помѣщикъ, жившій въ « буржуазномъ » флигелѣ, но щеголявшій одеждой подъ Толстого: русская рубашка и штаны, заправленные въ высокіе сапоги. Онъ, повидимому, хорошо зналъ всѣхъ жителей двороваго флигеля и игралъ на популярность: дѣлалъ всякіе выпады противъ домохозяина, князя Волконскаго, говорилъ о необходимости для жильцовъ объединиться и былъ для нашей семьи въ высшей степени несимпатичнымъ.

Когда дѣло дошло до выборовъ въ домовый комитетъ, председателемъ былъ выбранъ этотъ самый Пашковъ, который благодарилъ собраніе за оказанное ему довѣріе. Къ моему изумленію онъ предложилъ выбрать секретаремъ меня и, къ еще большему моему удивленію, меня стали со всѣхъ сторонъ уговаривать выставить мою кандидатуру. Переглянувшись съ матерью и дядей, я согласилась и была единогласно выбрана.

Слѣдующіе соображенія побудили меня согласиться вступить въ домовый комитетъ. Всякія продажи предметовъ обстановки могли совершаться лишь съ разрѣшеніядоваго комитета, а такъ какъ намъ нужно было ликвидировать дядину обстановку, то нужныя разрѣшенія мнѣ было легко получать, какъ члену комитета. Кромѣ того, на секретарѣ комитета лежали назначенія на всякія дежурства и работы по дому, и я могла облегчать ихъ для своихъ и другихъ пожилыхъ жильцовъ.

То, что меня избрали жильцы «буржуазнаго» флигеля меня не удивляло, но моя популярность среди пролетаріата была неожиданной. Повидимому я ей была обязана портнихѣ Журавлевой, шившей мнѣ прежде платья, а кромѣ того мнѣ удалось возбудить симпатію селедочника Коняжкина, сыгравшаго впоследствии большую роль при распродажѣ дядинаго имущества, и механика Иванова, охотно чинившаго несчетное число разъ нашу мясорубку, на которой перемальвалось что угодно и которая поэтому постоянно ломалась.

Такимъ образомъ помимо службы въ столь славномъ учрежденіи, какъ Петербургскія скотобойни, я заняла почетное мѣсто въ общественно-административной дѣятельности нашего дома.

* * *

День 15-го сентября 1918 г., когда я въ первый разъ пошла на службу, выдался исключительно теплымъ и солнечнымъ. Въ такіе осенніе дни Петербургъ удивительно хорошъ, когда его прекрасныя, строгой

линіи зданія, четко вырисовываются въ прозрачномъ воздухѣ, а его сады залиты золотомъ тронутой осенью листвы. Въ дореволюціонное время, если занятія на курсахъ это позволяли, я могла часами бродить по Лѣтнему саду или забиралась даже на Острова, любясь прекрасными панорамами и глубоко вдыхая немного влажный осенній воздухъ.

Теперь я ѣхала въ переполненномъ до отказа трамваѣ на Нарвскій проспектъ, далеко не фешенебельную часть города, куда я попадала раньше лишь при посѣщеніи кладбища при Новодѣвичьемъ Монастырѣ, гдѣ была похоронена моя бабушка.

Городскія Скотобойни представляли изъ себя цѣлый городокъ со своими многочисленными флигелями, стойлами для сотенъ головъ скота, предназначавшихся для прокормленія миллионнаго города. Въ дореволюціонное время здѣсь долженъ былъ стоять ревъ отъ мычанія рогатаго скота, блянія овецъ и хрюканья свиней; теперь на всемъ участкѣ стояла мертвая тишина, выложенные булыжникомъ дворы проросли травой и лишь исхудавшая собаченка или тощая кошка перебѣгали иногда пространства между постройками.

Инженеръ Васильевъ, къ которому я поступила, жилъ въ первомъ этажѣ одного изъ флигелей и занималъ казенную квартиру въ нѣсколько комнатъ. Онъ былъ уже пожилымъ человѣкомъ, носилъ форменную одежду, сильно потертую и засаленную, и производилъ вообще неряшливое впечатлѣніе. Онъ немного критически оглядѣлъ меня, въ безукоризненно сшитомъ костюмѣ изъ темно-синяго шевьета, въ бѣлоснѣжной шелковой блузкѣ, и ввелъ въ свой кабинетъ, столь же запущенный, какъ и его хозяинъ.

«Вы, можетъ быть, еще не отдаете себѣ отчета, что всѣ предполагаемые ремонты это игра въ бирюльки», сказалъ онъ мнѣ хриплымъ голосомъ. «Какіе могутъ производиться ремонты, когда исчезли съ рынка всѣ необходимые матеріалы, а ввиду отсутствія дровъ, я думаю, что зимой сожгутъ всѣ деревянные части хлѣбовъ. Но вѣдь главное теперь — это прокормиться и пока отпускаются кредиты на служащихъ и даютъ паекъ, надо дѣлать видъ, что что-то дѣлаешь».

« Я вамъ дамъ имѣющіеся планы зданій скотобоеень, сдѣлайте свѣрку и отмѣтите, что нужно ремонтировать. Нѣкоторые флигеля выдержаны въ хорошемъ ампирѣ, можете ихъ обмѣрить, это вамъ лично можетъ быть полезно. Для этого я къ вамъ прикомандирую сынишку одного бойца — такъ звали рабочихъ скотобоеень — Костьку, онъ вамъ будетъ натягивать веревки для промѣровъ ».

Такъ началась моя служба у инженера скотобоеень.

Служба моя начиналась въ десять часовъ утра, но я уходила изъ дому не позже девяти часовъ, такъ какъ дорога съ Гагаринской улицы на Забалканскій проспектъ была дальняя, а попасть въ трамвай было дѣломъ нелегкимъ. Трамваи были набиты до отказа, съ ихъ площадокъ люди свѣшивались гроздями и иногда приходилось пропустить нѣсколько трамваевъ прежде чѣмъ попасть на какой-нибудь, менѣе перегруженный.

Добравшись до скотобоеень, я шла на квартиру инженера Васильева, забирала тетрадку, карандашъ и кое-какіе инструменты и отправлялась на дворъ, глѣ въ условленномъ мѣстѣ меня дожидался вихрастый и веснучатый Костька. Дни стояли чудные и эти занятія на свѣжемъ воздухѣ были сплошнымъ удовольствіемъ.

Въ часъ я возвращалась въ квартиру Васильева, ѣла принесенные изъ дому бутерброды, запивая ихъ холоднымъ чаемъ, и затѣмъ вычерчивала на бумагѣ сдѣланные утромъ промѣры.

Васильева я почти не видала. Если онъ выходилъ ко мнѣ изъ внутреннихъ комнатъ, то только, чтобы поговорить на злобу дня. Когда же я пыталась показать ему свои чертежи, онъ отмахивался отъ нихъ: « Праздное препровожденіе времени, ради злосчастнаго пайка ».

Паекъ этотъ выдавался два раза въ мѣсяцъ и состоялъ изъ польпуда картошки, нѣсколькихъ фунтовъ моркови, брюквы или рѣдьки, и нѣсколькихъ фунтовъ конины. Всѣ эти продукты представляли изъ себя большую цѣнность, когда въ лавкахъ выдавали по

карточкамъ иногда овесъ вмѣсто хлѣба, а другихъ продуктовъ вообще не было.

Такъ шла моя служба до наступленія холодовъ. Въ квартирѣ Васильева температура упала до нѣсколькихъ градусовъ выше нуля. Дровъ онъ не имѣлъ и могъ топить только свою « буржуйку », маленькую желѣзную плитку, которая отапливалась щепками. Эту « буржуйку » онъ держалъ въ своей спальнѣ, а въ кабинетѣ стало невозможно работать: руки коченѣли и вся я немилосердно мерзла, несмотря на шерстяныя фуфайки и на пальто, которое я не снимала.

Въ концѣ октября, когда я очередно мерзла въ его кабинетѣ, Васильевъ вошелъ съ радостнымъ видомъ.

« Правленіе Скотобоевъ предлагаетъ вамъ перейти на канцелярскую работу въ контору до весны », сказалъ онъ мнѣ. « Отопленіе конторы обезпечено и такимъ образомъ вы будете продолжать получать то же содержаніе и паекъ безъ того, что бы мерзнуть ».

Конечно, я радостно согласилась. Гдѣ было получить другое мѣсто, лишиться драгоцѣннаго пайка и оказаться на положеніи « лишеньки ». Меня только удивляло, что такъ расположило въ мою пользу, « проклятой буржуйки », членовъ правленія, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ рабочихъ и завѣдующаго конторой, котораго я въ глаза не видала. Оказалось, что мое ласковое отношеніе къ вихрастому Костькѣ, котораго я ссужала то бутербродомъ, то кусочкомъ шоколада — дядѣ удалось заpastись плитками шоколада, когда ихъ еще можно было покупать изъ-подъ полы — пошло мнѣ на пользу: Костька былъ сыномъ вице-предсѣдателя правленія, бойца Павлова, который и провелъ мою кандидатуру въ конторщицы.

Помимо службы, ни моя мать и дядя, ни я сама нигдѣ не бывали. Вернувшись около шести часовъ домой, послѣ обѣда впроголодь не хватало энергіи куда-нибудь идти, да и желанія не было. Вначалѣ я подумывала продолжать архитектурныя занятія на вечернихъ курсахъ въ Академіи Художествъ, такъ какъ Багаевскіе курсы временно закрылись: сама

Багаева умерла, курсы перешли въ руки властей и эти послѣднія ничего еще не наладили. Но Академія Художествъ находилась на Васильевскомъ Островѣ, почти также далеко отъ Гагаринской улицы, какъ и Скотобойни, улицы почти не освѣщались, ежедневно происходили грабежи, прохожихъ просто раздѣвали и оставляли въ одной рубашкѣ. А кромѣ того вся наша жизнь была направлена къ тому, чтобы, распродавъ дядины вещи, бѣжать при первой возможности въ Финляндію и мы смотрѣли на наше пребываніе въ Петербургѣ, какъ на временное зло.

Для сохраненія силъ и экономіи топлива мы очень рано забирались въ постели и читали. Я перечитывала главнымъ образомъ французскіе романы — Бурже, Анатоль Франса и др. — которыхъ у дяди было значительное количество. Они позволяли мнѣ забывать о печальной и безобразной дѣйствительности и я съ наслажденіемъ уходила въ описаніе жизни французской аристократіи и крупной буржуазіи конца девятнадцатаго и начала двадцатаго вѣка. Въ обезображенномъ Петербургѣ, усыпанномъ подсолнечной шелухой, провонявшаго запахомъ селедки и воблы, погруженнаго въ сырой ноябрьскій мракъ, такъ отраднo было читать о залитомъ свѣтомъ Парижѣ съ его нарядной жизнью.

Иногда меня вырывалъ изъ этого прекраснаго міра рѣзкій звонокъ въ парадную дверь и приглашеніе идти присутствовать на обыскѣ у кого-нибудь изъ жильцовъ. На этихъ обыскахъ, происходившихъ обыкновенно послѣ одиннадцати часовъ вечера, долженъ былъ присутствовать кто-нибудь изъ Домового Комитета и если Пашковъ былъ въ отъѣздѣ, а механикъ Ивановъ, членъ Комитета, на вечерней работѣ, эта обязанность падала на меня.

Присутствіе на обыскахъ было для меня очень тяжелымъ и я бы ушла изъ Домоваго Комитета, если бы не соображенія, которыя я изложила выше.

Обыски производились обыкновенно представителями участковой милиціи: по большей части это были «краса и гордость революціи» — матросы въ сопро-

вожденіи одной или двухъ женщинъ самаго низкаго сорта, обыскивавшихъ комнаты гдѣ спали женщины. Меня мутило отъ нахальнаго вида матросскихъ физиономій, отъ ихъ грубой манеры обращенія и гадкихъ шуточекъ, которыя они себѣ позволяли по адресу обыскиваемыхъ « буржуевъ ». Душило сознание своего полнаго безсилія передъ царившимъ произволомъ.

Мы еще въ концѣ сентября разстались съ дядиной прислугой, которая вышла замужъ, и приготовленіе нашего несложнаго обѣда легло на меня, такъ какъ я возвращалась со службы на часъ раньше чѣмъ мать и дядя. Самымъ волнующимъ моментомъ стряпни было растапливаніе плиты, такъ какъ спички были строго рационированы и надо было истратить не больше одной спички. Поэтому я была очень рада, когда растапливаніемъ занимался мой пріятель Николай Богинскій. Онъ былъ младшимъ изъ трехъ братьевъ и призванъ на фронтъ лишь въ пятнадцатомъ году. Онъ избѣжалъ раненій и благополучно демобилизовался по приходѣ къ власти большевиковъ, чтобы окончить Институтъ Путей Сообщенія. Вернувшись въ Петербургъ, онъ вошелъ въ контактъ съ моимъ дядей и какъ только моя мать и я пріѣхали изъ Выборга, сталъ навѣщать насъ. По большей части онъ заходилъ къ намъ, возвращаясь изъ Института домой, и попадалъ въ то время, когда я готовила обѣдъ. Моя мать называла насъ въ шутку « кухарка и кумъ пожарный » и мы сами часто отъ души смѣялись относительно обстановки, въ которой намъ приходилось теперь встрѣчаться. Въмѣсто маминаго уютнаго будуара съ гобеленовой мебелью и топящагося камина, небольшая дядина кухня и сами мы за весьма прозаическими занятіями: перемальваніе на мясорубкѣ овса, поджариваніе на касторовомъ маслѣ подмерзшаго картофеля или печеніе прямо на плитѣ блиновъ изъ промолотой картофельной шелухи, смѣшанной съ гущей кофе изъ жаренаго овса. Голь на выдумки хитра...

Однако я и не подозрѣвала какой мѣткой оказалась шутка моей матери относительно « кухарки съ кумомъ пожарнымъ ». Въ дворомъ флигелѣ нашего дома жилъ селедочникъ Александръ Ивановичъ Ко-

няжкинъ, сильно разбогатѣвшій на своихъ селедкахъ и другихъ удачныхъ спекуляціяхъ съ продуктами. Совершенно того не подозрѣвая, я плѣнила этого нувориша, который говаривалъ нашей прислугѣ: «Эхъ, пригласилъ-бы я вашу барышню въ «кеатръ», взялъ-бы ей цѣлую ложу, да боюсь, поколотить меня этотъ высокій баринъ въ формѣ, который къ ней часто хаживаетъ».

Когда наша Саша рассказала мнѣ объ этой побѣдѣ, я рѣшила поэксплуатировать нѣжныя чувства своего новаго поклонника, привлекая его къ покупкѣ разныхъ дядиныхъ вещей. Возвращаясь со службы, я часто встрѣчала Коняжкина у нашей парадной двери и говорила ему между прочимъ: «Знаете, дядя продаетъ нѣсколько костюмовъ изъ очень хорошаго матеріала. Не пришли-ли бы вы вечеромъ ихъ посмотреть?» И бѣдный Александръ Ивановичъ безпрекословно являлся и никогда не уходилъ, не купивъ чего-нибудь. Последней его покупкой былъ буфетъ эпохи ренессанса, музейная вещь, за которую онъ выложилъ нѣсколько десятковъ тысячъ «думскихъ» рублей, а для чего онъ ему былъ?

* * *

За службой, постепенной распродажей вещей и обязанностями по дому прошла тяжелая голодная зима 1918-1919 года.

Наступилъ май мѣсяць, когда Петербургъ всегда былъ особенно хорошъ въ перламутровомъ освѣщеніи бѣлыхъ ночей. Но въ этотъ революціонный годъ онъ какъ-то не радовалъ. При яркомъ весеннемъ освѣщеніи еще больше выступала вся запущенность прекраснаго города и нищета его жителей. На улицѣ стало много попадаться людей съ опухшими отъ голода лицами, въ сильно поношенномъ платьѣ, такъ какъ лучшая одежда ушла въ обмѣнъ на продукты у крестьянъ, которыхъ совершенно не интересовали деньги и которые отдавали свои продукты лишь въ обмѣнъ на предметы одежды и обстановки.

Наши попытки найти кого-нибудь, кто бы помогъ намъ бѣжать, оставались пока безъ результата. Иногда узнавали стороной, что тѣмъ-то удалось перейти финляндскую границу, въ то время какъ другихъ схватили и разстрѣляли. Опасность перехода границы однако не утрашала, такъ какъ жизнь въ создавшихся условіяхъ казалась безсмысленной.

Въ серединѣ мая ко мнѣ опять навѣдалась мой добрый геній Анертъ и сказала, что она можетъ меня устроить въ «Отдѣлъ по охранѣ памятниковъ старины», если меня отпустятъ со службы на Скотобойнѣ. Въ это время служащіе были какъ-бы прикрѣплены къ мѣсту своей службы и переходъ на другую могъ имѣть мѣсто лишь, если знанія служащаго дѣлали его болѣе пригоднымъ на новомъ мѣстѣ.

Мнѣ всегда везло на добрыхъ людей и завѣдующій конторой Скотобоевъ сразу выразилъ готовность выдать мнѣ удостовѣреніе, что за отсутствіемъ строительныхъ матеріаловъ ремонты производиться не могутъ и если я могу получить работу по специальности въ другомъ мѣстѣ, то я могу быть отчислена.

И вотъ 1-го іюня я отправилась на новую службу. «Отдѣлъ по охранѣ памятниковъ старины» размѣстился въ Запасномъ дворцѣ, премыкавшемъ къ Зимнему, гдѣ во время войны помѣщался Складъ Государыни Александры Федоровны. Я даже встрѣтилась съ прежнимъ служащимъ Золотовымъ, который приносилъ намъ пачки бѣлья для штемпелевки. Онъ очень мнѣ обрадовался и мы поговорили о новыхъ условіяхъ жизни. У бѣднаго Золотова тоже были отеки отъ голода и онъ сказалъ мнѣ, понижая голосъ: «Наказалъ насъ Господь за грѣхи наши. Ужъ какъ-то хорошо жилось, а все были недовольны. Вотъ теперь и подыхаемъ съ голоду».

Въ канцеляріи Отдѣла я увидѣла много знакомыхъ лицъ, которыхъ я встрѣчала раньше либо въ библиотекѣ Академіи Художествъ, либо на выставкахъ. Я спросила про Анертъ и мнѣ сказали, что она работаетъ въ Эрмитажномъ театрѣ, который хотятъ ремонтировать. Я ее тамъ и нашла въ обществѣ моей пріятель-

ницы Кати Рязановой, которую она взяла себѣ въ помощницы.

Анертъ меня очень привѣтливо встрѣтила и повела знакомить съ моимъ патрономъ, архитекторомъ Катонинымъ. Онъ оказался молодымъ брюнетомъ, очень похожимъ на Короля Александра Сербскаго. Говорилъ онъ тихо, нѣсколько глуховатымъ голосомъ.

« Мнѣ поручили заняться реставраціей Троицкой Церкви около бывшаго особняка Кшесинской », сказалъ мнѣ Катонинъ. « Какъ вы знаете, она деревянная и частью сгорѣла. Она очень выдержаннаго стиля и работа по ея реставраціи будетъ интересной и кажется есть надежда, что этотъ проэктъ не останется на бумагѣ. У меня уже подрядчикъ ставить лѣса. Итакъ завтра мы съ вами встрѣтимся въ 10 часовъ утра у церкви ».

Евгеній Ивановичъ Катонинъ былъ очень даровитымъ архитекторомъ — въ настоящее время онъ профессоръ Академіи Художествъ, какъ мнѣ довелось слышать — и работа съ нимъ была сплошнымъ наслажденіемъ, такъ онъ заражалъ своей любовью къ зодчеству и тонкимъ пониманіемъ духа постройки.

На службу и со службы я теперь ходила пѣшкомъ, вдоль Фонтанки, Набережной и черезъ Троицкій мостъ. Такъ какъ это была аристократическая часть Петербурга, гдѣ не было ни мастерскихъ, ни магазиновъ, народа попадалось на улицахъ очень мало и, при моей фантазіи, я могла иногда забывать о настоящемъ и наслаждаться красотой царственнаго города.

Иногда однако « демократическое » настоящее напоминало о себѣ весьма забавнымъ образомъ.

Въ качествѣ секретаря Домового Комитета, я старалась назначать пожилыхъ людей на дежурства у воротъ въ дневные часы. Хотя мою мать къ ихъ числу нельзя было отнести, такъ какъ ей было всего 43 года, я, конечно, и ей оказывала протекцію. Разъ возвращаюсь я со службы въ пятомъ часу домой — а у моей матери было въ этотъ день дежурство съ 4 до 6-ти часовъ — и застаю такую картину. Въ подворотнѣ на складномъ стулѣ сидитъ моя мать въ большой кру-

жевной шляпѣ съ французскимъ романомъ въ рукахъ, а передъ ней на тумбѣ, къ которой раньше привязывали извозчичьихъ лошадей, сидитъ молодой человекъ лѣтъ 30-ти въ хорошемъ костюмѣ, опираясь подбородкомъ на тросточку. Это оказался сынъ отъ перваго брака генеральши Аничковой, бывшій правовѣдъ, который пришелъ съ какимъ-то порученіемъ отъ матери и такъ какъ моя мать не могла отлучиться отъ воротъ, визитъ имѣлъ мѣсто въ столь оригинальной обстановкѣ.

Интересно въ связи съ этимъ упомянуть, какъ въ это жестокое время у людей мѣнялись взгляды на то что хорошо и что дурно. Въ отношеніи людей своего круга господствовали прежніе принципы, но когда дѣло касалось ненавистной большевисткой власти, все было дозволено. И вотъ генеральша Аничкова, жена бывшаго придворнаго чина, съ гордостью рассказывала, какъ ей удалось незамѣтно взять нѣсколько полѣньевъ изъ штабелей дровъ, принадлежавшихъ какому-то учрежденію, т.е. попросту украсть.

* * *

Какъ-то въ концѣ августа, идя по Набережной, я встрѣтила дѣдушку, профессора Смирнова, который возвращался домой со службы изъ Публичной Библиотеки, гдѣ онъ завѣдывалъ восточнымъ отдѣломъ. Мы давно не видались и дѣдушка какъ-будто мнѣ обрадовался. Я ему рассказала, что у насъ все готово къ бѣгству, все цѣнное распродано и полученные отъ продажи деньги обращены въ драгоценности, которыя легче взять съ собой и которыя могутъ возрасти въ цѣнѣ, тогда какъ стоимость денегъ только падаетъ. Но намъ все не удается найти лицо, которое могло бы насъ перевести черезъ финляндскую границу.

Выслушавъ мой рассказъ, дѣдушка сказалъ: «Перебирайтесь-ка жить ко мнѣ. Нина (мамина старшая сестра) съ сыномъ тоже ко мнѣ переѣзжаетъ, а то вселятъ мнѣ всякую матросню. А ваше житье въ пустой квартирѣ можетъ вызвать подозрѣнія».

Когда я рассказала мамѣ и дядѣ о предложеніи дѣдушки, они ему очень обрадовались, несмотря на то, что имъ очень не нравилось, что онъ сожителемъ съ подругой своей средней дочери. Она пріѣхала въ началѣ войны бѣженкой изъ Гродно и остановилась у дѣдушки, такъ какъ Петербургъ былъ переполненъ бѣженцами и комнату было невозможно получить. Дѣдушка вдовѣлъ уже нѣсколько лѣтъ и Нина Константиновна Грозмани стала присматривать за его хозяйствомъ, чтобы отблагодарить его за гостеприимство, а такъ какъ дѣдушка, несмотря на свой преклонный возрастъ, былъ еще очень интереснымъ и пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ, то незамѣтно для окружающихъ у нихъ произошло сближеніе. Дочери осуждали отца за то, что онъ не оформляетъ своихъ отношеній, такъ какъ Нина Константиновна была изъ хорошей семьи и не слѣдовало ее компрометировать.

Въ ближайшее воскресенье мы отправились къ дѣдушкѣ и онъ намъ предоставилъ двѣ комнаты: столовую, въ которой должны были жить моя мать и я, и маленькую гостиную покойной бабушки для дяди. Въ большой гостиной уже поселилась тетя Нина съ десятилѣтнимъ сынишкой Николашей. Тетя овдовѣла шесть мѣсяцевъ тому назадъ и очень тяжело переживала свое одиночество.

Мы заявили Домовому Комитету, что мы переезжаемъ къ дѣдушкѣ и нашъ переездъ былъ назначенъ на 15-ое сентября.

Наканунѣ отъѣзда въ нашей квартирѣ оставались три кровати, которыя мы брали съ собой къ дѣдушкѣ, и нѣсколько чемодановъ. Мы легли рано ввиду предстоящаго переезда, но еще не погасили электричества, когда на парадной раздался рѣзкій звонокъ. Накинувъ капотъ, я пошла открывать: на лѣстницѣ стояли два матроса и двѣ дѣвицы. Одинъ изъ матросовъ предъявилъ намъ ордеръ на произведеніе у насъ обыска. Я впустила эту милую компанію. Когда они изъ передней заглянули въ столовую, въ которой спала я, и въ кабинетъ, гдѣ жила моя мать, они остановились въ

недоумѣній, видя, что комнаты совсѣмъ пусты. Я поспѣшила объяснить имъ, что мы на другой день переѣзжаемъ. « Знаемъ мы эти переѣзды », грубо сказалъ одинъ изъ матросовъ. « Здѣсь пахнетъ чѣмъ-то нечистымъ. Ну-ка, дѣвицы, общите постели этихъ гражданокъ и ихъ чемоданы, а мы займемся товарищемъ буржуемъ ». Дядя въ это время вышелъ изъ своей спальни въ своемъ прекрасномъ халатѣ.

Дѣвицы принялись за обыскъ съ большимъ рвеніемъ, распарывали подушки и матрацы, выворачивали уложенные чемоданы. Но кромѣ носильныхъ принадлежностей ничего въ нихъ не нашли. Несмотря на это, матросы хотѣли насъ повести въ комиссаріатъ, но насъ выручилъ предсѣдатель Домового Комитета Пашковъ, который подымаясь по лѣстницѣ и увидя пріоткрытую дверь въ нашу переднюю, зашелъ во время обыска. Онъ заявилъ, что всѣ мы совѣтскіе служащіе и что переѣзжаемъ къ родственнику, потому что наша квартира нужна для устройства какого-то клуба. Коммунистической четверкѣ пришлось ретироваться ни съ чѣмъ.

На другой день, погрузивъ на подводу оставшуюся сажень дровъ, наши три кровати и чемоданы, мы съ облегченіемъ покинули дядину квартиру.

У дѣдушки мы хорошо устроились и распредѣлили между собой часы стряпни: дѣдушка съ Ниной Константиновной, тетя Нина съ Николашей и мы трое вели самостоятельное хозяйство, каждый согласно своимъ пайкамъ и добываемымъ изъ подъ полы продуктамъ.

Вечерами, когда Николаша засыпалъ, тетя приходила къ намъ въ столовую и начинались безконечные разговоры о прежней жизни, строились предположенія насчетъ развитія положенія въ Россіи. Было пріятно чувствовать себя среди своихъ, отъ которыхъ не надо было чего-нибудь скрывать, опасаясь доноса.

Съ наступленіемъ холодовъ мы увидѣли, что намъ нужно еще « уплотниться », такъ какъ наше бѣгство все еще оставалось въ неопредѣленномъ будущемъ. Дровъ дядѣ удалось получить черезъ службу въ порту поль-сажени и мы должны были обойтись съ этимъ

топливомъ можетъ быть всю зиму. Моя мать и я помѣстились въ большой гостиной въ три окна вмѣстѣ съ тетей и Николашей. Въ этой гостиной была очень экономная печка и мы топили ее черезъ день по очереди: одинъ разъ мы, другой разъ тетя.

Съ октября мѣсяца стали давать электричество только до восьми часовъ вечера, прочіе вечерніе часы надо было проводить при скудномъ освѣщеніи маленькихъ керосиновыхъ свѣтильниковъ, дававшихъ пламя лампадки. Очень рѣдко электрическій свѣтъ давался всю ночь. Вмѣсто радости это вызывало угнетенное состояніе, такъ какъ было признакомъ того, что въ нашемъ кварталѣ шли обыски. Въ такіе вечера мы съ особенной опаской поглядывали на кухарку Марину, которая больше не служила у дѣдушки, но оставалась жить въ своей комнатѣ и была предсѣдательницей домового комитета. Я никогда не могла понять, какъ бабушка могла держать эту громадную, мрачную женщину кухаркой — правда она была первоклассной стряпухой — на меня она всегда нагоняла неприятное ощущеніе.

Послѣ нѣсколькихъ дней перебоевъ, наша « коммуна » зажила строго упорядоченной жизнью. Кромѣ дѣдушки и Николаши, всѣ мы утромъ отправлялись на службу. Я готовила нашъ утренній завтракъ. Онъ состоялъ неизмѣнно изъ свареной на водѣ пшенной крупы — такъ называемый « пшенки » — овсяного кофе и тонкихъ ломтиковъ чернаго хлѣба. Про масло мы давно забыли думать, но я получала иногда черезъ службу малороссійское повидло, которое мы намазывали на хлѣбъ. Мнѣ была довѣрена дележка хлѣба и повидла, такъ какъ и мама, и дядя вѣрили въ мою « стойкость » и въ общемъ мнѣ удавалось оправдывать оказываемое мнѣ довѣріе. Но раза два я согрѣшила, не выдержавъ « мукъ Тантала »: накладывая каждому по столовой ложкѣ повидла, я не удержалась и положила цѣльную ложку мармеладообразной сладкой массы въ ротъ.

Отсутствие сладкаго и жировъ чѣмъ дальше — больше давало себя чувствовать. У дяди стало сильно

опухать лицо, я нѣсколько разъ теряла сознание, стоя въ очереди въ общественной столовой за супомъ, сваренномъ на воблѣ, въ которомъ плавали жалкіе листочки капусты.

По возвращеніи со службы начиналась стряпня обѣда. Я возвращалась домой часа на два раньше мамы и дяди, у которыхъ дорога со службы въ порту занимала около полутора часовъ. Поэтому я успѣвала сходить въ столовую за супомъ, а затѣмъ мастерила какія-нибудь котлеты изъ воблы или, если посчастливится, изъ конины, а то блины изъ картофельной шелухи. За отсутствіемъ жировъ все жарилось прямо на плитѣ.

Стряпня тети была гораздо мудренѣй, такъ какъ она всѣми правдами и неправдами раздобывала продукты, какъ-то молоко, яйца, крупы и т.д. для Николаши, который сильно простудился, слегъ и больше не вставалъ. У него все держался небольшой жаръ и на щекахъ игралъ нездоровый румянецъ, какъ у чахоточнаго и докторъ говорилъ, что его организмъ ослабѣлъ и не можетъ побороть бациллъ. Чтобы доставать эти продукты, тетя каждое воскресенье отправлялась мѣшечничать у пригородныхъ крестьянъ. Послѣ ея мужа осталось громадное количество мужского бѣлья и его-то она вымѣнивала на продукты. На деньги крестьяне ничего не продавали.

Какія связи были у сожительницы дѣдушки, Нины Константиновны, мы не знали, но кормила она его совсѣмъ дореволюціонно. На сковородкѣ поджаривался на маслѣ лукъ, а затѣмъ пухлые бифштексы, причемъ не изъ конины, какъ бывало у насъ, когда я служила на скотобойнѣ, а самые настоящіе. Дѣлала она дѣдушкѣ и яичницу, и пельмени — мы только старались не смотреть на всѣ эти явства, чтобы не начиналось выдѣленіе желудочнаго сока, для котораго не было пици для перевариванья.

Въ эти голодные мѣсяцы стоило собраться старымъ знакомымъ, какъ начинались разговоры на «кулинарныя» темы. «Помните какіе ваша Николаевна дѣлала замѣчательные сладкіе пироги: и съ яблоками, и съ каймакомъ, и со взбитыми сливками?» — «А мой-то Павелъ какъ замѣчательно жарилъ дичь.

Помните его рябчиковъ ? » и т.д. въ томъ же духѣ. Врачи говорили, что эти разговоры прямо вредны для здоровья, такъ какъ вызываютъ дѣйствіе желудочнаго сока, который, за неимѣніемъ другой пищи, можетъ разъѣдать стѣнки желудка.

И все же всѣ интересы были направлены на удовлетвореніе голода, тѣмъ болѣе что условія жизни не позволяли о немъ забывать, отдаваясь какимъ-нибудь культурнымъ занятіямъ. О посѣщеніи театровъ или концертовъ не могло быть и рѣчи: выходить вечеромъ было просто опасно, да и физическихъ силъ не хватало. Я проводила вечера со своимъ маленькимъ двоюроднымъ братомъ Николашей, читая ему вслухъ или играя съ нимъ въ карты или домино. Я очень къ нему привязалась и когда насталъ день его и тетинаго отъѣзда къ его нянѣ въ деревню, я провожала его со слезами. Онъ это запомнилъ и когда, черезъ много лѣтъ, онъ умудрился мнѣ прислать письмо въ Финляндію изъ Совѣтской Россіи, онъ написалъ, что я живу въ его памяти идущей рядомъ съ салазками, на которыхъ тетя везла его на вокзалъ, съ катящимися по щекамъ слезами.

Такъ наступилъ конецъ февраля, а мы все продолжали жить у дѣдушки и намъ не удавалось найти лицо, которое перевело бы насъ черезъ финляндскую границу. Наконецъ, въ серединѣ марта, дядинъ сослуживецъ направилъ къ намъ молочницу-финку, которая въ компаніи съ нѣсколькими бѣлогвардейцами занималась переправкой желающихъ бѣжать изъ «совѣтскаго рая» черезъ границу. Мы съ ней договорились и день бѣгства былъ назначенъ на 16-ое марта. Откладывать побѣгъ было опасно, такъ какъ начинало сильно таять и Сестра-рѣка могла вскрыться.

* * *

Наступилъ день давно нами задуманнаго бѣгства въ Финляндію — 16-ое марта 1920 года. Стяла чудная погода: яркое солнце заливало занесенныя снѣгомъ петербургскія улицы, начинало таять и ручейки рѣзво

бѣжали вдоль тротуаровъ, а съ крышъ срывались ледяныя сосульки.

Мы встали какъ всегда въ семь часовъ утра, но выпивъ нашъ кофе изъ жаренаго овса съ чернымъ хлѣбомъ и съѣвъ пшеной каши, мы не пошли на работу, а собравъ въ мѣшки носильное бѣлье, нѣкоторыя туалетныя принадлежности и запасную обувь, стали ждать прихода нашей проводницы. Она должна была насъ доставить въ пограничную деревню и сдать на руки финскимъ контрабандистамъ для переправки въ Финляндію.

Чтобы убить томительные часы ожиданія, я переходила изъ комнаты въ комнату дѣдушкинаго особняка. Я заглянула въ столовую съ ея рѣзной дубовой мебелью, задержалась въ дѣдушкиномъ кабинетѣ, задняя часть котораго была заставлена полками съ книгами многочисленной драгоценной библіотеки. Послѣ нашего бѣгства, дѣдушка, какъ мы стороной узнали, подарилъ ее Петербургскому Университету, чтобы дивныя книги не разошлись на свертыванье цыгарокъ во время очередныхъ обысковъ.

Выйдя на застекленную веранду, которая тянулась вдоль всего фасада, обращеннаго на дворъ, я любовалась заснѣженнымъ садомъ съ большой восьмиугольной бесѣдкой посерединѣ: ее такъ любила покойная бабушка и проводила въ ней теплые весенніе дни за чтеніемъ или вязаніемъ до переѣзда на дачу. Въ тѣ минуты я какъ-то не думала, что всѣ эти комнаты и знакомый дворъ съ развѣсистой липой я вижу въ послѣдній разъ.

Все же сердце защемило, когда около полудня мы, уже одѣтые въ шубы и съ мѣшками за спиной, пришли прощаться съ дѣдушкой. Онъ, по своему обыкновенію, стоялъ въ бархатномъ лиловомъ халатѣ за конторкой въ гостиной и писалъ очередной переводъ произведеній какого-то турецкаго поэта. Красивый старикъ съ сѣдыми кудрями, очень сдержанный по натурѣ, дѣдушка былъ видимо взволнованъ и даже слезы блеснули въ его глазахъ, когда онъ по очереди обнялъ и крѣпко поцѣловалъ мою мать, меня и дядю.

Простившись съ дѣдушкой, мы спустились въ

кухню, гдѣ насъ поджидала наша проводница, хорошенькая бѣлокурая финка. Марину, дѣдушкину кухарку, ставшую «предсѣдательницей домоваго комитета» мы изъ предосторожности услали за покупками: въ тѣ дни трудно было на кого-нибудь положиться.

Хотя нашъ поѣздъ отходилъ около четырехъ часовъ дня, мы выбрались изъ дома часа за три до его отхода, такъ какъ всю дорогу съ Петербургской стороны на Выборгскую, на Финляндскій вокзалъ, надо было пройти пѣшкомъ и зайти еще за одной дамой, которая собиралась бѣжать вмѣстѣ съ нами.

Но когда мы постучали въ ея кухонную дверь и она намъ открыла, мы ужаснулись ея виду: на ней лица не было и глаза ея блуждали. «Идите безъ меня», сказала она всхлипывая. «У меня нѣтъ силъ бѣжать съ вами, мнѣ страшно...» Она не договорила, но мы поняли, что она думала объ участившихся за послѣднія недѣли разстрѣлахъ лицъ, захваченныхъ при переходѣ финляндской границы.

Мы не стали ее уговаривать и, молча простившись, продолжали нашъ путь къ вокзалу.

По дорогѣ на вокзалъ мы прошли въ двухъ мѣстахъ мимо труповъ павшихъ лошадей, вѣрнѣе ихъ скелетовъ, такъ какъ всѣ мягкія части были вырѣзаны голодными жителями. Зима 1920-го года была особенно голодной и люди не гнушались ничѣмъ чтобы утолить голодъ. Не боялись даже покупать куски мяса у китайцевъ, предлагавшихъ ихъ по квартирамъ, хотя и ходили зловѣщія слухи, что это мясо разстрѣляныхъ большевиками.

Послѣ длиннаго перехода мы подошли къ Финляндскому вокзалу. Сколько разъ въ погожіе зимніе дни мы уѣзжали съ него на Рождественскіе Праздники въ имѣніе дяди на Карельскомъ перешейкѣ. Подѣзжали къ вокзальному крыльцу въ автомобиляхъ или саняхъ, веселые, возбужденные отъ предстоящаго пребыванія въ красивомъ имѣніи. Теперь мы брели согнувшись подъ чувствительной для насъ, ослабѣвшихъ отъ длительнаго недоѣданья, тяжестью мѣшковъ, въ валенкахъ, повязанныя оренбургскими платками, чтобы возможно меньше отличаться отъ «мѣшечницъ»,

ѣхавшихъ въ деревню мѣнять носильныя вещи на продукты.

Нашъ поѣздъ былъ поданъ. Въ вагонахъ сидѣли солдаты, возвращавшіеся изъ отпуска на службу на пограничныхъ постахъ, чухонки въ платкахъ, привозившія въ городъ разбавленное водой молоко и картошку, и другая сѣрая публика.

Мы сѣли поближе къ выходу. На случай милицейскаго осмотра у насъ были удостовѣренія, напечатанныя дядей на службѣ, что мы сотрудники Управленія Петербургскаго Порта и получили разрѣшеніе ѣхать въ Шувалово за продуктами.

Послѣ довольно продолжительнаго ожиданія поѣздъ запыхтѣлъ и тронулся. Замелькали дома предмѣстій и закоптѣлыя стѣны фабрикъ; потомъ ихъ смѣнили маленькія дачки и чалые перелѣски.

Въ вагонѣ стоялъ тяжелый духъ отъ махорки и испареній отъ намокшихъ валенокъ и немыхъ тѣлъ. Мы хранили молчаніе, чтобы не обратить вниманія другихъ пассажировъ нашимъ « буржуазнымъ » говоромъ. Мы ѣхали медленно, поѣздъ долго стоялъ на всѣхъ станціяхъ и былъ уже шестой часъ, когда мы пріѣхали въ Шувалово. По пути большинство пассажировъ повылѣзало, такъ что въ Шуваловѣ кромѣ насъ вышли изъ вагона нѣсколько чухонковъ и два-три солдата.

Солнце склонялось къ закату и бросало удлиненныя тѣни на снѣжную дорогу. По знаку нашей проводницы, мы пропустили всѣхъ спутниковъ впередъ и стали послѣдними подыматься по проселочной дорогѣ, жадно вдыхая чистый морозный воздухъ. Когда мы остались на дорогѣ одни, наша проводница объяснила намъ, что до ихъ двора версты двѣ и что подходя къ дому мы должны молчать, такъ какъ въ одномъ флигелѣ постоитъ красноармейцевъ и желательно возможно незамѣченными проскользнуть въ избу.

Наступили синія мартовскія сумерки, когда мы вошли въ сѣни, а затѣмъ въ большую комнату дома нашей проводницы. Деревянный столъ былъ заставленъ всякой снѣдью: чернымъ хлѣбомъ, саломъ, молокомъ, яйцами и пр. Ужинъ передъ ночнымъ пере-

ходомъ входилъ въ плату — по сто тысячъ думскихъ рублей съ человѣка.

Досыта закусивъ, мы прошли въ сосѣдную комнату, значительную часть которой занимала широкая кровать и всѣ трое легли на нее въ ожиданіи прихода « мальчиковъ », какъ ихъ называла наши проводница, которые должны были придти за нами около одиннадцати часовъ вечера.

Несмотря на физическую усталость, мы не могли заснуть: нервы были слишкомъ взвинчены. Лежали и прислушивались ко всякимъ звукамъ, доносившимся со двора. Послѣ десяти часовъ все затихло во флигелѣ, занимаемомъ красноармейцами. Минуты медленно тянулись.

Часы за стѣной пробили одиннадцать, затѣмъ половину, затѣмъ двѣнадцать ударовъ. Дядя пріоткрылъ дверь въ сосѣдную комнату, гдѣ оставались проводница и ея мать, и шепотомъ справился о проводникахъ. Хозяйка наша попросила насъ подождать: бываетъ, что они запаздываютъ. Но когда часы пробили часъ, мы больше не выдержали и всѣ трое вышли въ сосѣдную комнату. У нашей проводницы былъ настолько разстроенный и несчастный видъ, что зародившіяся у насъ подозрѣнія, не попались ли мы въ западню, у насъ сразу исчезли. Однако, мы стали настаивать, чтобы она повела насъ навстрѣчу контрабандистамъ. Не могли же мы до разсвѣта ждать ихъ прихода. Съ наступленіемъ утра намъ грозила смертельная опасность, такъ какъ постояльцы-красноармейцы заходили въ домъ за продуктами.

Послѣ долгихъ переговоровъ, мы ее наконецъ убѣдили. Былъ уже третій часъ, когда мы вышли изъ задней двери въ огородъ. За нимъ разстилалась небольшая поляна, а за ней темной стѣной высился лѣсъ. Луна ярко свѣтила и мы возможно быстро перебѣжали поляну и вошли въ лѣсъ. Съ опушки вела вглубь лѣса довольно широкая дорога съ глубокими бороздами отъ лыжъ. По ней видимо много ходили, потому что снѣгъ былъ хорошо умятъ и идти было легко.

Пройдя версты полторы по лѣсной дорогѣ, мы вышли на поляну и нашимъ глазамъ представилось

жуткое зрѣлище: на полянѣ лежали разбросанными двѣ пары лыжъ и поломанныя лыжняыя палки, снѣгъ былъ мѣстами сильно примятъ и на немъ алѣли лужи крови. Было очевидно, что незадолго передъ нашимъ приходомъ здѣсь происходила борьба. « Это красноармейцы поймали мальчишекъ », всплеснула руками наша проводница. « Потому они и не пришли за вами ».

« Это прискорбно », сказалъ дядя, « ничего не остается другого, какъ чтобы вы сами довели насъ до границы ».

Проводница молча кивнула головой и стала осматриваться, точно что-то припоминая. На поляну выходили три тропинки. Проводница пошла по той, по которой, судя по направленію лыжъ, пришли контрабандисты.

По мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ лѣсъ, идти становилось все труднѣе. Хотя мы и были въ валенкахъ, снѣгъ часто проваливался подъ ногами и мы уходили въ него выше колѣна, причемъ наши мѣшки насъ придавливали. Приходилось съ усиліемъ выкарабкиваться, чтобы, пройдя нѣсколько шаговъ, вновь провалиться.

На востокъ небо стало свѣтлѣть, предвѣщая восходъ солнца. Вдругъ мы услышали недалеко мужскіе голоса и звяканіе оружія. Проводница сдѣлала намъ знакъ лечь въ снѣгъ въ кустахъ. Голоса приближались. Ясно донеслись слова: « Ну, товарищи, довольно шататься по лѣсу. Видно не поймать буржуевъ. Ужъ скоро свѣтать будетъ, а ихъ братья боится при свѣтѣ шагать черезъ границу ».

Повидимому проходилъ красноармейскій патруль на лыжахъ. Мы лежали въ снѣгу, притаивъ дыханіе, стараясь не глядѣть другъ на друга.

Когда голоса стихли, мы стали подниматься. « Теперь до границы уже недалеко », тихо сказала наша проводница и пошла впередъ по тропинкѣ. Но вскорѣ она остановилась, растерянно оглядываясь по сторонамъ. Когда мы подошли къ ней, то увидѣли, что тропинка затерялась въ кустахъ. Со всѣхъ сторонъ насъ обступалъ лѣсъ. « Не по вѣрной дорогѣ я васъ

повела », съ отчаяніемъ въ голосъ сказала проводница.

Посовѣщавшись, рѣшили идти въ сторону противоположную восходящему солнцу, чтобы достичь границы.

Теперь идти было еще труднѣе, такъ какъ мы шли по цѣльному снѣгу, постоянно проваливаясь и спотыкаясь о пни, скрытые подъ снѣгомъ. Моя мать начинала выбиваться изъ силъ. Она все чаще останавливалась, тяжело переводила дыханіе и брала въ ротъ снѣгъ. Проводница взяла у нея мѣшокъ и она продолжала медленно продвигаться въ лѣсу.

Солнце взошло и подымалось все выше. Стало раздаваться щебетаніе птицъ. Проводница теперь шла въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ впереди насъ. Ея красная юбка мелькала яркимъ пятномъ между стволами деревьевъ. Вдругъ она остановилась и, всмотрѣвшись въ даль, побѣжала къ намъ. « Граница, граница », почти задыхаясь кричала она. « Подъ горой Сестрѣрка ».

Вмигъ была забыта усталость и мы тоже почти бѣгомъ пустились впередъ. Пройдя шаговъ сто, мы очутились на высокомъ берегу не широкой рѣки. Она еще была покрыта льдомъ, но мѣстами его зловѣще корбило. Неужели такъ близко отъ цѣли не удастся перейти рѣчку? Но выбора не было. Пожавъ руку нашей проводницы, мы спустились на берегъ и вступили на ледъ. Онъ затрепалъ, но выдержалъ насъ. Не помня себя, мы перебѣжали рѣчку и, только очутившись на другомъ берегу, оглянулись назадъ. На противоположномъ берегу, подъ стройной березой, сидѣла наша проводница и махала намъ рукой. Мы ей тоже помахали и стали удаляться отъ берега.

Вскорѣ мы вышли на дорогу довольно хорошо уѣзжаную. Должно быть по ней возили изъ лѣсу дрова. Отойдя отъ берега и зайдя за поворотъ дороги такъ, чтобы насъ нельзя было увидеть съ рѣки, мы почувствовали себя въ нѣкоторой безопасности и присѣли на пни отдохнуть.

Пока мы отдыхали, вдали на дорогѣ показались

двѣ человѣческія фигуры. По мѣрѣ того, какъ онѣ къ намъ приближались, мы узнали въ нихъ военныхъ. Мы переглянулись и прочли другъ у друга въ глазахъ тотъ-же вопросъ: « А вдругъ это красноармейцы ? » Но дѣваться было некуда, они насъ увидѣли и шли на насъ. Поднявшись на ноги, мы также пошли къ нимъ навстрѣчу.

Когда мы подошли къ нимъ на разстояніе въ нѣсколько шаговъ, они скрестили свои винтовки, преграждая дорогу, и сказали, указывая въ сторону рѣки: « Пойсь », что значитъ « прочь » по фински. Мы пытались жестами объяснить, что мы именно пришли изъ-за рѣки и хотимъ въ Финляндію, но они упорно повторяли « пойсь ».

Въ это время изъ лѣса выѣхалъ на дровняхъ крестьянинъ и, увидѣвъ нашу группу, направился въ нашу сторону. Перекинувшись нѣсколькими словами съ солдатами по фински, онъ обратился къ намъ по русски: « Вы, видно, бѣженцы », сказалъ онъ, « но на дняхъ вышелъ приказъ, чтобы бѣженцевъ больше не впускали въ Финляндію, а лишь по визамъ. Ужъ очень ихъ большой наплывъ и намъ ихъ не прокормить ».

« Ну что-же, законъ такъ законъ », сказалъ дядя. « Въ такомъ случаѣ солдаты могутъ насъ здѣсь же застрѣлить, такъ какъ по возвращеніи насъ ждетъ та же участь. Не стоитъ для этого отмахивать десятки версты ».

Крестьянинъ перевелъ дядины слова солдатамъ и тѣ почесали у себя въ затылкѣ. Поговоривъ еще съ крестьяниномъ, который ихъ видимо въ чемъ-то убѣждалъ, они сдѣлали намъ знакъ слѣдовать за ними. « Они хотятъ васъ отвести къ начальнику поста », пояснилъ намъ крестьянинъ и, сложивъ наши мѣшки на свои дровни, онъ предложилъ моей матери сѣсть на нихъ. Дядя и я пошли пѣшкомъ.

Пройдя версты двѣ, мы подошли къ зажиточному крестьянскому дому. У крыльца толпилось нѣсколько человѣкъ солдатъ, съ любопытствомъ на насъ глядѣвшихъ. Приведшіе насъ солдаты вошли въ домъ и

вскорѣ на крыльцѣ показался молодой офицеръ, который по нѣмецки предложилъ намъ войти. Черезъ обширную горницу мы прошли въ слѣдующую комнату, служившую, повидимому, канцеляріей поста. Офицеръ попросилъ насъ сѣсть, повторяя то, что намъ сказалъ въ лѣсу крестьянинъ. Мы стали ему объяснять, что нашъ случай нѣсколько особаго характера: мы уже жили раньше въ Финляндіи и поѣхали въ Петербургъ по дѣламъ всего на нѣсколько недѣль, а потомъ застряли вслѣдствіе закрытія границы. Тутъ намъ оказало неоцѣнимую услугу удостовѣреніе изъ канцеляріи штаба генерала Маннергейма, полученное нами передъ поѣздкой въ Петербургъ осенью 1918 года: оно подтверждало правильность нашихъ заявленій. Кромѣ того мы сослались на нѣсколькихъ видныхъ лицъ въ Выборгѣ, какъ-то почетнаго англійскаго консула, настоятеля нѣмецкаго лютеранскаго прихода и другихъ.

Во время нашего разговора въ комнату вошелъ еще одинъ офицеръ постарше. Поздоровавшись съ нами, онъ выслушалъ рапортъ младшаго офицера и сказалъ намъ, что они будутъ телефонировать въ различныя инстанціи, чтобы выяснить нашу судьбу.

Начались мучительные для насъ часы. Старшій офицеръ говорилъ по телефону на непонятномъ для насъ языкѣ, часто повторяя наши фамилии. По окончаніи каждаго разговора онъ что-то отмѣчалъ на бумагѣ, потомъ звонилъ снова. Отъ нервнаго напряженія моя мать тихо плакала.

Наконецъ послѣ еще одного разговора (счетъ имъ мы уже потеряли), старшій офицеръ съ радостной улыбкой обратился къ намъ: «Поздравляю васъ, вы можете остаться въ Финляндіи». Мы бросились его благодарить, а затѣмъ вышли въ большую горницу и попросили хозяина дать намъ закусить.

Его расторопная жена быстро накрыла на столъ, поставивъ на него хлѣбъ, масло, малороссійское сало, колбасу и творогъ. На плитѣ весело закипалъ кофе.

Подкрѣпившись на славу и угостивъ кофе обоихъ офицеровъ — причемъ мнѣ казалось невѣроятнымъ, что они ограничились всего двумя чашками — мы

распрощались съ ними и съ хозяевами и вышли на крыльцо. На дворѣ уже стояли запряженныя маленькой финской лошадкой сани. Мы въ нихъ усѣлись, солдатъ съ винтовкой, который долженъ былъ насъ доставить въ штабъ въ Теріюки, вскочилъ рядомъ съ кучеромъ на облучокъ. Офицеры и солдаты высъпали на дворъ насъ провожать и подъ ихъ пожеланія и напутствія мы тронулись въ путь.

Наше бѣгство кончилось. Начиналась новая эмигрантская жизнь въ Финляндіи.

Часть II

ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВЪ ФИНЛЯНДИИ

Первымъ шагомъ нашей жизни на положеніи эмигрантовъ въ Финляндіи былъ допросъ, которому насъ подвергли въ штабѣ въ Теріокахъ.

Послѣ того, какъ сопровождавшій насъ съ границы солдатъ доложилъ въ штабѣ о нашемъ прибытіи, на крыльцо дачи, въ которомъ онъ помѣщался, вышелъ элегантнѣйшій офицеръ, попросившій насъ съ изысканной вѣжливостью войти.

Усѣвшись у топящейся печки въ приѣмной штаба, офицеръ сталъ насъ подробно спрашивать на нѣмецкомъ языкѣ объ условіяхъ жизни въ Петербургѣ, о настроеніи населенія и въ частности рабочихъ, о причинахъ, побудившихъ насъ бѣжать. Онъ думалъ, что намъ угрожала опасность стать жертвами краснаго террора.

Выпытавъ у насъ все, что его интересовало, онъ поздравилъ насъ съ благополучнымъ концомъ нашего бѣгства и пожелалъ успѣха въ устройствѣ нашихъ дѣлъ въ Финляндіи. Послѣ этого мы опять усѣлись въ сани, которыя и доставили насъ въ Теріокскій карантинъ.

Карантинъ помѣщался въ большой дачѣ. Она принадлежала русскимъ, какъ почти всѣ дачи въ Теріокахъ, но пустовала и была реквизирована финляндскими властями подъ карантинъ.

Къ нашему удовольствію насъ помѣстили всѣхъ троихъ въ одной комнатѣ, все убранство которой состояло изъ трехъ походныхъ кроватей съ соломенными матрацами и байковыми одѣялами, стола, покрытаго клеенкой и трехъ деревянныхъ стульевъ. Освѣщалась

комната одной свѣчкой въ оловянномъ подсвѣчникѣ. Но несмотря на всю убогость нашего перваго жилища въ Финляндіи, мы чувствовали себя несказанно счастливыми: мы могли спокойно заснуть, не боясь очередного обыска и всегда возможнаго ареста.

Только улегшись въ постель мы поняли насколько мы устали: все тѣло болѣло, въ особенности ноги, и, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, мы уснули какъ убитые.

Проснулись мы отъ стука въ дверь: было девять часовъ, время утренняго завтрака, къ которому давалась жидкая овсяная каша со стаканомъ молока. Наше питаніе въ карантинѣ состояло изъ этого перваго завтрака, обѣда, подававшагося въ два часа и неизмѣнно состоявшаго изъ гороховаго или картофельнаго супа съ мясомъ, и вечерняго чая, къ которому полагалось два куска чернаго хлѣба съ масломъ. Послѣ петербургской голодовки и эта простая, но свѣжая ѣда казалась очень вкусной. Но помимо ее, люди располагавшіе деньгами могли баловать себя и булками, и пирожками съ капустой и мясомъ, и всякими колбасами, и малороссійскимъ саломъ, и шоколадомъ и пр. Всю эту снѣдь доставляли торговцы, привозившіе ежедневно свои товары на ручныхъ тачкахъ въ карантинъ. На всю жизнь мнѣ остался въ памяти образъ моего дяди, съ сильно отекившимъ отъ голода лицомъ, который, стоя у печки, съ благоговѣніемъ жеваль французскую булку, уплетая ее въ одинъ приѣмъ.

Народа въ карантинѣ было мало ввиду запрета принимать бѣженцевъ и большинство комнатъ пустовало. Поэтому, когда въ часъ насъ повели въ баню, никого въ ней не было и мы могли вдоволь наслаждаться мытьемъ. Ввиду ограниченнаго количества дровъ, мы послѣднее время въ Петербургѣ могли брать ванну всего два раза въ мѣсяцъ, и то это было по тѣмъ временамъ большой роскошью, которую могли себѣ позволить очень немногіе.

О двухъ недѣляхъ, проведенныхъ въ карантинѣ у меня остались очень смутныя воспоминанія: одинъ день былъ какъ другой, съ равномерной кормежкой, прогулками по саду и раннимъ укладываньемъ спать,

такъ какъ при одной свѣчѣ на троихъ трудно было чѣмъ нибудь заняться. Помню только, что дни стояли на рѣдкость солнечные и теплые для второй половины марта, и настроеніе у насъ было самое радостное. Мы списались съ моей двоюродной теткой Бирилевой, которая управляла усадьбой второй жены старика Головина, гдѣ мы собирались поселиться первое время. Незадолго до нашего бѣгства у дяди произошло примиреніе съ отцемъ передъ смертью послѣдняго. Старикъ Головинъ просилъ сына позаботиться о его вдовѣ. Но напрасно онъ думалъ, что его Юленька растеряется послѣ его смерти. У нея былъ очень практичный складъ ума и, по ея происхожденію, ей никакой опасности не угрожало при новой власти. Она не собиралась покидать Россіи и просила дядю ликвидировать ея имѣніе въ Финляндіи и сама предложила намъ въ немъ обосноваться первое время.

По истеченіи двухъ недѣль мы и отправились въ ея «Отрадное», расположенное на берегу большого озера Ойнола.

Послѣ чуднаго головинскаго «Завѣтнаго» съ его большимъ паркомъ, роскошными цвѣтниками и прекраснымъ фруктовымъ садомъ и прочими угодами, «Отрадное» произвело на насъ впечатлѣніе средней руки усадьбы. Правда, домъ былъ обширный, двухэтажный, хорошо обставленный, но его окружалъ лишь небольшой садъ, выходившій на проѣзжую дорогу, которая дѣлила участокъ на двѣ части. Въ саду росли кусты сирени и жасмина, но цвѣтниковъ разбито не было. За домомъ, кромѣ курятника и небольшого каменнаго зданія, раздѣлявшагося на конюшню въ два стойла и коровникъ на трехъ коровъ, никакихъ службъ не было.

А. А. Бирилева предложила намъ поселиться либо во второмъ этажѣ дома, закрытомъ на зиму — въ нижнемъ этажѣ она жила съ двумя дѣтьми и въ немъ кромѣ двухъ спаленъ были лишь большая столовая и гостиная, въ которой спала она сама — либо въ отдѣльной дачкѣ изъ четырехъ комнатъ, съ застекленной верандой и кухней, стоявшей у самаго озера. Такъ какъ наступилъ уже апрѣль и лѣто было не за го-

рами, мы предпочли занять эту дачку, чтобы быть совсѣмъ у себя и вести самостоятельно хозяйство. Къ тому же, какъ мы скоро смогли убѣдиться, образъ жизни, который вела моя тетушка былъ намъ не особенно по душѣ: у нея вѣчно толклись молодые офицеры, прїѣзжавшіе изъ общежитія на станціи Перкїярви, отстоявшей верстахъ въ десяти, прїѣзжали и знакомые изъ Гельсингфорса, которые гостили по недѣлямъ. На какія средства вся эта жизнь велась было намъ не ясно. У дяди создалось впечатлѣніе, что его двоюродная сестра черезчуръ самовольно распоряжается имуществомъ второй жены его отца и у него по этому поводу было неприятное съ ней объясненіе. Дядя заявилъ, что онъ умываетъ руки, не имѣя никакой возможности ей препятствовать, такъ какъ его мачеха могла лишь словесно уполномочить его ликвидировать ея имѣніе, а у А.А. Бирилевой была официальная довѣренность стараго Головина на управленіе имъ. Поэтому мы въ концѣ августа переѣхали къ сосѣдкѣ по имѣнію, Евдокіи Владиміровнѣ Васильевой, снявъ квартиру въ ея громадномъ домѣ.

Е. В. Васильева, въ то время уже пожилая, дочь извѣстнаго въ свое время опернаго пѣвца Васильева, является яркимъ примѣромъ того, какъ много русскіе способствовали культурнымъ начинаньямъ въ Финляндіи. На крупныя средства, оставшіяся послѣ смерти ея отца, Евдокія Владиміровна купила большой участокъ на берегу озера Ойнола и построила на немъ громадный домъ, производившій издалека впечатлѣніе замка, чтобы въ немъ устроить прїютъ для дѣтей сиротъ, какъ финляндцевъ, такъ и русскихъ изъ недалеко расположеннаго Краснаго Села. Въ этомъ прїютѣ дѣти должны были не только получать первоначальное образованіе, но и обучаться различнымъ ремесламъ въ прекрасно оборудованныхъ мастерскихъ: переплетной, столярной, швейной и слесарной. Къ сожалѣнію война и послѣдовавшая за ней революція не дали довести до конца этого благого начинанія. Большой домъ съ классными комнатами, дортуарами и квартирами для начальницы — самой Евдокіи Владиміровны — и учительскаго персонала былъ почти готовъ, но стѣны

не были еще оклеены обоями. Мастерскія же, помѣщавшіяся въ отдѣльныхъ небольшихъ зданіяхъ, находились въ самомъ зачаточномъ состояніи: были только готовы остовы построекъ, заложенъ фундаментъ, подведены подъ крышу стѣны, но въ нихъ не успѣли поставить печей и не было станковъ.

Имѣя всѣ свои деньги въ русскихъ бумагахъ, Евдокія Владиміровна находилась теперь въ очень трудномъ матерьяльномъ положеніи. Съ помощью двухъ вѣрныхъ прислугъ, она обрабатывала довольно большой огородъ и продавала продукты своего небольшого молочнаго хозяйства. Поэтому она болѣе чѣмъ охотно сдала намъ одну изъ квартиръ въ большемъ домѣ, предназначавшуюся семьѣ женатаго учителя, изъ трехъ комнатъ съ отличными печами.

Не успѣли мы обосноваться на новомъ мѣстѣ, какъ насъ вызвали къ «ленсману» — полицейскому чиновнику, который намъ сообщилъ, что мы должны покинуть Карельскій перешеекъ и переселиться вглубь страны. Согласно закона, лишь тѣ бѣженцы, которые имѣли дачи или имѣнія въ Карелии, могли въ ней проживать. Нельзя было также поселиться въ трехъ главныхъ городахъ Финляндіи — Гельсингфорсѣ, Або и Выборгѣ — изъ-за остраго квартирнаго кризиса.

Намъ это переселеніе совсѣмъ не улыбалось. Правда, мы ничего не имѣли противъ уѣхать изъ деревни, такъ какъ событія такъ складывались на фронтахъ Бѣлой борьбы, что о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ нечего было и помышлять, а провести длинную зиму безъ всякой дѣятельности въ деревенскихъ сугробахъ представлялось мало интереснымъ. Но намъ хотѣлось переѣхать въ Выборгъ, гдѣ у насъ были добрые знакомые, съ которыми мы уже списались, а потому мои мать и дядя поѣхали для переговоровъ съ выборгскимъ губернаторомъ.

Губернаторъ былъ въ отлучкѣ и ихъ принялъ первый губернской секретарь. Послѣ того, какъ мать и дядя изложили свое дѣло, этотъ господинъ задумался и затѣмъ сказалъ: «Если у васъ есть возможность сдѣлать взносъ въ пять тысячъ марокъ въ благотворительный фондъ, находящійся въ распоряженіи губер-

натора, я думаю, что можно будетъ устроить вамъ разрѣшеніе проживать въ Выборгѣ ». Было очевидно, что дѣло шло о взяткѣ (а какъ въ Финляндіи прохаживались насчетъ взяточнства русскихъ чиновниковъ) и мать и дядя рѣшили ее не давать. Во первыхъ, пять тысячъ марокъ были для насъ значительной суммой, а во вторыхъ, какая у насъ была гарантія, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не повторится то же самое? Они попросили лишь разрѣшенія остаться до Рождества въ деревнѣ, а также указать имъ города, въ которые мы могли бы перебраться. Чиновникъ назвалъ имъ четыре провинціальныхъ городишка, изъ которыхъ самымъ большимъ оказался Бьернеборгъ въ двадцать тысячъ жителей. По словамъ знакомыхъ финляндцевъ, въ Бьернеборгѣ было нѣсколько большихъ заводовъ, довольно много богатыхъ людей и такимъ образомъ можно было рассчитывать получить какой-нибудь заработокъ, вродѣ уроковъ языковъ или музыки.

Рождественскіе праздники мы провели въ Выборгѣ, посѣтили всѣхъ нашихъ знакомыхъ, которые на перебой насъ приглашали и угощали, хотя продовольственный вопросъ еще хромалъ, а 30-го декабря мы выѣхали въ Бьернеборгъ.

Приѣхали мы въ него подъ вечеръ 31-го, въ канунъ Новаго Года, и съ вокзала отправились въ единственную гостиницу, которая оказалась весьма приличной, даже съ нѣкоторой претензіей на роскошь. Для нашихъ средствъ она и впрямь оказалась недоступной и мы рѣшили со 2-го же января приняться за поиски мебелированныхъ комнатъ.

Такъ какъ мы не знали мѣстныхъ языковъ — финскаго и шведскаго — мы рѣшили въ первую очередь войти въ контактъ съ соотечественниками, проживающими въ этомъ благословенномъ городкѣ, чтобы обратиться къ нимъ за совѣтами. 2-го января мы отправились въ полицію, гдѣ намъ сказали, что во всемъ городѣ всего нѣсколько человекъ русскихъ, тоже недавно приѣхавшихъ. Но есть двѣ финляндскія семьи, жившія до революціи въ Петербургѣ, которыя смогутъ навѣрное намъ помочь.

Въ тотъ же день мы отправились по указанному адресу и позвонили у дверей красивой виллы, въ которой жилъ инженеръ Стенбакка. И мужъ, и жена встрѣтили насъ очень радушно и заявили, что имъ такъ хорошо было въ Россіи, гдѣ инженеръ Стенбакка служилъ на заводѣ у Нобеля въ Петербургѣ, что они несказанно рады быть полезными русскимъ.

Радушная хозяйка угостила насъ кофе со всякими печеньями собственнаго изготавленія и представила намъ своихъ четверыхъ дѣтей. Оказалось, что мальчикъ четырнадцати лѣтъ очень музыкаленъ и родители поспѣшили его записать въ мамины ученики по игрѣ на роялѣ.

Послѣ семьи Стенбакка, мы зашли еще къ четѣ Песу. Самъ А. И. Песу былъ чертежникомъ, тоже служившимъ у Нобеля въ Петербургѣ. Это былъ исключительно добрый человекъ и, слушая наши рассказы о тяжелой жизни въ Петербургѣ и о нашемъ бѣгствѣ, онъ не разъ смахивалъ съ глазъ слезы. Какъ онъ потомъ рассказывалъ намъ, онъ рѣшилъ тогда же приложить всѣ усилія, чтобы найти для меня службу въ качествѣ корреспондентки иностранныхъ языковъ въ конторѣ одного изъ большихъ бьернеборгскихъ заводовъ, что ему и удалось, послѣ того какъ онъ обилъ пороги всѣхъ завѣдующихъ личнымъ составомъ, съ которыми онъ былъ знакомъ по «шюцкору» (военная организація, состоявшая изъ добровольцевъ, образовавшаяся во время гражданской войны въ Финляндіи).

Сдѣлавъ эти два визита, мы пошли разыскивать единственнаго соотечественника, адресъ котораго намъ указала полиція, морского чиновника А. Ю. Юрисона. Онъ былъ очень смущенъ, когда мы зашли въ его «берлогу», какъ онъ называлъ свою маленькую комнату, убого обставленную постелью, облѣзлымъ комодомъ и столомъ съ двумя деревянными стульями. Окно этой комнаты выходило на небольшой дворъ и было на три четверти занесено снѣгомъ. По состоянію своего здоровья, А. Ю. Юрисонъ не могъ заниматься физическимъ трудомъ и перебивался на небольшое пособіе, которое онъ получалъ отъ Русскаго Благо-

творительнаго Общества въ Гельсингфорсѣ и на выручаемыя его сестрой деньги съ продажи его вещей. До революціи онъ служилъ въ морскомъ штабѣ въ Гельсингфорсѣ, былъ въ чинѣ статскаго совѣтника и у него оставались предметы его обстановки въ финляндской столицѣ.

Первые дни, ища комнаты, мы много ходили по городу. Въ первый разъ мы попали въ маленькій провинціальный городокъ и онъ совсѣмъ не соответствовалъ нашему представленію о финляндскихъ городахъ, которое у насъ сложилось по Гельсингфорсу и Выборгу, красивымъ городамъ съ массой зелени. Бьернеборгъ былъ весь застроенъ деревянными одноэтажными домами — единственными каменными зданіями были ратуша и земледѣльческая школа — и со своими тротуарами, выложенными булыжниками и съ двумя пустынными бульварами, пересѣкавшими его центръ, производилъ весьма унылое впечатлѣніе. Насъ поразило то обстоятельство, что при невзрачности домовъ, у его жителей имѣлось громадное количество конюшенъ: мы приняли за таковыя кирпичныя постройки, виднѣвшіяся почти во всѣхъ дворахъ. Потомъ, снявъ комнаты, мы узнали, что это были сухія удобства.

Постепенно мы устроились и жизнь наша наладилась. Послѣ неудачи съ комнатой, снятой съ утреннимъ кофе, хозяйка которой вытирала однимъ полотенцемъ и кофейныя чашки, и ночные сосуды — о, хваленая скандинавская чистота, чисто показная — мы поселились въ двухъ маленькихъ комнатахъ въ одно окно, болѣе чѣмъ скромно обставленныхъ, съ удобствами также на дворѣ, что съ непривычки было весьма неудобно, такъ какъ зима была какъ на зло на рѣдкость суровая и стояли морозы въ 20 - 25°, но имѣвшихъ то преимущество, что у насъ былъ собственный входъ съ улицы, независимо отъ хозяевъ.

Благодаря хлопотамъ добраго Песу, я получила мѣсто корреспондентки англійскаго и нѣмецкаго языковъ на Бьернеборгскомъ Механическомъ Заводѣ, а моя мать устроилась піанисткой въ единственномъ кинематографѣ съ нумерованными мѣстами. Нѣмые

фильмы шли подъ аккомпаниментъ музыкальнаго трио и, кромѣ того, моя мать играла соло въ антрактахъ. Для бьернеборгской публики ея хорошая игра казалась виртуозной и Стенбакка говорили намъ, что многіе ходятъ по два, по три раза на тотъ же фильмъ, спеціально чтобы ее послушать.

Послѣ того, какъ мы получили комнаты съ отдѣльнымъ входомъ, у насъ сталъ ежедневно бывать А. Ю. Юрисонъ.

Онъ былъ очень умнымъ человѣкомъ, тонкимъ поэтомъ и интереснымъ собесѣдникомъ, но въ немъ чувствовалась какая-то надломленность. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, сошедшаго съ рельсъ налаженной жизни и растерявшагося, и эту растерянность онъ старался скрыть ироніей, приправленной цинизмомъ. Въ душѣ презирая представителей провинціальной финляндской буржуазіи, съ которыми онъ часами сражался на билліардѣ въ единственной гостинницѣ «Оттава», онъ съ какимъ-то садизмомъ разыгрывалъ при нихъ роль приживальщика, чтобы они его угощали спиртными напитками, которые неизмѣнно дорого стоили при продажѣ изъ подъ полы, такъ какъ въ двадцатыхъ годахъ продажа алкоголя была запрещена.

Съ нашего разрѣшенія, онъ привелъ къ намъ еще двухъ русскихъ эмигрантовъ, очутившихся въ Бьернеборгѣ: военнаго чиновника Рогова и купческаго сына Овчаренко. Оба они нанимались на какія угодно физическія работы, но ни тому, ни другому не удавалось устроиться на постоянное мѣсто. Поэтому временами имъ приходилось очень туго и, хотя они оба не подходили намъ ни по воспитанію, ни по образованію, нельзя было ихъ не принимать, такъ какъ иногда чай съ бутербродами, которыми мы ихъ угощали по вечерамъ, были ихъ главнымъ питаніемъ.

Изъ-за Рогова мнѣ пришлось столкнуться съ ненавистью къ русскимъ со стороны финляндцевъ нѣмецкой оріентаціи, никогда не бывавшихъ въ Россіи.

Роговъ былъ очередно безъ работы. Повидимому ему было очень тяжело, онъ даже началъ худѣть, а

его негритянского типа лицо съ обычно улыбающимся большимъ ротомъ, выражало глубокое уныніе. Отъ инженера Стенбакка я узнала, что въ одной изъ мастерскихъ освободилось мѣсто истопника и, не откладывая, я на слѣдующій же день пошла къ завѣдующему этой мастерской, который былъ, между прочимъ, вице-директоромъ завода. Не успѣла я заговорить о вакансіи въ его мастерской, какъ онъ меня перебилъ, сказавъ: «Вы вѣроятно хотите ходатайствовать за какого-нибудь соотечественника? — «Совершенно вѣрно», отвѣтила я, «дѣло идетъ о несчастномъ бѣженцѣ, который въ буквальномъ смыслѣ слова голодаетъ». Инженеръ Петерсонъ прищурилъ на меня свои холодные сѣрые глаза и отчеканилъ: «Знайте, сударыня, что если бы у меня было сто свободныхъ мѣстъ и столько же вашихъ соотечественниковъ умирали съ голода, я не одному бы не далъ мѣста».

Въ этихъ произнесенныхъ имъ словахъ было столько ненависти, что у меня отъ возмущенія перехватило дыханіе и забывъ о томъ, какія мои слова могли имѣть лично для меня послѣдствія, я рѣзко сказала: «Простите, господинъ инженеръ, я думала, что имѣю дѣло съ интеллигентнымъ человѣкомъ, но вижу, что я ошиблась», и не дожидаясь его отвѣта, повернулась на каблукахъ и покинула мастерскую.

Только вернувшись въ контору и немного успокоившись, я сообразила, какъ я оскорбила вице-директора завода и была убѣждена, что мнѣ откажутъ отъ мѣста. Но прошло нѣсколько дней и завѣдующій личнымъ составомъ не вызывалъ меня къ себѣ. По-видимому, вице-директора остановила перспектива передать свой разговоръ со мной, чтобы объяснить почему онъ хочет моего увольненія, такъ какъ онъ предсталъ бы не въ слишкомъ благовидномъ свѣтѣ, и онъ зналъ, что завѣдующій личнымъ составомъ ко мнѣ хорошо относится и доволенъ моей работой. Такъ все и осталось по старому и я продолжала служить; лишь при встрѣчахъ въ конторѣ инженеръ Петерсонъ смотрѣлъ поверхъ моей головы.

Помимо службы, я давала по вечерамъ уроки

иностранныхъ языковъ, и такимъ образомъ дни проходили быстро и незамѣтно подкралась весна.

Когда зацвѣла сирень, и Бьернеборгъ похорошѣлъ, такъ какъ во всѣхъ полисадникахъ домовъ росли кусты сирени и городъ утопалъ въ ея бѣлыхъ и лиловыхъ цвѣтахъ.

Не имѣя дома плиты, мы ходили обѣдать въ ресторанъ, а послѣ обѣда проводили часа два въ скверѣ у ратуши, сидя на скамейкѣ подъ кустами сирени. Мы обратили вниманіе на высокаго красиваго господина, который тоже часто приходилъ въ скверъ и садился обыкновенно на скамейку, сосѣднюю съ нашей. Въ одинъ прекрасный день онъ подошелъ къ намъ и представился: «Инженеръ Эдереръ. Слыша, что вы говорите по русски, я давно хотѣлъ заговорить съ вами, но все не рѣшался. Я изъ Россіи и былъ завѣдующимъ порохового завода подъ Шлиссельбургомъ. Послѣ революціи вернулся въ Финляндію, гдѣ я родился и окончилъ среднее образованіе въ Выборгѣ». Мы разговорились и послѣ этой первой встрѣчи прониклись взаимно большой симпатіей и инженеръ Эдереръ сталъ часто бывать у насъ.

Какъ финляндскій уроженецъ и хорошій химикъ, инженеръ Эдереръ занималъ мѣсто завѣдующаго лабораторіей на бумажной фабрикѣ Рузенлевъ, однихъ изъ бьернеборгскихъ милліонеровъ. Онъ получалъ хорошій окладъ и имѣлъ отъ завода квартиру. Будучи интереснымъ и выдѣляясь среди бьернеборгскихъ бюргеровъ своей эlegantностью, онъ получалъ много приглашеній, но самъ тяготился мѣстнымъ обществомъ, которое находилъ безнадежно мѣщанскимъ и лишеннымъ всякихъ духовныхъ интересовъ. Поэтому онъ пристрастился къ нашему обществу и часто бывалъ у насъ, хотя не терпѣлъ нашихъ другихъ посѣтителей: Юрисона, Рогова и Овчаренко. Инженеръ Эдереръ выписывалъ много книгъ и всегда давалъ ихъ намъ читать. Въ зимній сезонъ онъ почти всегда приглашалъ меня на концерты, когда въ нашу провинціальную берлогу пріѣзжали иностранныя знаменитости. Онъ заставилъ меня купить лыжи и мы совершали длинныя прогулки на лыжахъ по воскресеньямъ.

Осенью мое служебное положеніе измѣнилось. Какъ я упоминала, я занимала мѣсто корреспондентки англійскаго и нѣмецкаго языковъ на одномъ изъ заводовъ. Первые годы послѣ революціи у Бьернеборгскаго Механическаго Завода продолжались дѣловыя связи съ иностранными фирмами, которыя сильно развились во время войны изъ-за ремонта русскихъ военныхъ судовъ. Но постепенно заводу пришлось перестраивать свое производство для потребностей финляндскаго рынка и его переписка съ заграницей все больше замирала. Въ ноябрѣ завѣдующій личнымъ составомъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ, что хотя онъ очень доволенъ мной, но, какъ я сама вижу, у завода работы больше для меня нѣтъ и онъ вынужденъ меня расчитать.

Получивъ хорошій аттестатъ, я покинула заводскую контору. Но безработной мнѣ пришлось быть недолго. Дѣло въ томъ, что единственная въ городѣ большая гостинница «Оттава» давно предлагала моей матери играть тамъ по вечерамъ вмѣстѣ съ хорошимъ скрипачемъ, который слышалъ мамину игру въ кинематографѣ. Хотя директоръ гостинницы предлагалъ мамѣ значительно большее содержаніе того, которое она получала въ кинематографѣ, она не рѣшалась его бросить, такъ какъ онъ не закрывался даже лѣтомъ, за исключеніемъ двухъ недѣль въ іюлѣ. Въ гостинницѣ же ангажементъ былъ только сезонный, съ октября до мая. Теперь, когда я потеряла мѣсто на заводѣ, моя мать стала настаивать, чтобы я ее замѣнила въ кинематографѣ на то время, что она будетъ играть въ «Оттава». Сперва я отнѣкивалась, такъ какъ никогда раньше не играла въ ансамблѣ, но моя мать настояла на пробной сыгровкѣ и къ своему удивленію я должна была признаться, что выходитъ совѣмъ не плохо, и я согласилась.

Тутъ мнѣ пришлось столкнуться въ первый разъ съ провинціальной рекламой. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ я должна была начать играть въ кинематографѣ, я увидѣла, гуляя съ инженеромъ Эдереромъ, большія афиши, расклеенныя въ разныхъ частяхъ города. Мы подумали, что приѣзжаетъ какой-

нибудь артистъ давать концертъ, но подойдя ближе прочли дословно слѣдующій текстъ: « Съ 1-го декабря 1921 г. въ кинематографѣ «Феннія» будетъ играть піано-виртуозъ, г-жа Ирина Симсонъ ». Мы переглянулись и расхохотались. Не помню, дядя или Юрисонъ подцѣпили меня на этой рекламѣ и стали называть « пьянымъ виртуозомъ ».

Теперь, когда и моя мать и я играли по вечерамъ, нашимъ одинокимъ посѣтителемъ нельзя было больше проводить вечера у насъ, такъ какъ дядя ежедневно сопровождалъ мою мать въ гостинницу, чтобы она не оставалась одна въ ресторанѣ во время перерыва въ игрѣ. Тогда наша вѣрная «четверка» придумала приходить въ кинематографъ, чтобы топить чугунную печку, которая обогрѣвала помещеніе оркестра. Такъ какъ они соблюдали тишину, хозяинъ смотрѣлъ на эту затѣю сквозь пальцы. Публику же очень озадачивало, почему играетъ тріо, а когда музыканты покидаютъ кинематографъ — представленіе шло до одиннадцати часовъ, но мы кончали играть на полъ часа раньше и должны были идти черезъ зрительный залъ — изъ оркестра выходило семь человекъ. Выбравшись на улицу, мы, если стояла хорошая зимняя ночь, бродили немного по заснѣженнымъ улицамъ заснувшего городка, а затѣмъ шли къ намъ согрѣваться чаемъ съ бутербродами.

На свою игру въ кинематографѣ я смотрѣла, какъ на временный заработокъ, такъ какъ знала, что съ наступленіемъ весны моя мать вернется въ «Феннію», а кромѣ того мнѣ не улыбалась вечерняя служба. Поэтому я стала регулярно отвѣчать на объявленія, въ которыхъ искали корреспондента на иностранныхъ языкахъ.

Въ концѣ апрѣля, вернувшись съ дневной прогулки домой, я нашла адресованное мнѣ письмо въ конвертѣ Швейцарскаго Консульства въ Або. Вскрывъ его, я не безъ удивленія прочитала, что Швейцарскій консулъ въ Або предлагаетъ мнѣ мѣсто секретарши, зная какими я владѣю языками. Такъ какъ я никогда не обращалась въ это консульство, я была очень озадачена этимъ предложеніемъ. Въ то время оно

было особенно заманчивымъ, такъ какъ служба въ иностранныхъ представительствахъ хорошо оплачивалась, а кромѣ того давала извѣстную юридическую опору, столь важную русскимъ бѣженцамъ, всецѣло зависящимъ отъ произвола мѣстныхъ властей. Поэтому я поспѣшила отвѣтить утвердительно и черезъ недѣлю получила по ходатайству консула разрѣшеніе на проживаниеъ въ городѣ Або и, сопровождаемая напутствіями добрыхъ знакомыхъ, покинула Бьернеборгъ.

Много позднѣе, когда у меня наладились отличныя отношенія съ моимъ начальникомъ, я узнала какимъ образомъ онъ попалъ на мой слѣдъ. Дѣло въ томъ, что отвѣчая на газетныя объявленія, я считала необходимымъ дать довольно подробное описаніе своего происхожденія и образованія. Такого рода отвѣтъ настолько понравился директору одного большого торговаго предпріятія, дружившаго со Швейцарскимъ консуломъ въ Або, что онъ сохранилъ мое письмо, написанное въ отвѣтъ на его объявленіе, хотя и предпочелъ взять къ себѣ на службу корреспондента мужчину. Когда моя предшественница въ Швейцарскомъ консульствѣ покинула по болѣзни службу и консулъ сталъ искать ей замѣстительницу, этотъ директоръ показалъ ему мое письмо. Консулу понравился и мой четкій почеркъ и подошли мои знанія языковъ — французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и русскаго — и онъ написалъ мнѣ, предлагая у себя мѣсто.

* * *

21-го апрѣля 1922 года я пріѣхала въ Або. Если бы я попала въ этотъ городокъ, насчитывавшій въ то время около восьмидесяти тысячъ жителей, изъ Петербурга, онъ бы мнѣ навѣрное показался глубокой провинціей. Но послѣ такой дыры какъ Бьернеборгъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе культурнаго центра со своими двумя университетами — финскимъ и шведскимъ, называвшимся Абосскою Академіей — величественнымъ готическимъ соборомъ, шведскимъ театромъ и живописнымъ замкомъ, въ которомъ былъ заточенъ шведскій король Эрикъ XIV. Настоящаго ка-

меннаго центра въ немъ тогда не было и торговая площадь передъ православной церковью, построенной архитекторомъ Энгельсомъ въ стилѣ ампиръ, окружалась вперемежку пятиэтажными каменными и маленькими деревянными домами, въ которыхъ, правда, помѣщались хорошіе магазины.

Або расположенъ вдоль рѣки Аура и богатъ живописными парками. Въ особенности хорошъ спортивный паркъ со своими прудиками, прекрасными теннисными площадками и стадиономъ. Городъ очень растянутъ: главная улица, ведущая въ портъ, тянется на три съ половиной километра. Типичны для него были двухэтажные дома, у которыхъ нижній этажъ изъ камня, а верхній деревянный. Въ такомъ домѣ помѣщалось и Швейцарское консульство, въ самомъ центрѣ города.

Мой начальникъ, почетный консулъ Балтисъ, былъ швейцарскимъ уроженцемъ. Молодымъ человекомъ онъ пріѣхалъ въ Або и сталъ заниматься агентствами колоніальныхъ товаровъ. На этомъ дѣлѣ онъ вскорѣ разбогатѣлъ и къ 1914 году сталъ однимъ изъ первыхъ богачей города.

Поэтому, когда разразилась первая міровая война и Швейцаріи, имѣвшей миссію въ Петербургѣ, понадобилось открыть консульство въ портовомъ финляндскомъ городѣ Або, откуда проживавшіе въ Россіи швейцарцы, призванные для охраны швейцарскихъ границъ, уѣзжали на родину черезъ Швецію, выборъ палъ на Балтиса.

Когда въ 1918 году Финляндія стала самостоятельной, консульство въ Або оказалось единственнымъ швейцарскимъ представительствомъ въ новомъ государствѣ. Швейцарцы, народъ расчетливый и не склонный рисковать, не будучи повидимому увѣренными въ прочности самостоятельности Финляндіи, не торопились съ присылкой дипломатическаго представительства въ столицу, Гельсингфорсъ, и абосское консульство несло его функціи.

Консулъ Балтисъ тратилъ много силъ на управленіе консульствомъ, хотя не получалъ никакого содержанія, кромѣ извѣстнаго процента съ выдаваемыхъ

визъ и паспортовъ. Онъ былъ очень пріятнымъ въ обращеніи и хорошимъ начальникомъ. У меня съ нимъ съ перваго же дня установились прекрасныя отношенія и вскорѣ я стала пользоваться его неограниченнымъ довѣріемъ. Съ разрѣшенія Департамента по иностраннымъ дѣламъ въ Бернѣ, онъ мнѣ предоставилъ право подписывать визы и получались такіе курьезы: сама «безпаспортная», я подписывала визы такимъ государственнымъ людямъ, какъ Фельдмаршалу Маннергейму и другимъ.

Меня радовало также, что мое русское происхождение нисколько его не разстраивало и, знакомя меня съ кѣмъ-нибудь, онъ всегда говорилъ: « Это барышня изъ петербургскаго общества ».

Хотя мой начальникъ былъ не только милъ со мной на службѣ, но и часто приглашалъ меня къ себѣ домой и я бывала въ шведскомъ театрѣ и въ опереткѣ съ его дочерью, мнѣ недоставало русскаго общества. Поэтому, когда я, гуляя разъ въ воскресенье съ дочерью моихъ квартирохозяевъ, встрѣтила одного архитектора, котораго я не разъ видѣла въ библиотекѣ Академіи Художествъ въ Петербургѣ, я поспѣшила узнать черезъ адресное бюро его адресъ, хотя и не была съ нимъ знакома, и написала ему открытку, прося его помочь мнѣ войти въ контактъ съ соотечественниками. Л. Е. Курпатовъ очень любезно откликнулся на мою просьбу и, пригласивъ меня къ себѣ, познакомилъ съ одной барышней и съ капитаномъ 1-го ранга В. Н. Азарьевымъ, бывшимъ начальникомъ штаба командующаго Або-Оландскими позиціями.

Мѣсяца черезъ два послѣ нашего знакомства, архитекторъ Курпатовъ поѣхалъ въ Гельсингфорсъ и вернулся оттуда женатымъ. Я сразу сошлась съ его женой и въ ихъ домѣ вскорѣ перезнакомилась со всей небольшой русской колоніей въ Або, вѣрнѣе съ интеллигентной ея частью.

Когда въ январѣ 1923 года мои мать и дядя, остававшіеся въ Бьернеборгѣ, тоже переѣхали въ Або и я черезъ своего начальника получила квартиру въ четыре комнаты въ его домѣ, надъ Швейцарскимъ консульствомъ, нашъ домъ сталъ центромъ русской

эмиграціи, такъ какъ мы не только располагали помѣщеніемъ, но и матеріально были обставлены лучше другихъ эмигрантовъ. По воскресеньямъ у насъ безъ приглашенія собиралось человѣкъ двадцать съ лишнимъ на чашку чая. Велись оживленные разговоры и много пѣли. Въ особенности насъ улаждалъ В. Н. Азарьевъ, который, не обладая особеннымъ голосомъ, великолѣпно исполнялъ цыганскіе романсы.

Кромѣ этихъ воскресныхъ «чашекъ чая», молодежь ходила зимой на лыжахъ, а лѣтомъ устраивала прогулки за городъ.

* * *

По мѣрѣ того какъ шло время, не принося ожидаемыхъ перемѣнъ въ Россіи, у насъ пропадало чувство, что мы лишь на время очутились въ положеніи эмигрантовъ и скоро вернемся на родину. Мы начинали съ грустью сознавать, что это состояніе можетъ затянуться на долгіе годы и у нѣкоторыхъ членовъ колоніи появилось желаніе создать русскую организацію, чтобы больше сплотиться и въ трудную минуту найти матеріальную поддержку. Политическія организаціи эмигрантовъ были запрещены въ Финляндіи, но благотворительныя разрѣшались.

Здѣсь слѣдуетъ, можетъ быть, замѣтить, что русскіе, осѣвшіе въ Финляндіи, остались чуждымъ элементомъ для мѣстнаго населенія и сами не могли съ нимъ сплотиться, какъ напримѣръ въ Югославіи. Для этого мы были слишкомъ различны и по характеру, и по подходу ко всему, не говоря уже о незнаніи мѣстныхъ языковъ, шведскаго и финскаго. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, при смѣшанныхъ бракахъ или по матеріальнымъ расчетамъ, русскіе эмигранты пріобщались къ финляндской культурѣ. Такое положеніе вещей еще больше толкало на созданіе своихъ русскихъ объединеній.

Послѣ долгихъ обсужденій рѣшили отъ словъ перейти къ дѣлу. Какъ всегда при подобныхъ начинаніяхъ, создалась инициативная группа, которая занялась проведеніемъ въ жизнь намѣченнаго плана. Къ

этой группѣ принадлежали моя мать и дядя, Е. В. Головинъ, морской инженеръ-механикъ В. В. Цыпинъ, мой мужъ и я. Въ сентябрѣ 1925 года я вышла замужъ за подполковника С. С. Еленевскаго, участвовавшаго въ гражданской войнѣ у Колчака. Въ августѣ 1923 года, послѣ того какъ остатки колчаковской арміи интернировались въ Китаѣ, онъ пріѣхалъ въ Финляндію, гдѣ у него оставалось нѣкоторое имущество съ того времени, когда его полкъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до революціи былъ переведенъ съ передовыхъ позицій на Оландъ.

Этой инициативной группой былъ выработанъ уставъ «Русскаго Благотворительнаго Общества въ гор. Або», который и былъ представленъ на утвержденіе властей. Осенью 1925 года было созвано первое общее собраніе. Помимо эмигрантовъ, мы постарались привлечь также русскихъ людей, осѣвшихъ въ Або еще до революціи. Это были по большей части огородники, торговавшіе на рынкѣ, люди простые, но давашіе образованіе своимъ дѣтямъ въ финскихъ школахъ. Ввиду чисто русскаго домашняго уклада, эта молодежь не утратила еще связи съ русскимъ и одна ея представительница, Катя Куряткина, пѣла въ церковномъ хорѣ и стала однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ нашего Общества.

Къ организаціи Русскаго Благотворительнаго Общества отнеслись также съ интересомъ нѣсколько русскихъ дамъ, бывшихъ замужемъ за финляндцами, въ особенности А. В. Иенсенъ, урожденная фонъ Фе и племянница генерала Миллера, похищеннаго въ Парижѣ. Она безсмѣнно состояла членомъ правленія Общества и одно время была его казначеемъ.

Въ первое правленіе, состоявшее всего изъ пяти членовъ, были избраны: предсѣдателемъ инженеръ-механикъ В. В. Цыпинъ, секретаремъ мой дядя Е. В. Головинъ, а казначеемъ моя мать. Къ сожалѣнію В. В. Цыпинъ, очень серьезно относившійся къ своимъ обязанностямъ и имѣвшій значительныя связи съ мѣстнымъ обществомъ черезъ своего друга графа Армфельдтъ, покинулъ Або весной 1926 года и на его мѣсто былъ выбранъ грекъ Лампосъ, жившій

раньше въ Россіи. Онъ имѣлъ фруктовый магазинъ и былъ богатымъ человѣкомъ. Избирая его, надѣялись на его щедрость, но ошиблись. Лампосъ вообще не интересовался Обществомъ, а правленіе ничего не предпринимало для увеличенія его средствъ. Среди членовъ Общества стало возрастать недовольство этимъ положеніемъ вещей и возникло рѣшеніе выразить недовѣріе его предсѣдателю и ввести въ правленіе болѣе молодыя силы.

На годовомъ общемъ собраніи 1927 года, Лампосъ не былъ поэтому переизбранъ. Съ нимъ вмѣстѣ ушли изъ правленія Е. В. Головинъ и моя мать, которые провели его въ предсѣдатели. На ихъ мѣсто были выбраны мой мужъ секретаремъ, а А. В. Иенсенъ казначеемъ. Въ предсѣдатели мы рѣшили просить настоятеля о. Скородумова, который былъ на хорошемъ счету у мѣстныхъ властей: будучи финляндскимъ гражданиномъ, онъ былъ настоятелемъ абосской православной церкви задолго до революціи. Ввиду его преклоннаго возраста, его предсѣдательство должно было быть только почетнымъ, а его замѣстительницей выбрали меня. Когда къ 1930 году здоровье о. Скородумова окончательно пошатнулось, я была выбрана предсѣдательницей Русскаго Благотворительнаго Общества въ гор. Або.

Новое правленіе рѣшило въ этотъ же сезонъ 1927 года устроить русскій вечеръ для пополненія кассы Общества. Наши предшественники считали устройство вечера слишкомъ рискованнымъ ввиду незначительности русской колоніи и опасались дефицита, который еще уменьшилъ бы и безъ того небольшія средства Общества.

Этотъ первый благотворительный вечеръ состоялся 10-го апрѣля 1927 года. Было поставлено нѣсколько лубковъ, талантливо написанныхъ членомъ правленія Н. В. Геръ, регентъ церковнаго хора Б. М. Щегловъ составилъ смѣшанный хоръ, который исполнилъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ, были танцевальныя номера, лотерея. Послѣ программы танцы. Всѣ билеты на этотъ вечеръ были распроданы и онъ прошелъ со столь большимъ успѣхомъ, что въ слѣдующій сезонъ мы

устроили благотворительный вечеръ уже въ залѣ Пожарнаго Общества, самомъ нарядномъ залѣ города, и на немъ присутствовали и жена губернатора Геленіусъ, прибалтійка по происхожденію, и полицмейстеръ гор. Або, полковникъ Споре, служившій до революціи въ русскихъ войскахъ.

Помимо успѣха, который имѣлъ первый вечеръ, намъ придало смѣлости слѣдующее обстоятельство. Съ осени 1927 г. въ Або обосновался въ качествѣ преподавателя пѣнія В. Г. Стуккей. Гинекологъ по профессіи, онъ обладалъ красивымъ баритональнымъ басомъ, такъ что выступалъ въ оперѣ « Народнаго Дома » въ Петербургѣ до революціи. Не имѣя права практики въ Финляндіи, онъ сталъ зарабатывать уроками пѣнія.

Онъ взялся поставить для нашего благотворительнаго вечера музыкальную программу и самъ выступилъ въ сценѣ изъ оперы « Русланъ и Людмила » съ головой великана и исполнилъ арію « О, поле, поле, кто тебя усыялъ мертвыми костями ? »

Изъ музыкальныхъ силъ небольшой русской колоніи въ Або выдѣлялся своимъ прекраснымъ теноромъ Ф. М. Рябининъ, великолѣпно исполнявшій русскіе и цыганскіе пѣсни и романсы. Я не слышала въ лучшемъ исполненіи « Молись, кунакъ, въ странѣ чужой ». Его выписывала и Русская Колонія въ Гельсингфорсѣ для концертныхъ выступленій. Къ сожалѣнію онъ сильно пилъ и доходилъ до бѣлой горячки. Въ очередномъ припадкѣ онъ бросился съ моста и утонулъ, оставивъ молодую жену и четырехлѣтняго сынишку.

В. Г. Стуккей, помимо голоса, обладалъ и режиссерскимъ талантомъ и поставилъ въ Або нѣсколько русскихъ драматическихъ спектаклей. Ставились, между прочимъ, сцены изъ « Тяжбы » Гоголя и « Чертова колеса » Ренникова.

Такимъ образомъ ежегодно до нашего переѣзда въ Гельсингфорсѣ въ 1933 году устраивались благотворительные вечера и ставились русскіе спектакли. Кромѣ этого, наше Общество участвовало въ предрожд-

дественскомъ базарѣ, имѣвшимъ мѣсто въ упомянутомъ залѣ Пожарнаго Общества. На этомъ базарѣ какъ отдѣльныя лица, такъ и организаціи могли снимать столъ. Дамы нашего Благотворительнаго Общества дѣлали различныя рукодѣлія русскаго характера и эти издѣлія съ большимъ успѣхомъ продавались въ пользу Общества. Въ связи съ этимъ могу рассказать анекдотическій случай.

Къ одному базару я вышила русское полотенце очень богатаго рисунка. Расцѣночная комиссія пришла отъ него въ восторгъ и оцѣнила въ 150 финскихъ марокъ, сумма въ то время значительная. Полюбивъ это полотенце за долгое время, которое заняло его вышивание, мнѣ было жаль съ нимъ разстаться. Съ другой стороны, я не считала возможнымъ лишить кассу Общества столъ значительнаго дохода и я внесла назначенную стоимость за него въ кассу. Полотенце все же красовалось на столѣ Благотворительнаго Общества на базарѣ, но съ прикрѣпленной запиской « продано ».

Кромѣ рукодѣлій дамъ нашего Общества на базарѣ продавались также издѣлія частныхъ лицъ въ ихъ пользу. Запомнились прекрасно сдѣланныя игрушки г-жи Троицкой, проживавшей на Карельскомъ перешейкѣ. Она намъ присылала цѣлые ящики своихъ игрушекъ и мы ихъ всѣ распродавали. Въ 1932 г. она мнѣ, какъ предсѣдательницѣ, прислала на память очень славную собачку, которая долго у меня украшала диванную подушку.

Черезъ « Русскую Колонію » въ Гельсингфорсѣ, при которой наше Общество имѣло представителя, сперва нашего перваго предсѣдателя В. В. Цыпина, а затѣмъ журналиста Н. К. Шубакова, и о которой я буду говорить подробно въ дальнѣйшемъ, существованіе нашего Общества стало извѣстно въ Финляндіи и къ намъ стали поступать прошенія о вспомоствованіяхъ съ Карельскаго перешейка, гдѣ жило много нуждавшихся въ своихъ дачахъ дореволюціоннаго времени, когда тысячи петербуржцевъ пріобрѣтали тамъ дачи и имѣнія. Такъ какъ въ самомъ Або сильно нуждавшихся не было — всѣ болѣе или менѣе устроились,

не уклоняясь ни отъ какой физической работы — мы откликались на всѣ эти прошенія.

Для русскихъ, жившихъ въ Або, мы ввели ссуды, хотя онѣ и выходили изъ рамокъ юрисдикціи благотворительнаго общества. Въ трудную минуту его члены могли получать изъ кассы Общества заимобразно иногда значительныя суммы, которыя затѣмъ возвращались цѣликомъ или по частямъ въ указанный срокъ. Хотя извѣстный рискъ существовалъ, такъ какъ мы никого не могли привлечь къ уплатѣ долга судомъ, у насъ ни разу не было неприятностей по этому поводу.

О. Скородумовъ передалъ нашему Обществу церковную бібліотеку, довольно обширную, содержащую всѣхъ русскихъ классиковъ и не мало переводной литературы. Чтобы сэкономить плату за бібліотечное помѣщеніе, мужъ и я предложили поставить шкафы съ книгами въ нашей квартирѣ, въ портняжной мастерской мужа. Для него, какъ завѣдующаго бібліотеккой, это имѣло то преимущество, что въ дни выдачи книгъ ему не надо было уходить изъ дому.

Вообще нашъ домъ служилъ справочнымъ центромъ, такъ какъ къ намъ, какъ къ возглавителямъ Общества, направлялись всѣ прїѣзжіе русскіе и мы по мѣрѣ силъ снабжали ихъ интересующими ихъ свѣдѣніями .

Особенно запомнился прїѣздъ пѣвицъ, очаровательныхъ сестеръ Веревкиныхъ, которыхъ сопровождалъ въ качествѣ антрепренера женихъ младшей сестры, красивый Е. В. Истомино, въ прошломъ московскій адвокатъ. Они разѣзжали въ автомобилѣ по Европѣ и выступали съ пѣснями въ ресторанахъ и русскихъ клубахъ.

Когда они прїѣхали въ Або въ 1931 году и обратились къ священнику, тотъ направилъ ихъ къ намъ и мужу удалось устроить ихъ выступленіе въ большомъ ресторанѣ курорта Нодендаль подъ Або, которое прошло съ большимъ успѣхомъ. Сестры Веревкины исполнили между прочимъ великолѣпно дуэтомъ « Однозвучно звенитъ колокольчикъ ».

За четыре дня ихъ пребыванія въ Або, мы много бывали вмѣстѣ, они у насъ и завтракали, и обѣдали, и мы очень сошлись. На ихъ концертъ мы ѣхали въ ихъ автомобилѣ, чувствуя сами себя артистической богемой, и по окончаніи программы весело вмѣстѣ ужинали.

Въ 1930 году о. Скородумовъ серьезно занемогъ и временнымъ ему замѣстителемъ пріѣхалъ о. Толстохновъ. Онъ былъ, если можно такъ выразиться «походнымъ» священникомъ, т.е. у него не было постоянного прихода, а онъ разъѣзжалъ на сѣверѣ Финляндіи, посѣщая единичныхъ православныхъ и небольшія православныя ячейки и справляя службы. О. Толстохновъ весь кипѣлъ энергіей и повсюду старался ее приложить. Въ Або, по его инициативѣ, было приведено въ порядокъ русское военное кладбище, пришедшее въ очень запущенный видъ.

Въ серединѣ кладбища была сооружена братская могила съ большимъ крестомъ и весь холмъ былъ засаженъ зеленой травкой. Передъ крестомъ была поставлена урна, наполненная цвѣтами. Кресты на отдѣльныхъ могилахъ были исправлены и въ августѣ состоялось освященіе очищеннаго кладбища. Послѣ молебна, о. Толстохновъ обратился къ присутствующимъ, приглашая ихъ взять на себя содержаніе одной или нѣсколькихъ могилъ русскихъ воиновъ, чтобы кладбище не пришло бы опять въ запустѣніе. «Вѣдь у васъ всѣхъ остались могилы близкихъ въ Россіи», сказалъ онъ. «При всемъ желаніи вы не можете о нихъ заботиться. Такъ вотъ, возьмите на себя содержаніе этихъ могилъ, какъ бы въ память близкихъ вамъ покойныхъ». Эта мысль вызвала горячій откликъ и всѣ частныя могилы были разобраны между прихожанами - эмигрантами абоскаго православнаго прихода. Мужъ и я взяли на себя три могилы, посадили на нихъ цвѣты и охотно приходили ихъ поливать. На военномъ кладбищѣ росли высокія сосны, воздухъ былъ напоенъ ихъ смолистымъ ароматомъ и все это мѣсто послѣдняго упокоенія русскихъ людей дышало необычайнымъ миромъ.

Здѣсь я отклонюсь въ сторону отъ своей задачи — разсказать о жизни русской эмиграціи въ Финляндіи и Швеціи — чтобы остановиться на посѣщеніи мужемъ и мной Валаамскаго Монастыря лѣтомъ 1932 г. О Валаамѣ писалось много, и извѣстными писателями, но всѣ они посѣтили Валаамъ въ эпоху его расцвѣта, когда онъ находился въ предѣлахъ Россіи. Мы же посѣтили его, когда онъ уже былъ памятникомъ прошлаго и все же продолжалъ излучать такое очарованіе, что одна американская туристка, пріѣхавшая на нѣсколько дней, осталась на немъ три года.

Толкнуло насъ на поѣздку на Валаамъ слѣдующее обстоятельство. Проболѣвъ два года, о. Скородумовъ скончался въ началѣ 1932 года, и до назначенія постоянного настоятеля былъ присланъ временнымъ о. Исакій, іеромонахъ Валаамскаго Монастыря и завѣдующій его хозяйствомъ. О. Исакій былъ страстнымъ филателистомъ и узнавъ, что и мужъ занимается собираніемъ марокъ, онъ зачастилъ къ намъ. При своихъ посѣщеніяхъ онъ, за обѣденнымъ или чайнымъ столомъ, много разсказывалъ намъ про Валаамъ и совѣтовалъ намъ его посѣтить. Онъ обѣщалъ снабдить насъ рекомендательнымъ письмомъ къ игумену, чтобы намъ показали всѣ сокровища монастырской ризницы, къ которымъ обыкновенные туристы не имѣли доступа.

И вотъ 20-го іюня мы пустились въ дальній путь въ прямомъ смыслѣ слова, такъ какъ, чтобы попасть на Валаамъ изъ Або надо пересѣчь всю Финляндію. Яркимъ лѣтнимъ днемъ мы пріѣхали въ Сердоболь, откуда доставлялъ на Валаамъ собственный монастырскій пароходъ « о. Сергій », управлявшійся монахомъ.

Въ этотъ день Ладожское озеро было какъ зеркало. На этомъ громадномъ озерѣ, на которомъ мѣстами не было видно береговъ, могли разыгрываться настоящія бури. Но намъ погода благопріятствовала и когда мы подъѣхали къ монастырской пристани, Валаамъ предсталъ весь залитый солнцемъ. Первое впечатлѣніе играетъ огромное значеніе и, вспоминая Валаамъ, я его всегда вижу со сверкающими на солнцѣ

золотыми маковками главнаго храма, утопающаго въ цвѣтущей сирени и въ морѣ бѣлыхъ яблочныхъ цвѣтовъ. Валаамскія яблоки славились по всей Финляндіи своими различными сортами и прекраснымъ качествомъ.

Къ этому времени изъ полуторатысячной братіи славнаго монастыря оставалось всего 250 монаховъ, причеиъ большинство были весьма преклоннаго возраста. Значительное сокращеніе братіи состоялось вскорѣ послѣ того, какъ Финляндіа стала самостоятельной. Въ Финляндіи имѣлось православное меньшинство среди кареловъ и послѣ объявленія самостоятельности, въ православной финляндской церкви былъ введенъ новый стиль, распространенный и на Валаамскій монастырь. Нѣсколько сотъ монаховъ не могли съ этимъ согласиться и уѣхали въ Югославію.

Какъ намъ объяснялъ еще о. Исакій, финляндское правительство, стремясь завладѣть богатствами монастыря въ качествѣ выморочнаго имущества, постановило, что въ монахи могутъ поступать лишь финляндскіе граждане. Хотя въ Финляндіи и имѣется православное меньшинство, финляндцы по своей натурѣ чужды всякой мистики и монастырская жизнь ихъ не могла привлекать. Среди русскихъ эмигрантовъ навѣрное нашлись бы такіе, которые послѣ всего пережитаго и укрылись бы подъ монастырскую сѣнь — но имъ доступъ былъ закрытъ. Поэтому братія не пополнялась и постепенно вымирала.

Несмотря на незначительное число монахов, ихъ присутствіе накладывало особый отпечатокъ и повсюду звучащая русская рѣчь заставляла забывать, что это больше не кусокъ Россіи. Здѣсь « всюду Русью пахло ».

У дверей гостиницы, громаднаго четырехэтажнаго зданія, пріѣзжихъ встрѣчалъ о. Лука, гостинщикъ, со строгимъ иконописнымъ лицомъ. Молодой послушникъ отвелъ насъ въ нашу комнату — келію. Она была выбѣлена, какъ и всѣ монастырскія зданія, съ толстыми стѣнами. У продольныхъ стѣнъ стояли узкія кровати, передъ окномъ столъ и два деревянныхъ стула, убранство самое строгое. Но когда я выглянула въ

окно, то духъ захватило отъ восхищенія: наша комната была во второмъ этажѣ и подъ нами, насколько могъ охватить глазъ, растилалось море бѣлыхъ и блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ цвѣтущихъ яблонь. А за нимъ блестяла на солнце полоска Ладоги.

Когда, усталая съ дороги, я бросилась на постель, то больно ударилась головой о подушку, но и это имѣло свою прелесть, подчеркивая монастырскій духъ нашего временнаго убѣжища.

Хотя для иностранныхъ туристовъ въ гостиницѣ былъ первоклассный ресторанъ, которымъ завѣдывалъ цвѣтущій и благодушный о. Руфимъ, мы, позавтракавъ сытно въ Сердоболи, спросили лишь въ комнату самоваръ и выпили чаю съ душистымъ чернымъ монастырскимъ хлѣбомъ.

Чтобы сразу проникнуться монастырскимъ духомъ, мы просили разбудить насъ въ половинѣ третьяго утра къ ранней обѣднѣ. Было время бѣлыхъ ночей и когда мы вышли изъ гостиницы, насъ охватила непередаваемо чарующая свѣжесть солнечнаго утра. Въ большомъ соборѣ было двѣ церкви: верхняя и нижняя. Во время нашего пребывания въ верхней церкви шелъ ремонтъ и всѣ богослуженія совершались въ нижней. Въ правой ея половинѣ стояли раки съ мощами св. Сергія и Германа.

Въ церкви царилъ полумракъ и кротко мерцали свѣчи передъ образами. Потомъ мы узнали, что всѣ иконы, нѣкоторыя тонкой работы, были написаны монахами, громадное большинство которыхъ были крестьянскаго происхожденія. Въ церкви строгими рядами стояли монахи въ своихъ черныхъ одѣянїяхъ. Меня поразило пѣніе, несшееся съ клироса: на Валаамѣ пѣли по старому уставу. Мы кажется были единственными мирянами, присутствовавшими на этомъ раннемъ богослуженїи и полностью погрузились въ монашеское моленіе.

Присутствіе на этой утрени было самымъ лучшимъ вступленїемъ въ наше почти двухнедѣльное пребываніе на Валаамѣ, создавъ намъ нужное настроеніе и настроивъ наши мысли на правильный ладъ.

Хотя для посѣщенія скитовъ и красивыхъ угол-

ковъ Валаама можно было пользоваться какъ лошадьми, такъ и моторными лодками, мы рѣшили исходить Валаамъ, во первыхъ, чтобы основательно съ нимъ ознакомиться, и во вторыхъ, чтобы наше настроеніе не нарушалось присутствіемъ иностранныхъ туристовъ, которые не отличались тактичностью къ православнымъ святынямъ, что я иллюстрирую ниже однимъ инцидентомъ.

Трудно себѣ представить болѣе величественно-живописную мѣстность чѣмъ та, которую выбрали основатели монастыря, Сергій и Германъ Валаамскіе. Скалистые берега Ладоги, мѣстами обрывавшіеся отвѣсной стѣной, мѣстами окаймлявшіе озеро песочными откосами, поросли густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ со строевыми соснами, гигантскими елями и стройными березами. Эти лѣса были богаты всевозможными цвѣтами и особенно ландышами, которые какъ разъ цвѣли и наполняли ихъ своимъ дивнымъ благоуханіемъ. Насъ поразилъ ихъ размѣръ: они были больше продаваемыхъ въ цвѣточныхъ магазинахъ ландышей.

Мѣстами лѣсъ былъ вырубленъ монахами для разведенія луговъ и полей. Они также прорыли довольно широкій каналъ для соединенія скитовъ. Эти скиты, каждый со своей церковью, преимущественно стіля новгородскихъ и псковскихъ церквей, съ толстыми выбѣленными стѣнами и столбами-боченками, подпиравшими входной навѣсъ, красиво ютились въ лѣсныхъ просѣкахъ. Всѣ церковки поражали своей росписью и рѣзными царскими вратами изъ кипариса. Это гармоничное сліяніе красоты природы съ красотой издѣлій рукъ человѣческихъ свидѣтельствовало о томъ, какъ высоко были настроены души здѣшнихъ отшельниковъ, какъ красота міра Божія пробуждала въ этихъ простыхъ людяхъ стремленіе самимъ прославить Бога твореніемъ рукъ своихъ.

Особенно запомнился Смоленскій скитъ и это благодаря своему отшельнику о. Ефрему, о которомъ мы много слышали и у котораго рѣшили говѣть.

Церковь Смоленскаго скита была воздвигнута Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ

подношеніе своему духовнику о. Ефрему. Она какъ снаружи, такъ и внутри блистала бѣлизной и была убрана прекрасными иконами. При первомъ ея посѣщеніи, я замѣтила въ ней букеты сирени у панихидницы и въ алтарѣ, и это побудило меня нарвать большой букетъ ландышей, когда мы шли на исповѣдь.

Послѣ исповѣди, о. Ефремъ радушно пригласилъ насъ въ свою горницу испить чаю, на что мы радостно согласились. О. Ефремъ со своей крупной осанкой сразу обращалъ на себя вниманіе, а его большіе темносиніе глаза излучали притягательную силу.

За чаемъ мы разговорились. Узнавъ, что я петербурженка, а мужъ мой военный, что оба мы глубоко тоскуемъ по родинѣ, близость которой мы ощущаемъ съ особенной силой въ этомъ русскомъ уголкѣ, о. Ефремъ самъ предался воспоминаніямъ и повѣдалъ намъ свою интересную жизненную повѣсть.

Отецъ о. Ефрема былъ придворнымъ служащимъ и крестнымъ отцомъ его былъ В. К. Николай Николаевичъ, ставшій впоследствии его духовнымъ сыномъ.

Когда о. Ефрему было лѣтъ четырнадцать, родители его совершили поѣздку на Валаамъ и взяли его съ собой. Валаамская обитель произвела на мальчика такое чарующее впечатлѣніе, что онъ просилъ его въ ней оставить. Но родители отнеслись къ этому какъ къ мальчишеской фантазіи и не предали ей значенія. Къ тому же у нихъ были совсѣмъ иные планы для будущаго ихъ единственнаго сына. Но черезъ два года о. Ефремъ одинъ явился на Валаамъ и умолилъ игумена принять его послушникомъ. Когда его родители пріѣхали за нимъ, игуменъ имъ заявилъ, что онъ имъ сына противъ его воли не выдастъ, такъ какъ считаетъ, что въ упорномъ желаніи юноши стать монахомъ проявляется воля Божья. Родители, которымъ не удалось уговорить сына поѣхать съ ними, должны были вернуться въ Петербургъ одни.

Отецъ о. Ефрема, бывшій столь противъ его монашества, самъ пріѣхалъ къ сыну послѣ смерти жены, постригся въ монахи и умеръ на Валаамѣ.

Несмотря на то, что о. Ефремъ съ шестнадцати-

лѣтняго возраста жилъ на Валаамѣ, среди простыхъ людей, въ немъ сохранилась воспринятая съ дѣтскихъ лѣтъ свѣтскость и онъ всѣмъ обиходомъ рѣзко отличался отъ прочей братіи.

28-го іюня, въ день св. Сергія и Германа, который былъ монастырскимъ праздникомъ, изъ Сердоболя пріѣхалъ Епископъ Германъ со свитой и было торжественное богослуженіе въ большемъ соборѣ. Тутъ и случился у мужа инцидентъ съ однимъ американцемъ.

Ожидая выхода Епископа Германа изъ своихъ покоевъ для прохожденія въ соборъ и совершенія обѣдни, у входа въ соборъ собралось много народа, въ томъ числѣ и туристовъ, желавшихъ посмотреть на рѣдкостное для нихъ зрѣлище. Среди нихъ былъ высокій американецъ, который съ сигарой во рту и засунувъ руки въ карманы стоялъ у самаго входа. Мужъ жестомъ руки показалъ ему, что надо вынуть сигару изо рта, но это не произвело на него никакого впечатлѣнія. Тогда я сказала ему на англійскомъ языкѣ, которымъ мужъ не владѣлъ, что если онъ, не считаясь съ тѣмъ, что это коробитъ православныхъ, не перестанетъ курить, то мужъ выбьетъ ему сигару изо рта. Это заявленіе и накаленный видъ мужа произвели на него нужное дѣйствіе и онъ, вынувъ сигару, отошелъ въ сторону.

На другой день мы съ глубокой печалью покинули Валаамъ. Уѣзжая изъ этого уголка православной русской культуры, мы какъ бы вдвойнѣ чувствовали себя эмигрантами, возвращаясь къ повседневной жизни среди чуждаго намъ народа. Мы утѣшали себя тѣмъ, что мы обязательно вернемся при первомъ удобномъ случаѣ на Валаамъ, не предполагая, что меньше чѣмъ черезъ десять лѣтъ онъ, послѣ проигранной Финляндіей войны, попадетъ въ руки коммунистической власти.

* * *

Вторую часть своего отпуска я брала въ концѣ августа, чтобы провести первыя двѣ недѣли ранней осени, которая особенно хороша въ Скандинавіи, у

нашихъ друзей въ шхерахъ. Мнѣ хочется болѣе подробно остановиться на этой семьѣ, Ренквистъ, такъ какъ отъ А. В. Ренквистъ, окончившей съ шифромъ Смольный Институтъ, я узнала какъ предано было финляндское населеніе Императорскому Дому, пока близорукая политика первыхъ десятилѣтій 20-го столѣтія не ожесточила финляндскихъ патріотовъ противъ всего русскаго, что въ извѣстной степени отразилось и на отношеніяхъ къ русскимъ эмигрантамъ.

А. В. Ренквистъ рассказывала мнѣ, что когда въ Гельсингфорсъ дошелъ слухъ объ убійствѣ Императора Александра II, всѣ родители послали своихъ дѣтей въ школу въ темныхъ платьяхъ. Альма Вильгельмовна, тогда десятилѣтняя дѣвочка, помнила, какъ во всѣхъ окнахъ были зажжены свѣчи и какъ горько плакала ея мать, недавно овдовѣвшая и хлопотавшая о принятіи своей единственной дочери въ Смольный Институтъ на одну изъ стипендій, предназначавшихся финляндкамъ.

По инициативѣ самихъ финляндцевъ, безъ всякаго побужденія со стороны русскихъ властей, былъ произведенъ сборъ на памятникъ убитому Государю. Была собрана большая сумма, на которую воздвигли прекрасный памятникъ на самой парадной площади города, такъ называемой Сенатской площади. Съ одной стороны этой площади высится красивый соборъ, постройки архитектора Энгельса; къ нему съ двухъ сторонъ премыкають зданія университета и министерствъ въ стилѣ ампира.

Памятникъ Александру II остался стоять на своемъ мѣстѣ и послѣ того, какъ Финляндія стала самостоятельной.

Отъ пребыванія въ Смольномъ Институтѣ у А. В. Ренквистъ остались самая свѣтлыя воспоминанія. Она могла часами рассказывать о томъ, какая теплая атмосфера царила въ Смольномъ, такъ что воспитанницы чувствовали себя членами большой семьи; о внимательномъ и заботливомъ отношеніи классныхъ дамъ и преподавателей, которые старались установить способности ученицъ, чтобы дать имъ возможность усовершенствоваться въ интересующей ихъ области. Такъ

сама А. В. Ренквистъ брала уроки музыки у прекраснаго преподавателя и стала хорошею піанисткою.

Особенно яркими и праздничными были воспоминанія о посѣщеніяхъ Смольнаго Института Императорской четой — Императоромъ Александромъ III и Императрицей Маріей Федоровной. Исключительнымъ событіемъ въ жизни смолянки А. Розенбергъ (дѣвичья фамилія А. В. Ренквистъ) было полученіе шифра изъ рукъ Государыни Маріи Федоровны.

Для полученія шифра дѣвушекъ возили въ Петергофъ. Послѣ его раздачи слѣдовало катанье по иллюминированному Петергофскому парку съ его дивными фонтанами, а затѣмъ угощеніе и танцы, въ которыхъ участвовали молодые члены Императорскаго Дома. Такимъ образомъ А. В. Ренквистъ довелось танцовать вальсъ съ Наслѣдникомъ, будущимъ Императоромъ Николаемъ II.

Годы, проведенные въ Смольномъ, остались лучшими воспоминаніями А. В. Ренквистъ и она постоянно къ нимъ возвращалась до глубокой старости.

* * *

Слѣдующій 1933 годъ внесъ большія перемѣны въ нашу жизнь съ мужемъ. Въ мартѣ скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ консулъ Балтисъ въ возрастѣ 63 лѣтъ. Онъ скоропостижно умеръ въ то время, какъ я еще не вполне оправилась отъ очень тяжелой инфлюенціи, грозившей перейти въ воспаленіе легкихъ.

Такъ какъ я была единственной служащей консульства, на меня свалились всѣ формальности въ связи со смертію консула. Едва держась на ногахъ, я должна была отправить телеграмму въ Министерство Иностраннхъ Дѣлъ въ Бернѣ, поставить въ извѣстность о смерти Швейцарское Консульство въ Гельсингфорсѣ, приняться за текуція дѣла. Въ отвѣтъ на мою телеграмму, Министерство поручило мнѣ возложить вѣнокъ на гробъ Консула Балтисъ и выразить соболѣзнованіе его семьѣ. Къ моей радости, Гельсингфорскій Консулъ прислалъ своего начальника канцеляріи, чтобы оказать послѣднюю честь усопшему.

Швейцарское Министерство Иностранных Дѣлъ не могло сразу принять рѣшеніе: назначить-ли новаго почетнаго консула въ Або, или ликвидировать этотъ постъ и сосредоточить все свое представительство въ Финляндіи въ столицѣ. Въ ожиданіи этого рѣшенія, я была назначена управлять Консульствомъ подъ контролемъ Швейцарскаго Консула въ Гельсингфорсѣ; этотъ контроль выражался однако лишь разговорами по телефону, а на практикѣ я вела переписку непосредственно съ Министерствомъ, визировала паспорта, выдавала за своей подписью швейцарскіе паспорта и сносилась съ мѣстными властями.

Такъ прошло все лѣто, которое мы безвыѣздно провели въ городѣ, такъ какъ я сама предложила Министерству не брать отпуска — иначе пришлось бы держать Консульство мѣсяцъ закрытымъ. Осенью Бернъ рѣшилъ ликвидировать свое представительство въ Або, а меня перевести въ свое Консульство въ Гельсингфорсѣ, предварительно разобравъ весь архивъ Консульства съ начала его существованія. Мнѣ были даны инструкціи, какія бумаги надо было сжечь, какія отправить въ архивъ Министерства въ Бернъ, а какія перевести въ Гельсингфорсѣ. Разборъ архива съ 1914 года, т. е. почти за двадцать лѣтъ, занялъ у меня два мѣсяца и лишь къ серединѣ декабря мы могли перебраться въ финляндскую столицу.

* * *

Параллельно съ ликвидаціей Консульства, надо было позаботиться о сдачѣ дѣлъ по Русскому Благотворительному Обществу, что было до извѣстной степени сложнѣе, такъ какъ все дѣлопроизводство, организація базаровъ и вечеровъ и завѣдываніе библіотекой лежали на моемъ мужѣ и мнѣ, какъ его возглавителяхъ, а прочіе члены Правленія и рядовые члены содѣйствовали намъ, поскольку имъ оставалось времени отъ своихъ частныхъ дѣлъ, вполне полагаясь на нашу инициативу. Къ тому же въ Або было мало настоящихъ эмигрантовъ и значительная часть членовъ Общества состояла изъ русскихъ женщинъ, вы-

шедшихъ замужъ за финляндцевъ или финляндцевъ, проживавшихъ раньше въ Россіи и сохранившихъ о ней столь теплыя воспоминанія, что они поддерживали дѣятельность въ пользу эмигрантовъ.

Предсѣдательство до слѣдующаго годового общаго собранія автоматически переходило къ Вице-Предсѣдательницѣ, Н. В. Геръ, урожденной Кучуковой. На нее можно было положиться. Бывшая смолянка, она поддерживала дружескую связь съ семьей покойнаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, въ которой она была компаньонкой барышень Столыпиныхъ по окончаніи института и преподавала ихъ маленькому брату Аркадію. Она всегда активно участвовала въ дѣятельности Общества, въ особенности въ устройствѣ вечеровъ.

Для библіотеки надо было снять помѣщеніе и перевезти шкапы съ книгами съ нашей квартиры, гдѣ она помѣщалась послѣдніе три года. Послѣ ликвидаціи Общества, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ нашего перѣзда въ Гельсингфорсъ, она была передана въ собственность абосской городской библіотекѣ.

Члены Общества сдѣлали намъ милый подарокъ на память о нашей дѣятельности въ Або и сопровождаемые добрыми пожеланіями пришедшихъ насъ проводить на вокзалъ, мы 18-го декабря покинули Або.

* * *

Черезъ нашего представителя при Обществѣ Русская Колонія, Н. К. Шубакова, мы знали, что въ финляндской столицѣ условія жизни для русской эмиграціи совершенно иныя чѣмъ въ Або. Въ то время какъ въ Або русскіе исчислялись десятками, въ Гельсингфорсѣ и его окрестностяхъ проживала четверть всѣхъ русскихъ, осѣвшихъ въ Финляндіи послѣ революціи въ числѣ двадцати тысячъ человѣкъ. Въ Гельсингфорсѣ существовали различныя эмигрантскія организациі, о которыхъ я буду говорить ниже, былъ русскій клубъ съ хорошей библіотекой, большимъ заломъ для лекцій, билліардомъ и карточной комнатою, были какъ финляндскій, такъ и эмигрантскій право-

славные приходы, любительскіе драматическіе кружки и т. д.

Все это насъ конечно привлекало, но посвятивъ благотворительной дѣятельности въ Або въ теченіе восьми лѣтъ все наше остававшееся отъ службы время, мы хотѣли немного отдохнуть и заняться устройствомъ личныхъ дѣлъ, прежде чѣмъ вновь отдаться общественной дѣятельности. Кромѣ того намъ хотѣлось присмотрѣться къ людямъ, стоявшимъ во главѣ организацій.

Переѣхавъ въ Гельсингфорсъ передъ самымъ Рождествомъ, мы первые дни спѣшно устраивали свою квартиру, чтобы встрѣтить Праздникъ въ благоустроенномъ новомъ гнѣздѣ. Сами праздники прошли въ посѣщеніяхъ друзей и хорошихъ знакомыхъ, перебравшихся раньше насъ изъ Або въ Гельсингфорсъ. Въ первую очередь мы возобновили отношенія съ семьей Ермоловыхъ, сосѣдей Головиныхъ по имѣнію на Карельскомъ перешейкѣ, которые знали меня ребенкомъ и встрѣтили съ распростертыми объятіями. Самъ Е.Е. Ермоловъ былъ очень интереснымъ человѣкомъ, типичнымъ русскимъ самородкомъ. До революціи онъ управлялъ всѣми дѣлами Елисѣева, содержавшаго всякія благотворительныя учрежденія, и тотъ его очень цѣнилъ. Когда Ермоловъ женился, Елисѣевъ подарилъ ему къ свадьбѣ квартиру въ одномъ изъ своихъ домовъ и сто тысячъ рублей.

Съ Новаго Года, когда я стала служить въ Швейцарскомъ Генеральномъ Консульствѣ, а мужъ занялся налаживаніемъ своей мастерской, мы стали столоваться въ Русскомъ Клубѣ, находившемся въ двухъ шагахъ отъ моей службы. Я слышала потомъ отъ эмигрантовъ, пріѣзжавшихъ изъ Югославіи и Франціи, что ни въ одной странѣ русскаго разсѣянія не было столь уютнаго и хорошо организованнаго клуба.

Русскій Клубъ занималъ въ центрѣ города большую квартиру. Три его комнаты были отведены подъ ресторанъ съ буфетомъ. Столъ былъ чисто русскій, чрезвычайно вкусный и по очень умѣреннымъ цѣнамъ. Подавались и спиртные напитки.

Для насъ было истиннымъ наслажденіемъ ѣсть въ чисто русской обстановкѣ. Всѣ служащіе клуба

были русскіе или хорошо знающіе русскій языкъ. Кругомъ звучала русская рѣчь, не вызывая косыхъ взглядовъ, которые приходилось перехватывать въ ресторанахъ Або, гдѣ мы также всюду говорили между собой по русски. Въ одной изъ комнатъ клуба висѣли портреты Императорской Семьи. Словомъ мы опять обрѣли уголокъ прежней Россіи.

Но не долго пришлось намъ оставаться въ сторонѣ отъ общественной жизни. Въ клубѣ мужъ встрѣтился съ однокашникомъ, кадетомъ Псковскаго корпуса В. И. Гранбергъ, цѣликомъ ушедшаго въ организацію русскихъ скаутовъ, и онъ привлекъ насъ обоихъ въ члены Общества Друзей Русскихъ Скаутовъ, изыскивавшаго средства для этого дѣла.

Но прежде чѣмъ перейти къ текущей жизни Русской Колоніи, свидѣтелями и участниками которой мы стали, я дамъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о томъ, какъ слагалась общественная жизнь русскихъ эмигрантовъ въ Гельсингфорсѣ. Эти свѣдѣнія я получила отъ Ротмистра Д. Д. Кузьмина-Караваева, обосновавшагося въ Гельсингфорсѣ, проявившаго большія организаторскія способности и много поработавшаго на русскую эмиграцію въ Финляндіи.

* * *

Особый Комитетъ по Дѣламъ Русскихъ въ Финляндіи.

Инициатива созданія въ Финляндіи организаціи, которая взяла бы на себя попеченіе о проживающихъ въ Финляндіи русскихъ, принадлежала члену Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретарю Трепову. Онъ пользовался большимъ авторитетомъ у германскихъ властей, а вліяніе этихъ послѣднихъ было въ то время — 1917-1920 гг. — въ Финляндіи исключительно большое. При поддержкѣ нѣмцами его плановъ, Треповъ встрѣтилъ благожелательное и даже предупредительное къ себѣ отношеніе и со стороны финскаго правительства. Въ качествѣ учредителей задуманной имъ организаціи А. Ф. Треповъ пригласилъ Герцога А. Г. Лейхтенбергскаго, Епископа Серафима, Князя В. М.

Волконскаго, Князя В. Н. Масальскаго, Барона Таубе и Ротмистра А. К. Панчулидзева.

Послѣ того, какъ финляндское правительство утвердило основныя положенія организаціи, получившей наименованіе «Особый Комитетъ по Дѣламъ Русскихъ въ Финляндіи», 29-го ноября 1918 года состоялось первое официальное собраніе ея Комитета, на которомъ было рѣшено пополнить его составъ Сенаторомъ Андреевскимъ, Княземъ К. Е. Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, А. Ф. Гарфельдъ, В. К. Грубе, В. И. Гессенъ, А. А. Давыдовымъ, Ф. А. Добрынинымъ, Д. И. Засядко, Я. И. Савичемъ, С. Н. фонъ Шульманъ, В. П. Шубергскимъ и Н. Н. Юденичемъ.

Было избрано Правленіе Комитета въ лицѣ А. Ф. Трепова, Князя В. М. Волконскаго, Князя В. Н. Масальскаго, Барона М. А. Таубе, Д. И. Засядко, Ф. А. Добрынина и А. Ф. Гарфельдъ. Епископъ Серафимъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Комитета. Мѣсто-пребываніемъ Комитета былъ выбранъ Выборгъ, съ отдѣленіемъ въ Гельсингфорсѣ. Управляющимъ дѣлами Комитета былъ приглашенъ Полковникъ А. Н. Фену. Отъ финляндскаго правительства на нужды Комитета было получено 500.000 марокъ.

Приблизительно въ это же время начался съѣздъ находившихся въ Финляндіи представителей промышленности и торговли. Дабы не допустить раскола эмиграціи вслѣдствіе наличія двухъ организацій, преслѣдуемыхъ въ основномъ тѣ-же цѣли, по инициативѣ того-же А. Ф. Трепова было рѣшено предложить торгово-промышленникамъ войти въ составъ Комитета, съ предоставленіемъ имъ восьми мѣстъ. Отъ нихъ вошли въ Комитетъ: А. В. Карташевъ, С. Г. Ліанозовъ, А. Г. Малаховъ, А. П. Мещерскій, Князь В. Ф. Оболенскій, П. Б. Струве, В. С. Субботинъ и Ф. Ф. Уtemanъ. Кромѣ того, въ составъ Комитета были кооптированы Графъ А. А. Буксгевденъ и И. С. Ивановъ.

Однако промышленники высказались за то, чтобы А. Ф. Треповъ, какъ завѣдомый германофилъ — а къ этому времени Германія была побѣждена — передалъ предсѣдательство кому-нибудь другому, тѣмъ болѣе, что и Предсѣдатель Совѣта Министровъ Финляндіи

Свинхувудъ и окружавшіе его лица, поддерживавшіе А. Ф. Трепова, должны были покинуть свои должности и были замѣнены лицами другой оріентаціи.

Предсѣдателемъ Комитета былъ избранъ А. В. Карташевъ, его замѣстителями Князь Волконскій и Э. К. Грубе. А. Ф. Треповъ былъ избранъ въ Комитетъ, но онъ отказался отъ дальнѣйшей въ немъ работы и былъ замѣненъ В. Н. Троицкимъ-Сенютовичемъ.

Новое Правленіе перенесло свою дѣятельность въ Гельсингфорсъ, а въ Выборгѣ остался отдѣлъ Правленія во главѣ съ Товарищемъ Предсѣдателя Э. К. Грубе. Полковникъ А. Ф. Фену, оставаясь Управляющимъ дѣлами, переѣхалъ тоже въ Гельсингфорсъ.

Главнѣйшей задачей Комитета въ началѣ его дѣятельности было оказаніе помощи нуждавшимся эмигрантамъ. Было открыто нѣсколько общежитій для офицеровъ, стремящихся попасть на фронтъ и оказывалась помощь семейнымъ.

Финляндское Правительство отказалось выдавать ежемѣсячныя субсидіи или ссуды. Комитету удалось подъ поручительство дѣятелей промышленности и торговли получить въ долгъ отъ Сѣвернаго Объединеннаго Банка и отъ Гельсингфорскаго Акціонернаго Банка по одному милліону марокъ отъ cadaго. Часть этихъ денегъ, въ размѣрѣ одного милліона, была передана Генералу Юденичу, объявленному Старшимъ Военнымъ Начальникомъ въ Финляндіи для подготовительныхъ работъ по организаціи Сѣверо-Западной Арміи.

Обращеніе къ Правительствамъ Франціи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ о выдачѣ ссуды въ нѣсколько десятковъ милліоновъ марокъ успѣхомъ не увѣнчалось. Но Американскій Красный Крестъ предоставилъ въ распоряженіе Комитета запасы муки, сахара, сгущеннаго молока и сала, (какао только дѣтямъ), выдача которыхъ значительно помогла многимъ семьямъ въ это тяжелое время.

Комитетъ обращался въ поискахъ средствъ къ представителямъ Русскаго Національнаго Правительства въ Парижѣ и Лондонѣ, а также къ ряду финансовыхъ дѣятелей, но помощь, получаемая отъ нихъ

была ничтожна и Комитетъ все время испытывалъ недостатокъ въ средствахъ.

Въ юнѣ 1919 года въ Выборгъ пріѣхалъ Баронъ Б. Н. Гревеницъ, который принялъ на себя обязанность вести текущую работу въ Выборгскомъ Отдѣлѣ Комитета въ качествѣ Помощника Управляющаго Дѣлами Комитета (А. Ф. Фену). Для болѣе успѣшной работы Правленія были образованы комиссіи: 1) по выдачѣ пособій, 2) правовая, 3) продовольственная, 4) финансовая, 5) по дѣламъ печати и 6) школьная.

Отношенія съ финляндскимъ правительствомъ складывались не всегда идеально и бывали моменты, когда оно прямо обвиняло Комитетъ въ томъ, что отдѣльные его члены ведутъ недопустимую политическую работу. Въ результатѣ, три члена Комитета, графъ А. А. Буксгевденъ, В. С. Субботинъ и А. К. Панчулидзевъ не только были вынуждены оставить Комитетъ, но имъ было предложено покинуть Финляндію.

Были также шероховатости между Комитетомъ и Генераломъ Юденичемъ, закончившіяся тѣмъ, что Генералъ Юденичъ, не удовлетворяясь помощью, оказываемой ему Комитетомъ, образовалъ при себѣ Политическое Совѣщаніе въ составѣ слѣдующихъ лицъ: А. В. Карташева, С. Г. Ліанозова, В. Д. Кузьмина-Караваева, М. Н. Суворова и П. К. Кондзеровскаго.

Между тѣмъ, работа Комитета все увеличивалась и увеличивалась. Особенно много вниманія надо было удѣлять отправкѣ офицеровъ-добровольцевъ въ Сѣверно-Западную и Сѣверную арміи. Послѣ же окончанія гражданской войны было много хлопотъ съ возвращеніемъ этихъ лицъ въ Финляндію и съ обезпеченіемъ ихъ существованія.

Въ 1921 году, Комитету пришлось взять на себя заботу о кронштадскихъ бѣженцахъ, бѣжавшихъ въ Финляндію послѣ неудачи Кронштадскаго возстанія.

Все это требовало средствъ. Улучшеніе настало съ учрежденіемъ въ Парижѣ Совѣта Пословъ, отъ котораго Комитетъ получалъ нѣкоторое время ежемѣсячную субсидію. Представителемъ Совѣта Пословъ въ Финляндіи пріѣхалъ Профессоръ Гриммъ. Наладились

также дѣловыя отношенія съ Русскимъ Краснымъ Крестомъ.

Въ 1928 г. Предсѣдатель Особаго Комитета Полковникъ А. Ф. Фену уѣхалъ за границу для частной дѣятельности. Его замѣнилъ Баронъ Б. Н. Гревеницъ и какъ Предсѣдатель Особаго Комитета и какъ представитель Совѣщанія Русскихъ Пословъ въ Парижѣ.

Одновременно произошла смѣна на посту Президента Финляндской республики: вмѣсто Стольберга президентомъ былъ избранъ Реландеръ. До своего избранія, он былъ Выборгскимъ Губернаторомъ, и у Барона Б. Н. Гревеницъ были очень хорошія съ нимъ отношенія. Баронъ Гревеницъ попросилъ аудіенціи у Президента Реландеръ и велъ съ нимъ въ теченіе двухъ часовъ бесѣду объ отношеніяхъ будущей свободной Россіи и Финляндіи. Послѣ этой аудіенціи, Гревеницъ написалъ подробный отчетъ о ней Совѣщанію Пословъ въ Парижѣ, и не рискуя послать его по почтѣ, довѣрилъ его французскому военному атташе, уѣзжавшему въ Парижъ и обѣщавшему лично доставить его по адресу.

Черезъ нѣкоторое время, въ газетѣ «Правда» былъ напечатанъ полностью докладъ Барона Гревеницъ Гирсу, Предсѣдателю Совѣщанія Русскихъ Пословъ въ Парижѣ. Одновременно Совѣтскій Посолъ въ Финляндіи предъявилъ финляндскому правительству ноту съ требованіемъ разгона всѣхъ русскихъ организацій, занимающихся политической дѣятельностью. Финляндское правительство было въ полной паникѣ, особенно былъ возмущенъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Ялмаръ Прокопе. Послѣ длительныхъ переговоровъ Правительства съ Президентомъ Реландеръ, было рѣшено немедленно распустить Особый Комитетъ и предложить Барону Гревеницъ покинуть Финляндію.

Но одновременно было предложено Особому Комитету подать заявленіе объ открытіи новаго Особаго Комитета съ новымъ составомъ правленія. Соціальный Министръ утвердилъ новый уставъ въ 1928 году. Предсѣдателемъ новаго Особаго Комитета былъ избранъ Профессоръ Г. Ф. Цейдлеръ, извѣстный хирургъ, который въ Финляндіи не имѣлъ права практики, хотя

и былъ финляндскимъ уроженцемъ, потому что отъ него требовали пересдачи экзаменовъ по медицинѣ, что онъ считалъ ниже своего достоинства.

Баронъ Б. Н. Гревеницъ оставался за границей около года. Онъ вернулся затѣмъ въ Финляндію частнымъ порядкомъ. Когда на посту Министра Иностранныхъ Дѣлъ Прокопе смѣнилъ Гольсти, рѣшили смотрѣть сквозь пальцы на работу Барона Гревеницъ въ Правленіи Особаго Комитета, а съ 1933 года онъ опять вошелъ въ Правленіе уже официально и руководилъ дѣятельностью Особаго Комитета.

Съ 1928 года Представителемъ Особаго Комитета въ Гельсингфорсѣ, послѣ отъѣзда Полковника А. Н. Фену за границу, былъ А. Ю. Бушъ, бывшій крупный чиновникъ Министерства Финансовъ. Послѣ его смерти въ 1932 году, Представителемъ Особаго Комитета сталъ Баронъ С. В. Унгернъ-Штернбергъ, бывшій чиновникъ особыхъ порученій при Губернаторѣ Нюландской губерніи (губернскій городъ Гельсингфорсъ). Когда онъ умеръ въ 1936 году, Представителемъ Особаго Комитета сталъ Ротмистръ Д. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Въ 1939 году, когда началась война Финляндіи съ Совѣтскимъ Союзомъ и Правленіе Особаго Комитета переѣхало изъ Выборга въ Гельсингфорсъ, Кузьминъ-Караваевъ сталъ Управляющимъ Дѣлами Комитета и первымъ сотрудникомъ Барона Гревеницъ.

До 1939 года существовало одно убѣжище для неимущихъ русскихъ престарѣлыхъ эмигрантовъ въ Халлила на шестьдесятъ человѣкъ. Управляющимъ его былъ полковникъ В. А. Балицкій. Съ началомъ войны пришлось это убѣжище эвакуировать и для него удалось найти помѣщеніе подъ Борго (маленькій городокъ въ часѣ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Гельсингфорса) въ имѣніи крупнаго помѣщика Эклевъ, жена-таго на дочери Полковника Фену.

Лишенные своихъ дачъ и имѣній на Карельскомъ Перешейкѣ, который по мирному договору отошелъ къ Совѣтскому Союзу, масса русскихъ бѣженцевъ появилась въ Гельсингфорсѣ. Они не имѣли ни крова надъ головой, ни средствъ къ существованію и выяснилась необходимость второго убѣжища. Финляндское

правительство отпустило на него средства. Переговоры велись съ Президентомъ Республики Кекконенъ, который былъ въ то время Предсѣдателемъ Комитета Помощи Эвакуированнымъ изъ занятыхъ большевиками частей Финляндіи. На помощь пришла также г-жа Нобель изъ Стокгольма. Удалось найти подходящий домъ, который былъ приспособленъ для убѣжища въ 1940 году. Первымъ его Завѣдующимъ сталъ Генераль Явидъ (последній Командиръ Лейбъ-Гвардіи 1-ой Артиллерійской бригады).

Послѣ второй міровой войны задача Особого Комитета сводится къ содержанію этихъ двухъ убѣжищъ для престарѣлыхъ русскихъ и средства на нихъ отпускаются финляндскимъ правительствомъ. Но этихъ средствъ не хватаетъ и они пополняются пожертвованіями.

Русская Колонія въ Финляндіи.

Наряду съ Особымъ Комитетомъ по Дѣламъ Русскихъ въ Финляндіи, въ 1918 году было основано въ Гельсингфорсѣ общество «Русская Колонія въ Финляндіи», имѣвшая задачей объединить оставшихся въ Финляндіи русскихъ, какъ проживавшихъ въ ней до революціи, такъ и обосновавшихся въ ней въ качествѣ эмигрантовъ, и оказывать имъ матеріальную и моральную поддержку.

Контингентъ русскихъ, проживавшихъ въ Финляндіи до революціи, состоялъ изъ мѣстнаго русскаго купечества, чиновниковъ и персонала учебныхъ заведеній. Ихъ было два: Александровская мужская и Маріинская женская гимназіи.

Не чувствуя достаточнаго контакта съ эмигрантами — бывшими военными и представителями чиновничества, а также свободныхъ профессій — купечество уже въ 1920 году вышло изъ Русской Колоніи и образовало «Русскій Купеческій Клубъ».

Въ 1924 году пріѣхалъ въ Финляндію эmissаръ Генерала Врангеля, генераль Я. Д. Юзефовичъ, съ цѣлью открыть отдѣленіе Обще-Воинскаго Союза. Финляндское правительство отрицательно отнеслось къ

этой инициативѣ и когда Генераль Юзефовичъ вмѣстѣ съ Полковникомъ Фену посѣтилъ Нюландскаго Губернатора Яландеръ и указалъ, что въ интересахъ финляндскихъ властей, чтобы проживающіе въ Финляндіи русскіе офицеры были-бы зарегистрированы и объединены, тотъ имъ возразилъ, что уже существуетъ зарегистрированное общество «Русская Колонія въ Финляндіи», которое должно объединить и офицеровъ.

Проживающіе въ Гельсингфорсѣ русскіе офицеры стали записываться въ «Русскую Колонію», но это не входило въ интересы Совѣта, возглавлявшаго эту организацію. Совѣтъ боялся усиленія эмигрантскаго элемента и сталъ отклонять пріемъ новыхъ членовъ. Къ этому времени образовалась группа членовъ Колоніи, оппозиціонно настроенная противъ линіи, которой придерживался Совѣтъ и въ 1925 году ему было выражено недовѣріе. Предсѣдатель Совѣта Р. К. Раупахъ, б. военный слѣдователь и юрисконсультъ мужской русской гимназіи, покинулъ свой постъ и ряды Колоніи вмѣстѣ съ нѣсколькими сотрудниками. Совѣтъ общества «Русская Колонія» измѣнилъ свой характеръ и его предсѣдателемъ былъ избранъ Графъ В. А. Буксгевденъ, б. чиновникъ Министерства Двора, а во время войны офицеръ штаба Генерала Лечицкаго (командующаго IX арміи).

Новый составъ Совѣта Русской Колоніи рѣшилъ расширить дѣятельность общества, открыть клубъ и Благотворительный Отдѣлъ, во главѣ котораго встала Ольга Александровна Кузьмина-Караваева, внучка популярнаго въ Финляндіи генераль-губернатора гр. Гейденъ, и жена выше упоминаемаго ротмистра Д. Д. Кузьмина-Караваева.

Графъ В. А. Буксгевденъ былъ предсѣдателемъ общества «Русская Колонія въ Финляндіи» съ 1925 по 1932 годъ.

Въ 1932 году на его мѣсто былъ избранъ Баронъ Р. А. Штакельбергъ, начальникъ Походной Канцеляріи Министерства Двора въ званіи церемоніймейстера. Его кандидатура была выставлена ввиду того, что онъ имѣлъ большія связи въ финляндскихъ промышленныхъ кругахъ и могъ такимъ образомъ привлекать

пожертвованія. Онъ оставался на этомъ посту до своей смерти, послѣдовавшей 3-го сентября 1940 года.

Его преемникомъ былъ избранъ Полковникъ М. Б. Небо, который предсѣдательствовалъ до 1942 года. Послѣ него предсѣдателемъ былъ Графъ В. А. Буксгевденъ, занимавшій этотъ постъ до своей смерти въ 1944 году.

Перемиріе между Совѣтскимъ Союзомъ и Финляндіей было заключено въ сентябрѣ 1944 года, послѣ чего въ Финляндію прибыла Совѣтская Контрольная Комиссія, возглавляемая Генераломъ Ждановымъ, который сталъ по существу диктаторомъ въ Финляндіи и диктовалъ свои требованія финляндскому правительству.

19-го января 1945 года, подъ давленіемъ Совѣтскаго правительства, общество «Русская Колонія въ Финляндіи» было закрыто, такъ же какъ и прочія русскія организациі, за исключеніемъ Особаго Комитета.

За время своего существованія, у общества «Русская Колонія» были корректныя отношенія съ финляндскими властями. Это объясняется тѣмъ, что этимъ послѣднимъ было легче наблюдать за эмиграціей, объединенной въ Колоніи.

Съ 1925 года общество «Русская Колонія» устраивала ежегодно благотворительныя вечера для усиленія средствъ въ одномъ изъ самыхъ большихъ ресторановъ Гельсингфорса; эти вечера хорошо посѣщались финляндской публикой, въ особенности тѣми финляндцами, которые служили или жили раньше въ Россіи.

Трудовая Секція Русской Колоніи.

Приблизительно въ 1920 году образовалась въ Гельсингфорсѣ Русская Трудовая Артель, которая для начала, купивъ лошадь съ телѣгой, занималась доставкой на рынокъ продуктовъ русскихъ огородниковъ. Изъ этого начинанія ничего не вышло и въ 1925 году новый составъ Совѣта Русской Колоніи открылъ Трудовую Секцію. Сперва ея дѣятельность ограничивалась тѣмъ, что спеціальнѣйшій уполномоченный Н. П. Пастер-

накъ устраивалъ безработныхъ русскихъ въ крупныхъ финляндскихъ предпріятіяхъ. Позднѣе, уже въ 30-хъ годахъ, когда новое помѣщеніе клуба это позволило, стали устраиваться ежегодно предрождественскіе базары, на которыхъ продавались издѣлія русскихъ бѣженцевъ, главнымъ образомъ съ Карельскаго перешейка, гдѣ много осѣло русскихъ, имѣвшихъ тамъ до революціи свои имѣнія и дачи.

Былъ открытъ рядъ мастерскихъ, но изъ нихъ развилась только игрушечная, подъ руководствомъ Полковника Генеральго Штаба С. Э. Виттенберга, существовавшая до самой его смерти въ 1961 году.

Офицерскія организациі.

1) *Объединеніе офицеровъ Императорской Арміи и Флота.*

Его предсѣдателями были: Генераль К. М. Адариди, Генераль Иванъ Р. Эттеръ (оба Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка) и Генераль Ю. А. Явидъ (последній командиръ Лейбъ-Гвардіи 1-ой Артиллерійской Бригады).

Это объединеніе было создано только въ 30-хъ годахъ, когда мы уже жили въ Гельсингфорсѣ и мой мужъ, Подполковникъ С. С. Еленевскій, былъ однимъ изъ его самыхъ энергичныхъ инициаторовъ, и я вернусь къ этому вопросу позже.

2) *Объединеніе Кавалеріи,*

основанное въ 1929 году на базѣ б. юнкеровъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища.

Почетнымъ его Предсѣдателемъ былъ Генераль В. А. Альфтанъ, Предсѣдателемъ Полковникъ В. Э. Гогенталь и секретаремъ Капитанъ В. И. Гранбергъ.

3) *Морское Объединеніе, распавшееся на двѣ группы:*

а) К а ю т ь - К о м п а н і я   М о р с к и х ъ
О ф и ц е р о в ъ ,

состоявшая преимущественно изъ финляндцевъ, служившихъ до революціи въ русскомъ флотѣ. Во главѣ ея стоялъ б. Старшій Лейтенантъ Г. Р. Геккертъ, ставшій первымъ командующимъ финляндскаго флота послѣ отдѣленія Финляндіи отъ Россіи.

- б) Морскіе офицеры - эмигранты, во главѣ которыхъ стоялъ Капитанъ 1-го ранга П. В. Вилькенъ.

Празднованіе Корпуснаго Праздника 6-го ноября ст. ст. устраивалось обѣими организаціями совмѣстно.

- 4) *Неофициальный Отдѣлъ Обще-Воинскаго Союза* возглавлялся артиллерійскимъ Генераломъ Ф. А. Чижиковымъ.
- 5) *Былъ Отдѣлъ военно-учебныхъ курсовъ Генерала Головина.*

Учебныя заведенія.

До революціи, просвѣтительная дѣтельность среди русскихъ въ Финляндіи велась Александровской мужской и Маріинской женской гимназіями.

Гельсингфорская Александровская Гимназія Министерства Народнаго Просвѣщенія начала строить новое помѣщеніе въ 1916 г. и постройка этого дома была закончена къ концу 1917 г. По русскимъ законамъ, этотъ домъ, строившійся на казенныя деньги, могъ быть переданъ Министерству Народнаго Просвѣщенія лишь послѣ осмотра его и приѣма спеціальной Комиссіей Государственнаго Контроля. Заинтересованнымъ лицамъ удалось его отстоять и онъ былъ признанъ финляндскимъ правительствомъ какъ частная собственность учителей гимназіи. Эти послѣдніе продали зданіе Финляндскому Военному Министерству, а деньги подѣлили между собой. Это вызвало большое возмущеніе въ русскихъ кругахъ Финляндіи и въ выходящей въ то время гельсингфорской газетѣ «Русская

Жизнь » была поднята компанія, въ результатѣ которой нѣсколько учителей отказались отъ выданныхъ имъ денегъ и открыли на нихъ русскую гимназію. Помѣщеніе для нея было предоставлено въ приходскомъ домѣ. Ректоромъ новой гимназіи сталъ В. М. Поповъ, учитель географіи.

Эта гимназія просуществовала до середины 1930-хъ годовъ, когда, за отсутствіемъ учениковъ, была закрыта.

Великолѣпно оборудованное зданіе русской гимназіи, проданное Военному Министерству Финляндіи, было приспособлено подъ финляндскій кадетскій корпусъ. Позднѣе въ этомъ зданіи помѣщался зоологическій музей.

Русскіе скауты въ Финляндіи.

Г. Н. Николаевъ, принимавшій участіе въ скаутской организаціи въ Россіи, обосновавшись послѣ революціи въ Финляндіи, собралъ небольшую группу мальчиковъ и дѣвочекъ для организаціи русскихъ скаутовъ въ Финляндіи. Въ эту группу вошли оба сына Полковника С. Э. Виттенберга, о которомъ упоминалось выше въ связи съ игрушечной мастерской.

Видя, что у Николаева дѣло не особенно ладится, Полковникъ Виттенбергъ взялъ организацію русскихъ скаутовъ въ свои руки и вступилъ въ переговоры съ финляндскимъ правительствомъ, не считавшимъ возможнымъ зарегистрировать отдѣльно отрядъ русскихъ скаутовъ.

Въ Финляндіи имѣлось три секціи скаутовъ: финская, шведская и свободная, во главѣ которой стоялъ докторъ Доннеръ. Отрядъ русскихъ скаутовъ былъ принятъ въ свободную секцію на автономныхъ началахъ.

Помѣщеніе для скаутовъ было получено въ Табуновскомъ училищѣ — приходской школѣ для малолѣтнихъ, типа народной школы. Мастерскихъ оборудовано не было, но дѣти воспитывались въ русскомъ духѣ, ихъ знакомили съ русской исторіей, обучали русскимъ пѣснямъ, и занимались съ ними гимнастикой.

Послѣ приѣзда въ Гельсингфорсѣ Капитана В. И. Гранберга, финляндскаго уроженца служившаго въ русской гвардіи, въ 1-омъ Его Величества Стрѣлковомъ полку и участвовавшаго въ бѣломъ движеніи, въ Сѣверо-Западной Арміи, онъ сталъ вѣрнымъ помощникомъ Полковника Виттенберга и большую часть своего свободнаго времени посвящалъ скаутамъ.

Драматическіе кружки и др. художественныя объединенія.

Въ Гельсингфорсѣ было три драматическихъ любительскихъ труппы:

- 1) Русскій Драматическій Кружокъ, основанный въ 1920 году;
- 2) Драматическій Кружокъ имени Ведринской и
- 3) Драматическій Кружокъ при Организациіи молодежи «Звено».

Было литературно-художественное общество «Веретено».

Въ Гельсингфорсѣ основалось также Общество Русскихъ Художниковъ, устраивавшее ежегодно интересныя выставки.

Существовалъ хорошій русскій смѣшанный хоръ, а также хоръ балалаечниковъ, подъ управленіемъ Губерта.

* * *

Такъ была налажена жизнь русскихъ эмигрантовъ въ Гельсингфорсѣ, когда мы въ немъ обосновались въ декабрѣ 1933 г.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, посвященныхъ устройству нашихъ личныхъ дѣлъ, мы вступили въ общество «Друзей Русскихъ Скаутовъ», предсѣдательницей котораго была Баронесса Е. И. Майдель.

На обязанности этого общества лежало присканіе средствъ для этой организациіи и празднованіе въ клубѣ Дня Покровителя скаутовъ св. Георгія, 23-го

апрѣля, послѣ ежегоднаго парада, имѣвшаго мѣсто въ этотъ день.

Пріятно было видѣть, какъ четко шелъ на парадъ русскій скаутскій отрядъ съ Полковникомъ С. Э. Виттенбергомъ и Капитаномъ В. И. Гранбергомъ во главѣ. Своей подтянутостью онъ выгодно отличался отъ финляндскихъ скаутовъ. День парада былъ обыкновенно солнечнымъ и настроеніе приподнятымъ.

Послѣ парада въ Русскомъ Клубѣ устраивался для скаутовъ чай, къ которому дамы Общества Друзей напекали сладкихъ булокъ, ватрушекъ и тортовъ, надѣлывали бутербродовъ, накупали сластей. Все это съ наслажденіемъ поѣдалось скаутской молодежью.

Напившись чаю, скауты пѣли всякія русскія народныя и патріотическія пѣсни, глаза ихъ блестѣли, щеки горѣли и на минуту забывалось, что мы въ чужой странѣ, на положеніи терпимаго элемента и мы видѣли въ этихъ русскихъ подросткахъ нашу смѣну.

Въ 1937 г. русскіе скауты, въ сопровожденіи баронессы Майдель и Капитана Гранберга ѣздили на Валаамъ. Монастырь произвелъ на эту молодежь сильнѣйшее впечатлѣніе. У вечернихъ костровъ они жадно слушали Гранберга, рассказывавшаго имъ о русскихъ монастыряхъ и объ ихъ просвѣтительной дѣятельности. На Валаамѣ эти юноши и дѣвушки, выросшіе за границей, соприкоснулись съ чисто русской атмосферой и она ихъ захватила.

Для сбора средствъ общество «Друзей Русскихъ Скаутовъ» устраивало концерты. На одномъ изъ нихъ выступалъ Димитрій Смирновъ, пріѣхавшій изъ Эстоніи. Для тѣхъ, кто слышалъ его въ дни его расцвѣта, было болѣе чѣмъ грустно слушать его теперь. Даже его искусство пѣть не могло скрасить его почти полное отсутствіе голоса. Публика ему сильно аплодировала, въ память его блестящаго прошлаго, но у многихъ пожилыхъ слушателей были слезы на глазахъ.

Послѣ концерта, въ «Русскомъ Клубѣ» былъ устроенъ ужинъ въ его честь. Мнѣ пришлось сидѣть противъ него по длинной сторонѣ стола и у насъ завя-

залась бесѣда. Смирновъ мнѣ жаловался на свое тяжелое нравственное состояніе, говорилъ, что онъ знаетъ, что ему больше не увидѣть Россіи, безъ которой жизнь потеряла для него всякій смыслъ и ему оставалось только доживать свой вѣкъ среди чуждыхъ по духу людей. Я ему очень сочувствовала, такъ какъ у меня самой часто бывало подобное настроеніе. Какое же было мое разочарованіе, когда я узнала, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего выступленія въ Гельсингфорсѣ, Смирновъ женился на 18-лѣтней, кажется эстонкѣ...

* * *

Какъ я указывала выше, при обществѣ «Русская Колонія» былъ основанъ Благотворительный Отдѣлъ, который возглавила Ольга Александровна Кузьмина-Караваева, жена Ротмистра Д. Д. Кузьмина-Караваева, урожденная графиня Гейденъ.

Ея дѣдушка былъ Генераль-Губернаторомъ Финляндіи въ концѣ прошлаго столѣтія и несмотря на то, что отношеніе финляндцевъ къ Россіи стало портиться въ связи съ урѣзываніемъ ихъ правъ, онъ сумѣлъ завоевать громадную популярность и финляндцы сохранили о немъ благодарную память. Намъ рассказывала его другая внучка, съ которой мы познакомились въ одно изъ нашихъ путешествій въ Римъ, что однажды въ концѣ двадцатыхъ годовъ она поѣхала въ Гельсингфорсѣ, чтобы погостить у своей двоюродной сестры, О. А. Кузьминой-Караваевой. Такъ какъ средства у нея были очень скромныя, она ѣхала вторымъ классомъ на пароходѣ. За обѣдомъ, капитанъ парохода посадилъ ее за свой столъ и справился, въ родствѣ ли она съ бывшимъ Генераль-Губернаторомъ Финляндіи. Узнавъ, что она его внучка, онъ приказалъ отвести ей каюту перваго класса и прислалъ въ нее фрукты и прохладительные напитки. «Вы окажете мнѣ честь, принявъ мое гостепримство», сказалъ онъ гр. Гейденъ.

Ольга Александровна Кузьмина-Караваева была идеальной предсѣдательницей Благотворительнаго от-

дѣла и всецѣло посвящала ему все свободное отъ уроковъ музыки время. Она лично посѣщала лицъ, подававшихъ прошенія о вспомошествованіи, чтобы убѣдиться въ ихъ нуждахъ, и докладывала о нихъ дамамъ Благотворительнаго комитета, которыя вмѣстѣ съ ней распредѣляли затѣмъ пожертвованія.

При Благотворительномъ Отдѣлѣ былъ также вещевой складъ, изъ котораго выдавались вещевыя пособія.

Какъ уже было указано, ежегодно устраивались благотворительные вечера, приносившіе до 40.000 марокъ.

Эти вечера устраивались Предсѣдателемъ Русской Колоніи въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми членами этого общества, съ непремѣннымъ участіемъ О.А. Кузьминой-Караваевой и гр. Е. А. Буксгевденъ.

Художественная часть программы была въ рукахъ балетмейстера финской оперы Г. Э. Ге и А. Н. Сакселинъ, начавшихъ свою балетную карьеру при Маринскомъ театрѣ въ Петербургѣ.

* * *

Какъ я уже упоминала, въ Финляндіи было меньшинство православнаго вѣроисповѣданія. Послѣ того, какъ Финляндія стала самостоятельной, Финляндская православная епархія взяла въ свое веденіе всѣ православныя церкви, ввела новый стиль и предписала, чтобы службы на славянскомъ языкѣ чередовались со службами на финскомъ языкѣ. Русскіе эмигранты стали себя чувствовать чуждымъ элементомъ и въ 1929 г. была основана въ Выборгѣ эмигрантская община, подчиненная Епископу Евлогію.

Въ Гельсингфорсѣ былъ основанъ подотдѣлъ православной Выборгской общины, возглавлявшейся о. Свѣтловскимъ. Настоятелемъ Гельсингфорской православной общины сталъ о. Николай Щукинъ, очень свѣтлая личность. Въ прошломъ артиллерійскій чиновникъ, онъ принялъ священство въ Кронштадтѣ въ 1920 г., когда, какъ извѣстно, священники подвергались большимъ преслѣдованіямъ. Послѣ кронштадт-

скаго возстанія, о. Щукинъ попалъ въ Финляндію. Глубоко вѣрующій, о. Николай не признавалъ святошества и, какъ и во времена своей военной службы, любилъ бывать въ обществѣ военныхъ и не отказывался отъ выпивки. Этимъ онъ располагалъ къ себѣ всѣхъ и это нисколько не мѣшало видѣть въ немъ добраго пастыря, къ которому можно было обратиться въ минуты душевной тревоги.

Когда мы переѣхали въ 1933 г. въ Гельсингфорсъ, Община помѣщалась въ болѣе чѣмъ скромномъ деревянномъ домѣ, въ рабочемъ кварталѣ. По сравненію съ великолѣпнымъ соборомъ, она производила очень бѣдное впечатлѣніе, но при видѣ расписанныхъ трудами прихожанъ царскихъ вратъ и многочисленныхъ иконъ на ея стѣнахъ, самодѣльныхъ подсвѣчниковъ и прочей церковной утвари, невольно поддавался атмосферѣ любви и жертвенности прихожанъ къ своей церкви и становилось тепло на душѣ.

Руководители Общиной собирали, однако, упорно средства и въ 1936 г. была построена небольшая каменная церковь въ новгородскомъ стилѣ, всегда переполненная молящимися.

У Общины былъ очень недурной смѣшанный хоръ, который не могъ однако сравниться съ великолѣпнымъ хоромъ Собора.

* * *

Зимой 1934 г., мѣсяца черезъ три послѣ нашего переѣзда изъ Або въ Гельсингфорсъ, пріѣхала пѣвица Плевацкая и дала три концерта. Эти концерты были большимъ событіемъ въ жизни русской эмиграціи, да и не только ея. Многіе финляндцы, слышавшіе ее раньше въ Россіи, пришли на эти концерты; на одномъ изъ нихъ самъ Маршалъ Маннергеймъ сидѣлъ въ первомъ ряду и такъ же съ жаромъ аплодировалъ, какъ и прочая публика. Когда Плевацкая пѣла пѣсню: «Я тогда еще молодушкой была, наша армія въ походъ куда-то шла», она все время смотрѣла въ сторону Маннергейма и у него былъ взволнованный видъ. Навѣрное вспоминалось ему, финляндскому маршалу,

какъ онъ былъ блестящимъ кавалергардомъ и русская армія была также «его» арміей.

Голосъ Плевицкой еще прекрасно звучалъ, а исполненіе было мастерскимъ. На меня особенное впечатлѣніе произвело ея исполненіе пѣсни «Замело тебя снѣгомъ Россія». Тогда показалось бы чудовищнымъ, если бы кто-нибудь сказалъ, что эта русская женщина, съ рыданіемъ въ голосъ пѣвшая о страдающей родинѣ, уже готовится къ участию въ предательствѣ одного изъ русскихъ бѣлыхъ вождей въ Парижѣ.

* * *

Быстро прошла первая зима въ финляндской столицѣ. Приближалось лѣто и вставалъ вопросъ гдѣ провести лѣтніе каникулы. Ввиду того, что я въ предшествующемъ году совсѣмъ не пользовалось отпускомъ, Швейцарское Министерство Иностраннхъ Дѣлъ дало мнѣ двойной отпускъ, т.е. восемь недѣль, изъ которыхъ я рѣшила шесть недѣль взять лѣтомъ и двѣ недѣли оставить на осень. Мужъ могъ также себѣ позволить шестинедѣльное отсутствіе, такъ какъ мастерская его еще не начала работать полнымъ ходомъ.

Когда нашъ большой другъ, финляндецъ Э. И. Тальгрень, бравшій у меня уроки русскаго языка въ Або, а теперь служившій въ туристическомъ бюро, узналъ о нашемъ желаніи провести нашъ лѣтній отпускъ въ деревнѣ, но съ комфортомъ, онъ сталъ намъ совѣтовать поѣхать въ пансіонъ Баронессы Кноррингъ въ восточной Финляндіи. Когда мы отъ него услышали, что Баронесса Кноррингъ вдова русскаго морскаго офицера и что въ ея пансіонѣ два стола — финляндскій и русскій — мы сразу рѣшили провести нашъ отпускъ въ ея «Кивимякахъ».

Между прочимъ я очень гордилась своимъ ученикомъ Тальгреномъ, такъ какъ онъ настолько овладѣлъ русскимъ языкомъ, что во время совѣтско-финляндской войны былъ официальнымъ военнымъ переводчикомъ.

Правда его знанія русскаго языка не всецѣло моя заслуга, такъ какъ имѣя необычайный интересъ и

тяготѣніе ко всему русскому, Тальгрень постоянно бывалъ въ русскомъ обществѣ. Онъ снималъ комнату въ нашей семьѣ, когда служилъ въ банкѣ въ Або, а у насъ, какъ я упоминала выше, встрѣчались всѣ интеллигентные русскіе эмигранты, проживающіе въ Або.

И вотъ за недѣлю до Иванова Дня, мы слѣзали съ поѣзда на станціи «Кивимяки», на которой насъ встрѣтилъ кучеръ Густавъ съ лошадыю. Пять километровъ отъ станціи мы ѣхали чуднымъ хвойнымъ лѣсомъ и подѣхали къ красивой двухэтажной дачѣ на высокомъ берегу, съ котораго открывался живописнѣйшій видъ на громадное озеро Кивиярви съ большимъ количествомъ островковъ. Дача была построена отцомъ Баронессы Кноррингъ, богатымъ маклеромъ, съ большимъ количествомъ комнатъ, прекрасно обставленныхъ. Оставшись вдовой, баронесса рѣшила открыть пансіонъ въ этой дачѣ и построила на томъ же участкѣ еще другую дачу въ два этажа въ норвежскомъ стилѣ. Она могла принимать одновременно до сорока члвкъ пансіонеровъ. Ея вѣрными помощницами въ этомъ начинаніи были двѣ сестры, служившія у нея еще до революціи, одна въ качествѣ кухарки, другая горничной. Кухарка была «за повара» какъ говорили въ Петербургѣ, и стряпала безподобно. Баронесса нанимала въ сезонное время ей въ помощницы кухарку-финку, хорошо готовившую финскія блюда, такъ что столъ былъ первоклассный и на всѣ вкусы.

Баронесса намъ отвела бывшую спальню своихъ родителей, съ двумя прекрасными кроватями, зеркальнымъ шкафомъ, оттоманкой и письменнымъ столомъ. Комната эта помѣщалась во второмъ этажѣ и съ ея балкона открывался дивный видъ на озеро.

Составъ пансіонеровъ былъ также пріятнымъ. Высокая плата исключала возможность пребыванія въ пансіонѣ для рабочихъ и представителей мелкой финляндской буржуазіи. Кромѣ того и сама Баронесса Кноррингъ не сдавала комнатъ, не навѣдя справокъ о гостяхъ, такъ что у нея можно было встрѣтить только «сливки» финляндскаго общества, а также отдѣль-

ныхъ эмигрантовъ, заработокъ которыхъ позволялъ имъ отдыхать въ этомъ первоклассномъ пансіонѣ.

Въ это лѣто 1934 г. на наше счастье, среди пансіонеровъ было значительное число русскихъ. Здѣсь мы познакомились съ очень пріятной четой, которая стала нашими закадычными друзьями: юристомъ З. Г. Лундквистъ, третьимъ директоромъ Казначейства, и его женой, петербурженкой.

Софья Алексѣевна Лундквистъ, дочь офицера, татарина Ядыга, и польской дворянки, хотя и не была русской по крови, была стопроцентной русской по темпераменту, по сердцу и уму. З. Г. Лундквистъ былъ ея вторымъ мужемъ. Ея первый мужъ Бѣлоусовъ, умершій всего 37-и лѣтъ, имѣлъ большое издательство въ Петербургѣ. У нихъ было двое дѣтей: сынъ Левъ, погибшій 19-ти лѣтъ при большевикахъ, и дочь Тамара. З. Г. Лундквистъ вызволилъ ее изъ Россіи въ 1920 году, удочерилъ и любилъ ее безъ памяти. Осенью 1933 г. Тамара погибла и причина ея смерти не могла быть выяснена. На мосткахъ у залива подъ Гельсингфорсомъ нашли ея шляпу и сумочку, а затѣмъ извлекли ея тѣло изъ воды. Такъ какъ она была совсѣмъ одна и никого по близости не было, такъ и не узнали: покончила-ли она съ собой или потеряла сознание отъ солнечнаго удара и упала въ воду.

Софія Алексѣевна была еще совсѣмъ подъ впечатлѣніемъ смерти своей дочери и выглядѣла подавленной. Только временами она оживала, въ особенности вспоминая концерты Плевицкой и такъ мастерски подражала ей, что несмотря на совсѣмъ другую внѣшность, казалось, что видишь передъ собой знаменитую пѣвицу.

З. Г. Лундквистъ былъ изъ числа финляндцевъ, любившихъ Россію. Служа въ Финляндскомъ Сенатѣ, онъ былъ командированъ въ 1911 г. въ Петербургъ въ Министерство Земледѣлія и тамъ познакомился съ Софіей Алексѣвной. Несмотря на высокій постъ, который онъ занималъ, онъ любилъ бывать среди русскихъ, никогда не стѣснялся говорить по русски. Мнѣ не нравилось только, что онъ былъ масономъ. Но масонство сильно распространено какъ среди финлянд-

цевъ, такъ и среди шведовъ, и теперешній король Густавъ VI Адольфъ, также масонъ высокой степени.

Въ началѣ іюля, когда пансіонъ былъ заполненъ, Баронесса Кноррингъ устроила на большой крытой верандѣ выставку работъ молодого бѣженца Макса Лео. Его отецъ былъ профессоромъ латинскаго языка въ Петербургѣ и женатымъ на прекрасной піанисткѣ. У нихъ было трое дѣтей: два сына и дочь. Незадолго до революціи Лео купили участокъ земли по сосѣдству съ Баронессой Кноррингъ и построили скромную дачу. Послѣ революціи они въ ней обосновались. Самъ Лео, уже преклоннаго возраста и слабого здоровья, не былъ способнымъ на физической трудъ, а по профессіи не могъ устроиться, не зная мѣстныхъ языковъ. Его жена зарабатывала зимой, играя на роялѣ въ кинематографѣ въ Выборгѣ, дѣти учились въ русскомъ училищѣ въ Перкіярви. Окончивъ среднюю школу, они старались помочь родителямъ, зарабатывая какъ могли. Максъ Лео чувствовалъ въ себѣ недюженныя способности къ живописи и баронесса устроила выставку его работъ, чтобы заинтересовать имъ кого-нибудь изъ своихъ богатыхъ пансіонеровъ. Дѣйствительно, нѣсколько выборгскихъ дамъ, проживавшихъ въ пансіонѣ, сговорились между собой, чтобы дать Максу Лео возможность учиться въ Школѣ живописи въ Выборгѣ. Когда началось переселеніе изъ Финляндіи въ Германію лицъ нѣмецкаго происхожденія, онъ уѣхалъ въ Берлинъ и черезъ два года мы получили отъ него каталогъ съ его выставки картинъ, изъ которыхъ нѣсколько были куплены для канцеляріи Гитлера. Несомнѣнно, что у него былъ большой талантъ. До насъ дошли черезъ его родственниковъ слухи, что онъ былъ призванъ нѣмцами на военную службу и повидимому погибъ.

На выставкѣ его работъ въ «Кивимякахъ», мы купили его акварель, копію съ картины лѣса въ весенній разливъ художницы Федоровой и эта картина по сегодняшній день украшаетъ стѣну одной изъ нашихъ комнатъ.

Сестру Макса, Наташу, мой мужъ взялъ портничой въ свою мастерскую.

Подобно Баронессѣ Кноррингъ, многіе русскіе, имѣвшіе до революціи нарядныя дачи или имѣнія въ Финляндіи, главнымъ образомъ на Карельскомъ перешейкѣ, превратили ихъ въ пансіоны. На Карельскомъ перешейкѣ многіе петербуржцы охотно проводили лѣто ввиду живописной мѣстности, хорошихъ морскихъ купаній и близости къ столицѣ. И извѣстный писатель Леонидъ Андреевъ, и художникъ Рѣпинъ имѣли дачи въ этой части Финляндіи.

* * *

Зимы съ 1935 по 1938 годы включительно протекали очень оживленно въ Гельсингфорсѣ. Нарядные вечера въ пользу «Благотворительнаго Отдѣла», пред рождественскіе базары, многочисленные русскіе спектакли смѣняли одни другихъ.

Въ финляндской столицѣ было три драматическихъ труппы, которыя насчитывали нѣсколько очень талантливыхъ актеровъ. Среди нихъ стоитъ упомянуть А. Л. Баумгартена, б. лицеиста, прекраснаго комика и обладавшаго недурнымъ голосомъ. Онъ былъ прямо великолѣпенъ въ роли «Городничаго» и выступалъ съ большимъ успѣхомъ въ опереткѣ «Гейша». Затѣмъ двое братьевъ Щепанскихъ и жена старшаго Ирина. Она была талантливой артисткой; къ сожалѣнію, ея исключительно некрасивая внѣшность, которую нельзя было скрасить никакимъ гриммомъ, не позволяла ей исполнять роли молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Младшій братъ ея мужа, талантливый артистъ, былъ въ то же время хорошимъ режиссеромъ. Запомнилась его постановка «Чертова колеса» Ренникова, въ которомъ онъ самъ исполнялъ роль черта.

Наконецъ прекрасной исполнительницей бытовыхъ ролей была С. И. Студницкая.

Помимо ежегодно устраиваемыхъ выставокъ художниковъ-эмигрантовъ, среди которыхъ самымъ талантливымъ былъ акварелистъ В. П. Семеновъ Тянь-Шанскій, сынъ извѣстнаго изслѣдователя, за эти годы состоялись двѣ очень интересныя выставки: одна Богданова-Бѣльскаго, жившаго въ Ригѣ, и Рѣпина,

которая состояла главнымъ образомъ изъ рисунковъ и набросковъ.

Богдановъ-Бѣльскій привезъ большую коллекцію картинъ, сочныхъ по краскамъ и разнообразныхъ по содержанію. Исключительно хороша была группа крестьянскихъ дѣтей въ церкви у иконы Божьей Матери. Въ ихъ глазахъ замѣчательно отражались огни свѣчей, горѣвшихъ передъ образомъ. Затѣмъ картина изображавшая дѣтишекъ, ѣдущихъ на розвальняхъ, другая дѣтей, катающихся на салазкахъ на опушкѣ лѣса въ мартовскій день, съ голубыми тѣнями на снѣгу. Красочность картинъ Богданова-Бѣльскаго всегда была поразительной.

На выставкѣ Рѣпина мы познакомились съ его дочерью Вѣрой Ильиничной. Видя, что мы подолгу задерживаемся у выставленныхъ набросковъ, — а народу въ это время было мало на выставкѣ — она подошла къ намъ и стала объяснять для какой картины были сдѣланы какіе наброски и обошла съ нами всю выставку. Прощаясь, она пригласила насъ посѣтить ихъ дачу « Пенаты », чего намъ, къ сожалѣнію, не удалось сдѣлать.

Всѣ русскія организациі дѣлали взносъ на устроѣнство « Дня Русской Культуры ». Организационная работа лежала на специальной комиссіи, избиравшейся ежегодно. « День Русской Культуры » посвящался либо юбилею событія изъ исторіи Россіи, либо одному изъ русскихъ писателей, какъ на примѣръ Пушкинскій или Лермонтовскій День. Начиналось празднованіе чтеніемъ доклада на эту тему. Затѣмъ шло концертно-художественное отдѣленіе. Заканчивалось торжество апофеозомъ въ честь Россіи, которую олицетворяла молодая эмигрантка въ національномъ костюмѣ.

* * *

Съ начала эмиграціи и до второй міровой войны, Финляндію посѣтили видныя личности, какъ-то писатель Зайцевъ, Константинопольскій Патріархъ и Епископъ Іоаннъ Шаховской, а также знаменитые артисты, какъ В. и М. Фокины, балерина Карсавина, пѣвица

Кузнецова съ Поземковскимъ, пѣвица Плевницкая и пѣвецъ Д. Смирновъ.

Въ началѣ 1930-хъ годовъ въ Финляндію бѣжали изъ Совѣтскаго Союза извѣстные братья Солоневичи, которые задержались въ ней годъ. Они читали доклады о положеніи въ Россіи, которые посѣщались съ большимъ интересомъ, такъ какъ давали свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Солоневичи были убѣжденными анти-коммунистами и призывали къ борьбѣ съ совѣтской властью.

Интересные доклады дѣлались также Генераломъ Добровольскимъ, б. военнымъ прокуроромъ. Онъ былъ изъ числа двадцати лицъ, выданныхъ въ 1945 г. совѣтскимъ властямъ и умеръ въ тюрьмѣ.

* * *

Какъ я упоминала выше, въ 1930-хъ годахъ мой мужъ, Подполковникъ С. С. Еленевскій, обратился къ Генералу К. М. Адариди, (Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка), съ которымъ у него были дружескія отношенія, съ предложеніемъ образовать объединеніе проживавшихъ въ Финляндіи бывшихъ русскихъ военныхъ. Генералъ Адариди, которому предложеніе мужа пришлось по душѣ, созвалъ нѣсколькихъ офицеровъ для обсуждения этого вопроса. Было выработано положеніе и создано «Объединеніе Русскихъ Офицеровъ». Первымъ его предсѣдателемъ былъ Генералъ К. А. Адариди, затѣмъ Генералъ Иванъ Эттеръ, также Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка и Генералъ Ю. А. Явидъ, Лейбъ-Гвардіи 1-ой Артиллерійской Бригады.

Въ Финляндіи проживали послѣ революціи около двадцати генераловъ.

Ежегодно Объединеніе устраивало обѣды въ Русскомъ Клубѣ для своихъ членовъ, на которые всегда приходили бывшіе офицеры финляндскихъ войскъ. На одномъ изъ такихъ обѣдовъ одинъ финляндецъ, Генералъ Мункъ, поднялъ бокалъ за русскую армію, въ которой никогда не бывало дискриминаціи иностранныхъ элементовъ, часто не владѣвшихъ даже въ совершенствѣ русскимъ языкомъ, такъ что всѣ чувствовали себя въ ней ея равноправными членами.

Изъ русскихъ начинаній въ Финляндіи слѣдуетъ упомянуть о «музеѣ» Капитана В. И. Гранберга, о которомъ упоминалось выше въ связи съ русскими скаутами въ Финляндіи.

Убѣжденный монархистъ и глубоко чтя русское военное прошлое, онъ сталъ систематически коллекціонировать матерьялы, касавшіеся Царской семьи, русскихъ военныхъ корпусовъ и юнкерскихъ училищъ, а также отдѣльныхъ полковъ. Съ громаднымъ терпѣніемъ онъ собиралъ газетныя вырѣзки и открытки и составлялъ изъ нихъ альбомы. Для полученія этихъ матерьяловъ онъ, какъ онъ самъ говорилъ, исползалъ чердаки дачъ и имѣній на Карельскомъ перешейкѣ. Ему удалось также получить прекрасные портреты Царской семьи и членовъ Императорскаго дома, которыми были завѣшены стѣны его комнаты. У него были цѣнные книги по военнымъ вопросамъ, какъ-то исторія въ семи томахъ Эриванскаго полка, старѣйшаго полка русской арміи, и исторія Нижегородскаго полка.

Разсматривая его альбомы, можно было съ головой погружаться въ русское военное прошлое.

Не могу не упомянуть о моей службѣ въ Швейцарскомъ Генеральномъ Консульствѣ, такъ какъ она дала мнѣ возможность убѣдиться, какъ освѣише въ дореволюціонной Россіи иностранцы любили нашу родину и русскихъ, какъ имъ нравился нашъ укладъ жизни и какъ они въ сущности обрусѣвали.

Консульство возглавлялось почетнымъ Генеральнымъ Консуломъ Фацеръ, имѣвшимъ большое музыкальное дѣло. Его начальникъ канцеляріи, А. А. Вегмюллеръ, былъ тѣсно связанъ съ Россіей, вѣрнѣе съ Петербургомъ, гдѣ его отецъ занималъ мѣсто техническаго руководителя Экспедиціи по изготовленію государственныхъ бумагъ. Онъ учился въ Реформатскомъ Училищѣ до тринадцати лѣтъ, когда семья

Вегмюллера въ 1918 году рапатріировалась въ Швейцарію, и хорошо говорилъ по русски.

А. А. Вегмюллеръ былъ женатъ на прибалтійской нѣмкѣ, отецъ которой имѣлъ ювелирное дѣло въ Кронштадтѣ, такъ что до VI-го класса она училась въ русской гимназіи, вплоть до 1918 года, когда ея семья тоже вернулась на родину, въ Эстонію. Домъ Вегмюллера въ Гельсингфорсѣ былъ поставленъ совсѣмъ на русскую ногу, у нихъ была и русская прислуга, такъ что мы съ мужемъ чувствовали себя чрезвычайно у нихъ уютно и очень съ ними подружились, что благопріятно отражалось и на служебныхъ отношеніяхъ.

Начала я служить передъ самымъ Новымъ Годомъ (1934 г.) и первое время самъ Вегмюллеръ принималъ посѣтителей. Каково же было мое изумленіе, когда въ первые дни послѣ Новаго Года я постоянно слышала привѣтствія на русскомъ языкѣ: «Съ Новымъ Годомъ, какъ вы поживаете?» Оказывается, что швейцарская колонія въ Финляндіи состояла преимущественно изъ швейцарцевъ, жившихъ до революціи въ Россіи, гдѣ они родились и выросли, такъ что несмотря на свои швейцарскіе паспорта, они часто владѣли только русскимъ языкомъ. Въ началѣ каждаго мѣсяца выдавались пособія престарѣлымъ и немощнымъ, почему число посѣтителей было больше обыкновеннаго.

Изъ швейцарцевъ, осѣвшихъ въ Финляндіи, большинство было сыроvaraми, но были и коммерсанты изъ Петербурга, а также швейцарки, въ большемъ количествѣ пріѣзжавшія въ Россію въ качествѣ боннъ и гувернантокъ.

Ввиду значительности швейцарской колоніи въ Финляндіи, многіе члены которой проживали въ Гельсингфорсѣ и его окрестностяхъ, имѣлся Швейцарскій клубъ, въ которомъ ежемѣсячно собирались потолковать за чашкой чая, потанцевать, иногда прослушать какой-нибудь докладъ. Состоя на службѣ консульства, я считала своимъ долгомъ посѣщать Швейцарскій клубъ, и тамъ наслушалась воспоминаній о Россіи и сожалѣній, что пришлось покинуть хорошо налаженную жизнь.

Изъ интеллигенціи можно упомянуть швейцарца-петербуржца В. М. Нейшеллеръ, отецъ котораго былъ главнымъ пайшикомъ резинового общества Треугольникъ. У его родителей былъ чудный особнякъ на Островахъ и я помню какъ ребенкомъ, гуляя съ отцомъ, я всегда останавливалась у рѣшетки, окружавшей ихъ домъ, чтобы полюбоваться гномами въ красныхъ остроконечныхъ шапочкахъ, живописными группами раскинутыми на газонѣ.

В. М. Нейшеллеръ, послѣ неудачнаго брака на гр. Брохоцкой, дочери оперной пѣвицы, выступавшей подъ именемъ Больской, женился на настоящей цыганкѣ изъ хора Шишкина. Она была настоящее дитя природы, говорила только по русски и была популярна среди швейцарцевъ за свою веселость и хорошее пѣніе.

Консула Фацера смѣнилъ тоже почетный Генеральный Консулъ Баумгартенъ, а затѣмъ въ началѣ 1939 года Генеральное Консульство было превращено въ Миссію.

Въ то время, какъ я успѣшно служила у швейцарцевъ, мужъ развивалъ свою портняжную мастерскую и число его заказчиковъ все увеличивалось. Сначала многіе проявляли извѣстное недовѣріе къ портняжнымъ талантамъ бывшаго русскаго полковника, но вскорѣ могли убѣдиться въ хорошей его работѣ. Русскимъ было также пріятно имѣть дѣло съ соотечественникомъ, не гнушавшимся никакими передѣлками и съ которымъ можно было объясняться на родномъ языкѣ.

* * *

Такъ мирно текла жизнь какъ русской колоніи, такъ и наша жизнь съ мужемъ въ Финляндіи. Положеніе самой страны было цвѣтущимъ, она развивала свою промышленность и торговыя отношенія. Ввиду того, что и съ политической точки зрѣнія, ея самостоятельность тоже оказалась окрѣпшей, Бернъ рѣшилъ, какъ я только что упоминала, превратить наконецъ почетное Генеральное Консульство въ дипломатическую миссію и назначилъ первымъ министромъ

своего дипломатическаго представителя въ Мадридѣ Эггеръ. Этотъ послѣдній пробылъ въ Испаніи всю гражданскую войну, во время которой его жена лишилась зрѣнія на одинъ глазъ изъ-за контузіи. Чета Эггеръ рассчитывала нѣсколько отдохнуть въ Финляндіи, такъ какъ Скандинавія, и въ частности Финляндія, всегда считались мирнымъ оазисомъ, въ сторонѣ отъ передрагъ на европейскомъ континентѣ.

Но съ осени 1939 года положеніе рѣзко измѣнилось. Совѣтскій Союзъ предъявилъ политическія требованія къ Финляндіи, настаивая на территориальныхъ уступкахъ въ восточной ея части. Финляндскія делегаціи зачастили въ Москву и возвращались послѣ каждой поѣздки со все болѣе мрачными лицами.

И вотъ наступило 30-ое ноября 1939 года. Въ Миссію пришелъ швейцарскій журналистъ Мелемъ, чтобы подѣлиться послѣдними слухами. Вдругъ раздался сильный взрывъ. Мы всѣ бросились къ окну и увидѣли въ небѣ черную точку: это былъ первый совѣтскій аэропланъ, сбросившій бомбу надъ Гельсингфорсомъ. А когда въ пять часовъ я выходила со службы, то весь обыкновенно ярко освѣщенный городъ былъ погруженъ во мракъ.

Въ Миссіи было срочно рѣшено провести немедленную эвакуацію швейцарцевъ, желавшихъ покинуть Финляндію. Всѣ предполагали, что ея оккупація — дѣло нѣсколькихъ дней и никто не думалъ, что война продлится нѣсколько мѣсяцевъ. Но четырехмилліонный финляндскій народъ выставилъ 16,5 % своего населенія, цифра невиданная, и хорошо используя свою территорію, въ значительной своей части покрытую лѣсами и болотами, оказывалъ упорное сопротивленіе. При этомъ борьба велась въ необыкновенныхъ климатическихъ условіяхъ: стояли морозы въ 30° - 35°, съ сильными вѣтрами.

Въ борьбѣ участвовали не только мужчины, но и женщины. Сразу послѣ гражданской войны были организованы женскіе отряды так называемыхъ «лоттъ», названныхъ такъ въ честь маркитантки Лотты, вѣрно сопровождавшей финляндскихъ солдатъ, когда они вели войну противъ Россіи въ 1808-1809 годахъ. Эти

лотты обслуживали финляндскую армию въ качествѣ сестеръ милосердія, преимущественно въ летучихъ лазаретахъ на фронтѣ; онѣ несли дозорную службу на вышкахъ, чтобы оповѣщать о приближающихся вражескихъ аэропланахъ, помогали въ походныхъ канцеляріяхъ. Въ настоящее время служба женщинъ въ воинскихъ частяхъ существуетъ во многихъ странахъ, но финляндскія лотты были первыми ласточками на этомъ поприщѣ.

Были также призваны молодые эмигранты, выросшіе въ Финляндіи, даже если они не имѣли финляндскаго гражданства. Насколько мнѣ извѣстно, отъ призыва отклонился лишь молодой Свѣтликъ, талантливый портретистъ, сынъ б. русскаго моряка, за что онъ былъ посаженъ въ тюрьму.

На другой же день, 1-го декабря, штукъ пятнадцать автомобилей потянулись изъ Гельсингфорса, увозя часть членовъ швейцарской колоніи, а также меня съ мужемъ. Мнѣ, какъ служащей Миссіи, былъ данъ списокъ съ приложенными паспортами эвакуированныхъ, которые надо было провизировать въ Шведскомъ Консульствѣ въ портовомъ городѣ Або, гдѣ вся группа должна была погрузиться на пароходъ, уходившій въ Стокгольмъ. Мужъ мой ѣхалъ съ согласія Швейцарскаго Министра, такъ какъ ему угрожала серьезная опасность въ случаѣ оккупаци.

Въ деревнѣ еще внѣшне мало замѣчалась война, но когда мы къ вечеру слѣдующаго дня прибыли въ Або, переночевавъ въ пути у одного богатаго швейцарца-сыровара, то городъ былъ также погруженъ во мракъ, какъ и Гельсингфорсъ, и ночью подвергся налету.

Эвакуирующейей группѣ былъ оказанъ любезный приемъ консульскимъ агентомъ Швейцарской Миссіи, Молиномъ, женатымъ на дочери моего бывшаго начальника, Консула Балтиса. Выпивъ кофе, я отправилась въ Шведское консульство въ сопровожденіи Молина, такъ какъ пароходъ въ Стокгольмъ уходилъ въ тотъ же вечеръ. Безъ Молина мнѣ было бы трудно найти дорогу въ консульство въ темнотѣ. Городъ, въ которомъ я прожила одиннадцать лѣтъ, производилъ жут-

кое и чуждое впечатлѣніе. Лишь изрѣдко мракъ прорѣзывали лучи прожекторовъ, нащупывавшихъ вражескіе аэропланы.

Послѣ срочнаго визированія списковъ съ паспортами, Молинъ и я вернулись къ нимъ. Почти всѣ швейцарцы уже отправились въ портъ и мы съ мужемъ пустились ихъ нагонять на трамваѣ.

Въ таможенномъ помѣщеніи порта толпилась масса народа и царилъ неописуемый хаосъ. Носильщиковъ не хватало и приходилось самимъ перетаскивать свои чемоданы, дѣти кричали, нѣкоторыя женщины плакали. Все это напомнило мнѣ картину вокзальной площади въ Либавѣ въ послѣдніе дни передъ объявленіемъ войны.

Съ согласія Бернскаго Департамента, я была оставлена временно при Швейцарской Миссіи въ Стокгольмѣ, заваленной работой, въ то время какъ Гельсингфорская Миссія была эвакуирована въ дачное предмѣстье.

Еще нѣсколько членовъ русской колоніи въ Финляндіи выбрались въ Стокгольмъ, въ ихъ числѣ гр. Буксгевденъ, квартира которой сильно пострадала во время одной изъ бомбардировокъ и самъ Предсѣдатель Русской Колоніи Баронъ Штакельбергъ, который страдалъ сердечной болѣзью, унесшей черезъ полгода его въ могилу. Такъ какъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ мужемъ, тоже членомъ Совѣта Колоніи, онъ пригласилъ насъ какъ-то къ себѣ въ загородный пансіонъ, въ которомъ онъ остановился, чтобы потолковать о Финляндіи и дѣлахъ Колоніи. Несмотря на геройское сопротивленіе маленькой страны, всѣ мрачно смотрѣли на ея будущее и опасались за участь русскихъ, въ ней проживавшихъ.

Среди членовъ колоніи, перебравшихся въ Стокгольмъ, нужно упомянуть о Полковникѣ Л. Л. Ивановѣ съ женой. Это былъ исключительно одаренный человекъ, начавшій свою военную карьеру въ гвардейской артиллеріи и пользовавшійся большою симпатіей Великаго Князя Сергѣя Михайловича.

Уже эмигрантомъ онъ изобрелъ взрывчатое вещество, которымъ пользовались и въ Финляндіи и въ Швеціи.

Какъ мы узнали впоследствии, значительное число видныхъ членовъ Колоніи уѣхали въ Вазу, на сѣверѣ Финляндіи, городъ, который меньше бомбардировался чѣмъ Гельсингфорсъ.

Несмотря на свое сопротивление, финляндцы были вынуждены заключить миръ на условіяхъ Совѣтскаго Союза, а именно отдать всю Карелию, въ томъ числѣ и дивный Валаамскій монастырь, который совѣтскія власти превратили въ туристическій центръ. Монахи покинули его и переехали въ центръ Финляндіи, гдѣ основали скромную обитель въ деревянныхъ постройкахъ. Все населеніе Карелии, какъ мѣстное, такъ и русскіе эмигранты не пожелали остаться въ Карелии и переехали въ западную часть Финляндіи, что создало большія проблемы съ расквартированіемъ и полученіемъ заработка.

Я получила приказъ съ первымъ же пароходомъ вернуться на службу въ Швейцарскую Миссію въ Гельсингфорсъ и 1-го апрѣля мы съ мужемъ пустились въ обратный путь съ громаднымъ багажемъ, состоявшемъ изъ цѣнныхъ вещей и картинъ, пересланныхъ во время войны Министромъ Эггеромъ на храненіе въ Швецію.

Ввиду суровости минувшей зимы, ледъ былъ чрезвычайно толстымъ и впереди двухъ пароходовъ, шедшихъ одновременно изъ Стокгольма, шелъ ледоколъ, прокладывавшій имъ дорогу. Ночью ледъ неприятно скрипѣлъ о стѣнки парохода и казалось вотъ-вотъ ихъ продавить. Мы ѣхали на второмъ пароходѣ, а на первомъ было нѣсколько швейцарскихъ коммерсантовъ, возвращавшихся въ Финляндію къ своимъ предпріятіямъ. Днемъ они приходили по льду насъ навѣщать и одинъ изъ нихъ насъ прямо выручилъ по прибытіи въ Або.

Абосскій портъ встрѣтилъ насъ угрюмо, не было видно ни одного носильщика. Съ помощью персонала

парохода мы выгрузили нашъ багажъ, не зная какъ его переправить на поѣздъ, отходившій въ Гельсингфорсъ. Но насъ выручилъ часовщикъ Бурки, который постоянно работалъ съ одной транспортной конторой. Онъ отправился туда и та прислала грузовикъ съ двумя рабочими, которые и доставили наши вещи на поѣздъ.

Въ Гельсингфорсѣ насъ встрѣтилъ автомобиль Министра Эггера, который собственно принадлежалъ одному б. русскому офицеру, Н. С. Александровскому, занимавшемуся шоферствомъ. Когда пріѣхалъ Министръ Эггеръ, мнѣ удалось устроить Александровскаго къ нему шоферомъ, находившимся въ его распоряженіи, когда ему это было нужно.

Городъ производилъ удручающее впечатлѣніе: многіе дома пострадали отъ бомбардировокъ, улицы въ теченіе всей зимы не расчищались и автомобиль все время подбрасывало и трясло. Лица встрѣчныхъ были озабочены.

Александровскій повезъ насъ къ себѣ, такъ какъ ввиду неопредѣленности срока нашего отсутствія изъ Гельсингфорса наша квартира была ликвидирована Миссией при помощи нашей прислуги, которая все упаковала, и мебель и ящики съ вещами были поставлены на складъ.

Вслѣдствіе громаднаго наплыва бѣженцевъ изъ Кареліи квартиру было невозможно получить, а потому мы были рады, что у Александровскихъ оказалась свободная комната съ балкономъ, въ которой мы и поселились, обставивъ ее своей мебелью.

На слѣдующій день моя служба возобновилась и жизнь стала постепенно налаживаться.

* * *

Во время войны Русскій Клубъ былъ закрытъ финляндскими властями и такимъ образомъ не было больше объединяющаго центра, и его очень не хватало.

Хотя нѣкоторые члены колоніи сомнѣвались въ

томъ, что можно будетъ получить разрѣшеніе на открытіе клуба, Совѣтъ Колоніи подалъ соотвѣтствующіе прошеніе и разрѣшеніе было дано. Удалось получить очень хорошее помѣщеніе, снявъ этажъ полу-особняка на самомъ берегу залива, изъ оконъ котораго открывался великолѣпный видъ на заливъ и Свеаборгскую Крѣпость. Завѣдующимъ Клубомъ сталъ Ротмистръ Кузьминъ-Караваяевъ, который взялся держать буфетъ въ компаніи съ однимъ бывшимъ морскимъ офицеромъ. Большинство прежнихъ служащихъ вернулись и клубъ сталъ функціонировать не хуже чѣмъ до войны.

* * *

Лѣтомъ 1941 года мы были приглашены провести свой отпускъ у нашего друга, инженера Оскара Эстмана, у него на дачѣ.

Инженеръ Оскаръ Эстманъ былъ однимъ изъ такъ называемыхъ « русскихъ финляндцевъ », т.е. выросшихъ и служившихъ въ Россіи до революціи. Отецъ его былъ агрономомъ и служилъ у одного помѣщика, самъ онъ работалъ въ большой финляндской фирмѣ въ Петербургѣ. Послѣ революціи онъ вернулся въ Финляндію и сперва служилъ какъ специалистъ въ военномъ вѣдомствѣ. Убѣдившись въ его знаніяхъ и энергіи, Военное Министерство рѣшило ему поручить расширеніе и преобразование одной фабрики швейныхъ машинъ въ оружейный заводъ.

Инженеръ Эстманъ блестяще справился съ порученной ему задачей и въ какіе-нибудь десять лѣтъ небольшую фабрику съ 80-тью рабочими онъ превратилъ въ заводъ съ 1500 рабочими, изготовлявшій ружья и пулеметы. Для того чтобы привлечь хорошую рабочую силу, онъ выстроилъ цѣлый поселокъ для рабочихъ съ домами въ двѣ-три комнаты для семейныхъ и отдѣльными комнатами для холостыхъ, съ проведенной горячей и холодной водой и съ центральнымъ отопленіемъ. При домикахъ были огороды и садики.

Мы познакомились съ Эстманомъ послѣ его женитьбы на дочери инженера Стенбакка изъ Бьернеборга, о которомъ я упоминала выше. Исторія этого брака столь необычайна, что я не могу не упомянуть о ней.

Инженеръ Эстманъ былъ всего на пять лѣтъ моложе своего тестя, дружилъ съ нимъ и крестилъ его сына. Когда онъ пріѣхалъ на крестины, Стенбакка встрѣтилъ его, держа за руку свою трехлѣтнюю дочку Мерту и шутливо сказалъ ему: «Вотъ твоя будущая жена». И кто могъ тогда подумать, что эта шутка обратится въ предсказаніе.

По мѣрѣ того, какъ Мерта подростала, инженеръ Эстманъ сталъ приглядываться къ ней, а когда она сдѣлалась подросткомъ, онъ рѣшилъ, что какъ только ей минетъ 17 лѣтъ, онъ сдѣлаетъ ей предложеніе. Ввиду того, что Мерта была очень слабенькой, онъ рѣшилъ отложить ихъ бракъ и они поженились, когда ей было 23, а ему 42 года. Его молоденькая жена умерла 28 лѣтъ послѣ третьяго ребенка, совсѣмъ какъ ея мать. Старшая ихъ дѣвочка моя крестница.

Первый разъ мы гостили у нихъ въ 1930 году, когда моей крестницѣ не было еще года. Эстманъ жилъ въ директорской дачѣ, стоявшей въ красивомъ сосновомъ лѣсу на берегу озера. Мы тогда чудно провели у нихъ время, занимаясь сборомъ грибовъ, которыми изобиловалъ этотъ лѣсъ, катаясь на лодкѣ по живописному озеру и совершая прогулки по окрестностямъ.

Въ 1941 году мы попали къ Эстману въ первый разъ послѣ смерти его жены и большой домъ показался очень пустымъ, такъ что мы были рады, когда черезъ два дня мы отправились на дачу, построенную на принадлежавшемъ ему островѣ на одномъ изъ большихъ живописныхъ озеръ центральной Финляндіи. Здѣсь мы проводили безмятежные дни, грѣясь на солнцѣ на пляжѣ, собирая въ лѣсу цвѣты и возясь съ дѣтишками Эстмана.

Ничто не предвѣщало грядущихъ событій. Но въ

послѣднихъ числахъ іюня, когда мы слушали радіо, спикеръ сказалъ, что совѣтскіе аэропланы неожиданно перелетѣли финляндскую границу и сбросили бомбы. Такимъ образомъ, безъ официального объявленія войны, началась вторая совѣтско-финляндская война, продолжавшаяся больше трехъ лѣтъ.

Въ это время въ Финляндіи у власти былъ Президентъ Рюти, германофильскаго направленія, который заключилъ союзъ съ Гитлеромъ, зная изъ опыта зимней компаніи, что одной Финляндіи не устоять, хотя противъ этого былъ главнокомандующій Маршалъ Маннергеймъ, франко-англійской ориентаціи. Въ Финляндію были присланы нѣмецкія войска, опять все населеніе было мобилизовано и были призваны молодые русскіе эмигранты. Русскіе спикеры появились на финляндскомъ радіо и ежедневно слышались ихъ голоса. Они начинали свою антисовѣтскую пропаганду всегда фразой: « Слушайте, слушайте, говоритъ Финляндія ».

Съ начала войны были введены карточки на самые важные продукты, и такъ какъ пайки постепенно уменьшались, стала процвѣтать черная биржа. Въ Русскій клубъ ежедневно навѣдывалась эстонка Лакманъ, у которой можно было все раздобыть, если только располагалъ деньгами.

Хотя Гельсингфорсъ и былъ далекъ отъ фронта, въ немъ стала сразу ощущаться война. Было введено полное затемненіе города и какъ только наступала темнота, люди ходили съ маленькими синими фонариками, чтобы что-нибудь различать подъ ногами. Городъ подвергался частымъ налетамъ, въ особенности въ лунныя ночи, но настоящихъ убѣжищъ, въ скалахъ, могшихъ дать настоящую защиту, было очень немного. Были устроены убѣжища во всѣхъ частныхъ домахъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, стѣны и потолокъ которыхъ подкрѣплялись столбами. Такія убѣжища могли уберечь только отъ осколковъ бомбъ, при прямомъ же попаданіи въ домъ укрывающіеся въ нихъ были бы погреблены подъ развалинами дома.

Какъ только взойдетъ луна, можно было ожидать съ минуты на минуту рева сиренъ. Да и въ темныя ночи сплошь и рядомъ случались налеты. Такъ что разъ пятнадцать въ мѣсяцъ надо было большую часть ночи проводить въ убѣжищѣ, а затѣмъ идти совсѣмъ разбитымъ на работу утромъ.

Но несмотря на налеты, всѣ ходили по вечерамъ какъ въ гости, такъ и въ кинематографы, театры и концерты. Русскій Клубъ былъ всегда переполненъ и мы съ мужемъ тоже въ него зачастили, обѣдали и по вечерамъ играли въ бриджъ. На людяхъ какъ-то меньше ощущалось напряженіе и кромѣ того, противъ клуба имѣлось убѣжище въ скалѣхъ подъ православнымъ соборомъ.

Зимой 1942 намъ удалось наконецъ получить маленькую квартиру въ новомъ только что построенномъ домѣ. Помимо прелести собственнаго гнѣзда, было нравственнымъ облегченіемъ покинуть тяжелую больницу обстановку квартиры Александровскихъ. Бѣдный Александровскій медленно угасалъ отъ тяжелаго легочнаго заболѣванія.

Отпускъ 1942 года мы опять провели у Эстмана и на его островѣ мы отдохнули немного нервами.

* * *

Съ занятіемъ нѣмцами Прибалтики многіе прибалтійцы — нѣмцы переехали въ Германію, какъ нѣмецкіе уроженцы, подальше отъ восточнаго сосѣда. Ихъ примѣру стали слѣдовать нѣкоторые русскіе эмигранты съ нѣмецкими фамиліями, проживавшіе въ Финляндіи, въ томъ числѣ и помощница мужа Наташа Лео, о которой я писала выше. Сперва она писала восторженныя письма о своей работѣ въ мастерской дамскаго платья въ Берлинѣ. Но когда начались регулярные налеты союзниковъ на германскую столицу, уничтожавшіе сразу цѣлые кварталы, она замолчала и мы рѣшили, что она стала жертвой такой бомбардировки.

Какъ мы ни любили Гельсингфорсъ, жизнь въ немъ становилась все тяжелѣе. Все же всѣ старались не унывать и даже справляли торжества.

9-го января 1942 г. Правленіе Клуба, во главѣ котораго стоялъ Графъ Буксгевденъ и членомъ котораго былъ мужъ, чествовало завтракомъ Ротмистра Д. Д. Кузьмина-Караваева въ день его 50-лѣтія и благодарили его за его дѣятельность въ пользу русской эмиграціи.

31-го августа 1943 г., въ день 50-лѣтія мужа, мы устроили обѣдъ для ближайшихъ друзей въ Русскомъ Клубѣ, очень нарядный и протекшій въ чисто русской атмосферѣ. Длинный столъ на 22 человекъ былъ украшенъ красными астрами, живописно разбросанными между приборами, а въ серединѣ стола стоялъ большой букетъ красныхъ розъ, присланный мнѣ однимъ изъ пріятелей мужа. Въ концѣ обѣда къ нему присоединился другой большой букетъ изъ бѣлыхъ, синихъ и красныхъ цвѣтовъ — « цвѣтовъ русскаго національнаго флага, который вы всегда такъ чтили », какъ сказалъ мнѣ офицеръ, передававшій мнѣ этотъ букетъ отъ всѣхъ присутствовавшихъ друзей.

Еще до подношенія этого букета были произнесены рѣчи, обращенныя къ мужу. Теперь же наступилъ подходящий моментъ для моей рѣчи, которую я составила безъ вѣдома мужа. Я начала ее слѣдующими словами.

« На праздничныхъ обѣдахъ дамы обыкновенно не выступаютъ съ рѣчами и я такимъ образомъ нарушаю извѣстную традиціонность. Я вижу удивленное лицо мужа, для котораго мое выступленіе является полной неожиданностью, но именно какъ женщина я могу сказать нѣкоторыя вещи, которыя мнѣ такъ хочется упомянуть сегодня, подчеркнуть доблесть русскихъ офицеровъ ».

Послѣ этихъ вступительныхъ фразъ, моя рѣчь состояла сперва въ описаніи обстановки, въ которой протекло дѣтство юбиляра, въ чисто военной семьѣ и по отцу, и по матери, свято чтившей традиціи и гдѣ дѣти впитывали съ самыхъ юныхъ лѣтъ крѣпкіе семейные устои и чувство долга.

Затѣмъ ученѣе въ серьезномъ Псковскомъ корпусѣ и Павловскомъ училищѣ, которое онъ кончилъ фельд-фебелемъ и могъ выбрать любой гвардейскій полкъ. Но мечтая о Военной Академіи и считая, что свѣтская столичная жизнь только затруднитъ подготовку къ ней, юбиляръ выходитъ въ полкъ своего отца, стоящій въ крѣпости Осовецъ.

Но вмѣсто тихой крѣпостной службы — война.

Три тяжелыхъ раненія. Въ 1916 году представляется возможность передохнуть, быть командированнымъ на курсы при Военной Академіи, но юбиляръ отъ нея отказывается, уступая вакансію женатому товарищу, который рвется къ своей семьѣ въ Петербургъ.

А въ заключеніе революція и гражданская война. Юбиляръ участвуетъ въ ней, присоединившись къ Бѣлой Арміи на Волгѣ и продѣлываетъ весь Сибирскій походъ съ 1918 по 1923 г.

Послѣ интернированія остатковъ Бѣлой Арміи въ Китаѣ, долгіе годы на чужбинѣ, подчасъ суровая борьба за существованіе. И всегда готовность поработать на русское дѣло въ единственной теперь доступной формѣ: поддержаніе въ трудную минуту соотечественниковъ и объединеніе съ ними для сохраненія русскихъ традицій.

Въ заключеніе я подняла бокалъ за новорожденного и за всѣхъ присутствующихъ представителей славной Русской Императорской Армии.

Эта рѣчь была очень тепло встрѣчена всѣми присутствующими и ею закончился обѣдъ. За кофе, подававшимся въ смежной гостиной, Марія Ивановна Нейшеллеръ, о которой я упоминала выше, пѣла цыганскіе романсы.

* * *

Въ зиму 1943-1944 года налеты на Гельсингфорсъ все учащались и послѣ Рождества Швейцарскій Ми-

нистръ предложилъ мнѣ взять отпускъ, чтобы побыть въ болѣе спокойной обстановкѣ, и мы съ мужемъ уѣхали въ глубь Финляндіи и поселились въ отелѣ « Ауланко », окруженномъ большимъ паркомъ. Но даже сюда доносились гельсингфорскія бомбардировки и въ концѣ января вечеромъ весь горизонтъ окрасился въ красный цвѣтъ, а по небу бродили лучи прожекторовъ — зрѣлище величественное, но жуткое. Въ эту бомбардировку городу были причинены большія разрушенія; былъ, между прочимъ, разрушенъ домъ, въ которомъ помѣщалась мастерская мужа.

По возвращеніи изъ « Ауланко », мы не остались у себя на квартирѣ, а переѣхали на дачу къ хорошей знакомой финляндкѣ, находящейся въ 40 километрахъ отъ Гельсингфорса, откуда я стала ѣздить на службу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда стали поговаривать о перемиріи, Швейцарскій Министръ устроилъ мнѣ переводъ въ Стокгольмскую Миссію и 30-го іюня мы покинули гостепріимный домъ нашей пріятельницы и уѣхали въ Стокгольмъ.

Это было сдѣлано своевременно, такъ какъ по заключенію мира, двадцать русскихъ эмигрантовъ и финляндскихъ уроженцевъ были выданы финляндскимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ — коммунистомъ совѣтскимъ властямъ и увезены въ Совѣтскій Союзъ, гдѣ ихъ продержали въ концентраціонныхъ лагеряхъ десять лѣтъ. Моя мать, переѣхавшая въ нашу квартиру послѣ нашего отъѣзда, писала намъ, что и къ намъ навѣдывались какіе-то подозрительные типы.

* * *

Послѣ заключенія мира съ Совѣтскимъ Союзомъ, всѣ эмигрантскія организаціи были закрыты финляндскими властями за исключеніемъ Особаго Комитета, дѣятельность котораго была ограничена попеченіемъ о двухъ убѣжищахъ для престарѣлыхъ. Оставшіеся въ Финляндіи русскіе расплылись на единицы. Большинство молодого поколѣнія, благодаря полученному образованію въ финляндскихъ школахъ, постепенно

слилось съ мѣстнымъ населеніемъ, женилось на финляндкахъ, многіе перемѣнили русскія фамиліи на финскія.

Нѣкоторые русскіе, какъ старшаго, такъ и младшаго поколѣнія, стали поддаваться совѣтскому вліянію, стали работать въ совѣтскихъ организаціяхъ и записались членами Общества финско-совѣтской дружбы.

А очень немногіе, оставшіеся вѣрными своимъ взглядамъ и традиціямъ, ушли въ личную жизнь.

Часть III.

ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВЪ ШВЕЦИИ

1-го іюля 1944 года мы вторично вступили на шведскую территорію, чтобы окончательно поселиться въ Стокгольмѣ.

Вмѣсто окутаннаго холоднымъ туманомъ города, который мы увидѣли, послѣ того какъ сошли съ парохода 5-го декабря 1939 года, предъ нами предстала во всей лѣтней красѣ шведская столица и я невольно вспомнила восхищеніе моего отца прекраснымъ Стокгольмомъ. Когда ему приходилось ѣздить на континентъ въ лѣтнее время, онъ старался всегда ѣхать пароходомъ отъ Петербурга до Стокгольма, а затѣмъ уже брать поѣздъ на Парижъ.

Стокгольмъ особенно хорошъ лѣтомъ, потому что главную его прелесть составляютъ не красивыя зданія, а расположеніе города на островахъ, утопающаго въ зелени своихъ живописныхъ парковъ и скверовъ. Въ противоположность Гельсингфорсу, въ которомъ много прекрасныхъ зданій, преимущественно въ стилѣ ампира, роднящихъ его съ Петербургомъ, въ Стокгольмѣ красивыя, стильныя постройки на перечетъ: королевскій дворецъ въ строгомъ стилѣ ранняго ренессанса, очаровательный особнякъ дворянскаго собранія въ стилѣ поздняго ренессанса, ратуша въ холодномъ, но по своему не лишенномъ прелести сѣверномъ стилѣ, вотъ можно сказать и все. Къ этому надо прибавить загородныя резиденціи, какъ королевскій дворецъ на Дротнинггольмѣ, особнякъ художника Принца Евгенія на Вальдемарсудденъ, который высокопарно называютъ тоже дворцомъ, затѣмъ королевская резиденція въ паркѣ Гага, со своимъ очаровательнымъ павильо-

номъ Густава III, которая теперь предназначена для официальныхъ представителей иностранныхъ державъ, посѣщающихъ Швецію. Первымъ въ ней останавливался Хрущевъ.

И по духу Стокгольмъ колоссально отличается отъ Гельсингфорса. Въмѣсто памятника Императору Александру II на главной площади финляндской столицы, говорящаго о чувствахъ преданности къ императорскому дому со стороны финляндскаго народа, пока неудачная политика послѣднихъ двухъ царствованій ни подорвала этихъ чувствъ, въ Стокгольмѣ, не успеете вы сойти съ парохода чтобы направиться къ центру города, какъ вы увидите въ началѣ парка Кунгстредгорденъ памятникъ королю Карлу XII, показывающему протянутой рукой на востокъ: съ востока исконный врагъ угрожаетъ Швеціи. И по сей день, независимо отъ политическаго режима, господствующаго въ Россіи, врожденная глубокая антипатія ко всему русскому живетъ въ душѣ шведскаго народа. И это не только потому, что никогда не зажила рана, нанесенная поражениемъ подъ Полтавой, которое явилось закатомъ міроваго могущества Швеціи, но потому, что разница по существу между славянствомъ и скандинавизмомъ представляетъ изъ себя пропасть, которую ничѣмъ нельзя заполнить. Во всѣхъ духовныхъ областяхъ русскіе и шведы думаютъ и особенно чувствуютъ по разному.

Не даромъ русскіе себя всегда нехорошо чувствовали въ Швеціи. Помню какъ отецъ еще рассказывалъ, какъ назначеніе русскихъ дипломатовъ въ Миссію въ Стокгольмѣ разсматривалось какъ своего рода ссылка и получившіе такое назначеніе сразу же освѣдомлялись, когда можно ожидать перевода изъ Стокгольма на другой постъ. И это понятно если учесть, что помимо разнаго міросозерцанія, шведы до годовъ послѣ второй міровой войны отличались исключительнымъ провинціализмомъ, интересуясь только своими чисто шведскими дѣлами и выказывая недоброжелательное отношеніе ко всему иностранному. Только наплывъ бѣженцевъ послѣ второй міровой войны нѣсколько расширилъ ихъ кругозоръ, но и ему не удалось пре-

одолѣть отчужденности къ иностранному и трудно иностранцу, въ особенности латинскаго или славянскаго происхожденія, войти въ болѣе тѣсный контактъ съ отдѣльными шведами. И хотя шведы выступаютъ яркими противниками расовой дискриминаціи въ другихъ странахъ, сами они, какъ въ этомъ признаются даже нѣкоторые шведскіе журналисты, проводятъ на практикѣ рѣзкую дискриминацію не только по отношенію къ людямъ другихъ расъ, но даже по отношенію къ своимъ же скандинавамъ, какъ-то датчанамъ и норвежцамъ.

Поэтому неудивительно, что въ періодъ большого бѣженства изъ Россіи послѣ прихода къ власти большевиковъ очень мало русскихъ осѣло въ Швеціи. Въ то время многіе русскіе бѣженцы, въ особенности имѣвшіе недвижимую собственность, осѣли въ Финляндіи. Черезъ Швецію только проѣзжали, направляясь главнымъ образомъ во Францію, но также въ Чехословакію и Германію, гдѣ создались крупные центры русскаго разсѣянія.

Въ Швеціи русская колонія состояла главнымъ образомъ изъ русскихъ женщинъ, вышедшихъ еще до революціи замужъ за шведовъ, имѣвшихъ предпріятія или служившихъ преимущественно въ качествѣ техническихъ руководителей въ Россіи. Затѣмъ остались послѣ крушенія императорскаго режима дипломатическіе и консульскіе представители Россіи въ Стокгольмѣ, въ первую очередь послѣдній русскій Генеральный консулъ Броссэ съ семьей.

Среди проживавшихъ въ Стокгольмѣ русскихъ выдѣлялся имѣвшій большія связи въ шведскомъ обществѣ бывшій преображенецъ, полковникъ В. В. Гаугеръ. Онъ былъ приглашенъ для преподаванія французскаго языка къ наслѣднику королевскаго престола и это раскрыло ему двери въ высшее шведское общество, чему способствовала его исключительно представительная внѣшность.

Центромъ русскихъ была православная церковь, бывшая до революціи посольской и помѣщавшаяся въ частномъ домѣ. Къ нашему пріѣзду въ Стокгольмъ приходъ возглавлялся о. Стефаномъ Тимченко, въ

прошломъ русскимъ офицеромъ, участвовавшимъ въ бѣломъ движеніи на югѣ Россіи, и окончившимъ юридическій факультетъ пражскаго университета и Духовную Академію въ Парижѣ. Діакономъ былъ бывшій подпрапорщикъ гвардейскаго Московскаго полка о. Владиміръ Илиингъ, а псаломщикомъ служилъ съ 1914 года И. И. Баранкеевъ. Онъ организовалъ изъ любителей очень приличный хоръ, который значительно улучшился съ пріѣздомъ русскихъ эмигрантовъ изъ Финляндіи. Этихъ послѣднихъ прибыло значительное число, нѣкоторые по визамъ, а большинство въ качествѣ бѣженцевъ, въ особенности изъ прежнихъ офицеровъ, послѣ выдачи въ Гельсингфорсѣ двадцати финскихъ гражданъ, какъ финляндскаго такъ и русскаго происхожденія, большевистскимъ властямъ.

При церкви имѣется библіотека, которой завѣдовала Л. И. Петрова, вдова музыканта симфоническаго оркестра, пѣвшая также въ церковномъ хорѣ. Она очень внимательно относилась ко взятымъ на себя обязанностямъ и библіотека постоянно пополнялась новыми книгами какъ эмигрантскихъ, такъ и совѣтскихъ писателей, поскольку это позволяли ея скромныя средства, состояція изъ пожертвованій и небольшихъ взносовъ за абонируемыя книги.

Одна изъ богатыхъ прихожанокъ предоставила въ распоряженіе прихода участокъ на берегу озера съ постройками въ 100 километрахъ отъ Стокгольма, въ которыхъ настоятель устроилъ лѣтній пансіонъ. Въ немъ прихожане могутъ получать комнаты и столъ по умѣренной цѣнѣ, но при нѣкоторой самодѣятельности: они должны сами убирать свои комнаты и если нужно ихъ отапливать, носить изъ колодца воду и помогать завѣдующей по кухнѣ.

Такимъ образомъ, со времени революціи и до нашего переѣзда въ Швецію жизнь русской колоніи сосредотачивалась вокругъ церкви. Въ ея пользу, по инициативѣ Приходскаго Совѣта и четы Бросса, ежегодно устраивался вечеръ въ самомъ нарядномъ отелѣ города, въ предназначенномъ для такихъ празднествъ «Зеркальномъ залѣ». Сперва ставилась музыкально-вокальная программа, а затѣмъ слѣдовалъ

ужинъ съ лотереей и танцами. На этихъ вечерахъ появлялась иногда сама королева, очень благосклонно относившаяся къ русскимъ эмигрантамъ.

Но какихъ-нибудь благотворительныхъ или политическихъ русскихъ организацій не существовало, какъ и не было любительской драматической труппы. Таковая появилась съ прибытіемъ членовъ гельсингфорскихъ драматическихъ кружковъ, какъ-то упоминаемого во второй части этихъ воспоминаній Щепанскаго, А. Л. Баумгартена, О. В. Потоцкой и др. Они составили ядро драматической труппы и привлекли имѣвшіеся въ Стокгольмѣ таланты, какъ-то б. моряка Романа, исключительно одареннаго артиста, молоденькую Елизавету Герсдорфъ, пріѣхавшую съ семьей изъ Германіи и ставшую затѣмъ артисткой на первыхъ роляхъ шведскихъ театровъ и др.

Ввиду немногочисленности русской колоніи, спектакли можно было ставить лишь разъ въ годъ, но зато зала была всегда переполнена и спектакли шли съ громаднымъ успѣхомъ.

Изъ-за немногочисленности колоніи нельзя было открыть русскаго клуба, котораго очень не хватало послѣ Гельсингфорса. Матеріальное положеніе бѣженцевъ, которымъ передъ этой вторичной эмиграціей удалось наладить жизнь въ Финляндіи, тоже было не изъ блестящихъ. Правда шведскія власти шли навстрѣчу пожилымъ эмигрантамъ, беря ихъ на такъ называемыя архивныя работы, т.е. давая имъ работу болѣе или менѣе по специальности, иногда высоко квалифицированной, при разныхъ учрежденіяхъ, но оплачивая минимально ихъ трудъ, такъ что ихъ заработокъ равнялся прожиточному минимуму. Но эмигранты младше 55 лѣтъ должны были сами прискивать себѣ заработокъ и большинству пришлось взяться за физическую работу, въ первую очередь за мытье посуды и чистку картофеля въ большихъ ресторанахъ.

Вопросъ съ квартирами стоялъ и продолжаетъ стоять очень остро въ Швеціи, такъ что получить хотя бы маленькую квартиру въ одну или двѣ комнаты считается неслыханнымъ счастьемъ и большинство

новоприбывшихъ жили вначалѣ по пансіонамъ или меблированнымъ комнатамъ.

Мужъ и я получили комнату въ маленькомъ пансіонѣ въ центрѣ города, гдѣ и прожили первые семь лѣтъ нашего пребыванія въ Стокгольмѣ, въ то время какъ наша обстановка, пересланная моею матерью изъ Финляндіи, стояла на складѣ. Наше матеріальное положеніе позволяло намъ вести этотъ беззаботный образъ жизни. Швейцарское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ утвердило мой переводъ на постоянную службу въ своей Миссіи въ Стокгольмѣ. Мужу удалось получить мѣсто завѣдующаго портняжной мастерской въ одной фирмѣ химической чистки, благодаря рекомендаціямъ, которыя онъ получилъ отъ магазиновъ готоваго платья, на которые онъ работалъ въ Гельсингфорсѣ, а въ 1949 году онъ открылъ свой магазинъ химической чистки съ починками въ компаніи съ однимъ шведомъ, служившимъ только подставнымъ лицомъ, такъ какъ иностранцы не имѣютъ права открывать свои предпріятія въ Швеціи. Послѣ полученія нами шведскаго подданства въ 1952 году, мужъ выкупилъ своего компаніона и сталъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ.

Вопросъ подданства былъ всегда очень болѣзненнымъ для меня съ мужемъ, такъ какъ мы знали, что мы до смерти останемся русскими, а принятіе иностраннаго подданства изъ соображеній личной выгоды казался намъ не порядочнымъ по отношенію къ странѣ, которая приняла бы насъ въ число своихъ гражданъ. Это особенно остро ощущалось въ Финляндіи, съ одной стороны, потому что мы не особенно вѣрили въ прочность ея самостоятельности, что и оправдалось, такъ какъ въ настоящее время Финляндія самостоятельна поскольку это устраиваетъ ея могущественнаго сосѣда. Съ другой стороны, при полученіи финляндскаго гражданства надо было торжественно отречься отъ своей прежней родины и принести присягу новой.

Въ этомъ отношеніи въ Швеціи дѣло обстояло гораздо проще. Проживъ въ странѣ семь лѣтъ — лишь скандинавамъ было достаточно пяти лѣтъ — можно ходатайствовать о принятіи въ шведское подданство и

если васъ находятъ этого достойнымъ, послѣ наведенія соотвѣтствующихъ справокъ, вамъ просто вручается свидѣтельство о подданствѣ, за которое вы уплачиваете гербовый сборъ и послѣ этого начинаете пользоваться всѣми правами шведскаго гражданина. Помимо матеріальныхъ соображеній на насъ повліяло и убѣжденіе, что на нашъ вѣкъ, увѣ, большевистскаго режима въ Россіи хватить, а при немъ мы не можемъ считать ее своей родиной такъ, какъ мы это понимаемъ.

Въ 1951 году намъ удалось наконецъ получить квартиру въ одномъ изъ живописныхъ предмѣстій Стокгольма. Это было чрезвычайно во время, такъ какъ наша хозяйка пансіона вынуждена была его закрыть по состоянію своего здоровья.

Предвидя, что намъ въ этой квартирѣ придется доживать свой вѣкъ, мы обставили ее съ особенной любовью, пополнивъ пересланную изъ Финляндіи обстановку и сдѣлали ее русскимъ уголкомъ, въ которомъ охотно принимаемъ близкихъ намъ по духу соотечественниковъ.

* * *

Дѣло Хаджи-Лаше.

Хотя, какъ упоминалось выше, въ первое время послѣ революціи въ Швеціи не существовало ни благотворительныхъ, ни политическихъ организацій, въ 1919 году два проживающихъ въ Стокгольмѣ русскихъ офицера эмигранта рѣшили создать объединеніе, имѣвшее цѣлью убійство видныхъ большевиковъ. Эти два офицера были полковникъ Хаджи-Лаше, съ Кавказа, и Генераль Гиссеръ, принявшій отъ совѣтской власти назначеніе консуломъ въ Стокгольмѣ, чтобы такимъ образомъ выѣхать изъ Россіи. По прибытіи въ Швецію онъ не занялъ консульскаго поста. Хаджи-Лаше и Гиссеръ привлекли въ объединеніе нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ.

Полковникъ Хаджи-Лаше, какъ настоящій кавказецъ, былъ полонъ романтизма и рѣшилъ обставить основаніе объединенія очень торжественно. Всѣ участ-

ники должны были подписать собственной кровью клятвенное обязательство посвятить себя жестокой борьбѣ съ большевиками.

Хаджи-Лаше жилъ на дачѣ подѣ Стокгольмомъ со своей любовницей шведкой, которая отдала это обязательство своей сестрѣ для помѣщенія въ ея банковскій сейфъ.

Въ 1919 году два большевика занимались въ Стокгольмѣ слѣжкой за представителями эмиграціи, а именно Левицкій и Ардашевъ. Этотъ послѣдній жилъ въ лучшемъ стокгольмскомъ отелѣ, Грандъ Отель, наблюдая за находившимися тамъ проѣздомъ представителями аристократіи и финансоваго міра и ведя среди нихъ пропаганду въ пользу совѣтской власти.

Объединеніе контрреволюціонеровъ, со своей стороны, заставляло своихъ женъ входить въ контактъ и кокетничать съ Левицкимъ и Ардашевымъ. Первому одна изъ женъ предложила поѣхать покататься за городъ и завезла его на дачу Хаджи-Лаше, гдѣ онъ и былъ убитъ, послѣ чего трупъ былъ зашитъ въ мѣшокъ съ привязаннымъ къ нему камнемъ и потопленъ въ озерѣ, на берегу котораго стояла дача. Молоденькая дочь генерала Гиссера сумѣла заинтересовать Ардашева и привезла его на дачу, занимаемую Хаджи-Лаше, гдѣ онъ также былъ умерщвленъ. Его должны были тоже потопить въ озерѣ, но дѣло такъ затянулось, что выѣхали на лодкѣ съ трупомъ уже на разсвѣтѣ. Находившіеся на озерѣ рыбаки увидѣли, что изъ лодки выбрасываютъ большой тюкъ въ озеро и дали знать объ этомъ полиціи. Въ это время пріятель Ардашева, Александровъ, со своей стороны извѣстилъ полицію, что Ардашевъ не вернулся съ катанья вечеромъ, хотя у нихъ было объ этомъ договорено.

Полиція выловила оба трупа изъ озера и пришла на дачу къ Хаджи-Лаше, откуда была лодка, съ которой были сброшены трупы, и арестовала находившихся тамъ четверыхъ человекъ, среди нихъ и шведку, любовницу полковника.

Сестра этой послѣдней, думая, что она сможетъ ей этимъ помочь, представила хранившееся у нея въ

сейфѣ клятвенное обязательство въ полицію и всѣ его подписавшіе были арестованы и преданы суду.

Началось длительное разбирательство дѣла, во время котораго выяснилось, что Хаджи-Лаше захватилъ чековую книжку Ардашева съ тѣмъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, переслать эти деньги русскимъ организаціямъ.

Хаджи-Лаше былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію, равняющемуся въ Швеціи 12 годамъ, другіе участники объединенія на сроки отъ 6 до 8 лѣтъ. Вообще полиція очень хорошо относилась къ заключеннымъ и даже имъ помогала на допросахъ. Такъ, когда 18-лѣтнюю дочь генерала Гиссера спросили на допросѣ, знала-ли она, когда ѣхала съ Ардашевымъ на дачу къ Хаджи-Лаше, что его тамъ ждетъ смерть, полицейскій, стоявшій за стуломъ судебного слѣдователя, сдѣлалъ ей отрицательный знакъ и она отдѣлалась всего шестью мѣсяцами заключенія.

* * *

Интернированіе совѣтскихъ тральщиковъ въ Швеціи.

Приблизительно черезъ двадцать лѣтъ послѣ нашумѣвшей исторіи Хаджи-Лаше произошло сенсационное событіе на русскомъ горизонтѣ въ Швеціи. 22 сентября 1941 года два совѣтскихъ тральщика типа «Ижора», тоннажемъ въ 100 тоннъ каждый, интернировались въ Швеціи. На обоихъ тральщикахъ было 64 моряка, изъ которыхъ около половины до сихъ поръ проживаетъ въ Швеціи.

* * *

Съ прибытіемъ нѣсколькихъ офицеровъ изъ Финляндіи въ Швецію послѣ подписанія мирнаго договора между Финляндіей и Совѣтскимъ Союзомъ, у нихъ появилось желаніе хотъ иногда объединяться и возобновить офицерскіе обѣды. Къ этимъ нѣсколькимъ присоединились еще два офицера, обосновавшихся въ Стокгольмѣ, а именно вышеупомянутый полковникъ

В. В. Гаугеръ, Преображенскаго полка, и ротмистръ А. А. Зиновьевъ, Коннаго полка.

Въ первый разъ такой офицерскій обѣдъ состоялся у капитана В. И. Гранберга, которому удалось переправить свои военныя коллекціи изъ Гельсингфорса въ Стокгольмъ, а затѣмъ, когда мы получили квартиру, они имѣли мѣсто у насъ. Но потомъ нѣсколько морскихъ офицеровъ стали устраивать товарищескій обѣдъ въ день корпуснаго праздника 19-го ноября по новому стилю, и постепенно общіе офицерскіе обѣды прекратились.

* * *

Русское Національное Объединеніе въ Швеціи.

Наконецъ въ 1953 году появилось движеніе въ средѣ русскихъ эмигрантовъ, освѣвшихъ въ Швеціи, и образовалось отдѣленіе РНО. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Капитанъ II ранга Б. М. Четверухинъ обратился къ латышскому эмигранту В. К. Муценекъ съ проектомъ создать отдѣленіе РНО въ Швеціи и они вмѣстѣ отправились для переговоровъ по этому поводу къ вышеназванному ротмистру А. А. Зиновьеву.

Къ сожалѣнію, Б. М. Четверухинъ, въ прошломъ блестящій офицеръ и кавалеръ Георгіевскаго оружія, очутившись въ качествѣ эмигранта въ Финляндіи, не только поступилъ на службу въ англійскую развѣдку, но основалъ въ Гельсингфорсѣ фирму, которая отремонтировала военные суда, остававшіеся въ Финляндіи и лично отправилъ ихъ въ Кронштадтъ. Вслѣдствіе этого его сторонились и не принимали въ члены Русской Колоніи.

Во время войны, когда Финляндія воевала съ большевиками въ союзѣ съ нѣмцами, Четверухинъ былъ высланъ изъ столицы въ провинцію, откуда ему удалось переправиться въ Швецію.

Андрей Александровичъ Зиновьевъ, къ которому обратились Четверухинъ и Муценекъ, сынъ петербургскаго губернатора, родился 30-го сентября 1894 года.

Окончивъ спеціальные классы Пажескаго корпуса 1-го октября 1914 года, онъ вышелъ въ Конный полкъ, сразу отличился и получилъ золотое оружіе.

Послѣ революціи онъ находился въ Эстоніи, откуда уѣхалъ какъ только закончилась война Арміи ген. Юденича противъ большевиковъ. Онъ поѣхалъ сперва въ Англію, а затѣмъ въ Австрію и прожилъ въ Вѣнѣ четыре года до 1927 года. Въ Вѣнѣ онъ познакомился съ хорошенькой шведкой, Евгеніей (Дженъ) Гернандтъ, дочерью майора шведской службы, и въ 1926 году они поженились, а въ 1927 году уѣхали въ Тунисъ, гдѣ и прожили семь лѣтъ. Осенью 1933 года они вернулись на родину жены и обосновались въ Стокгольмѣ. Не зная шведскаго языка, А. А. Зиновьевъ нигдѣ не работалъ первые восемь мѣсяцевъ, а затѣмъ сталъ представителемъ англійскаго издательства, издававшего книгу « Кто-кто въ Европѣ ». Черезъ нѣкоторое время Зиновьевъ началъ собственное издательское дѣло. Однако ему не повезло, такъ какъ его компаньонъ обокралъ это издательство на 250.000 шведскихъ кронъ.

Когда мы пріѣхали въ Стокгольмъ лѣтомъ 1944 года и стали ходить въ православную церковь, мы съ мужемъ обратили вниманіе на мужчину средняго роста, съ породистымъ лицомъ, который почти каждое воскресенье приходилъ къ обѣднѣ съ дѣвочкой лѣтъ шестнадцать и мальчикомъ лѣтъ восьми. Оказалось это былъ русскій эмигрантъ, ротмистръ А. А. Зиновьевъ. Мужъ познакомился съ нимъ на офицерскихъ обѣдахъ, но личныя отношенія у насъ завязались значительно позже, когда основалось отдѣленіе РНО въ Швеціи.

На учредительномъ Общемъ Собраніи председателемъ правленія былъ выбранъ А. А. Зиновьевъ и въ правленіе вошли инженеръ П. М. Приклонскій, окончившій образованіе въ Швеціи, В. К. Муценекъ, латышскій эмигрантъ, адвокатъ по профессіи, Б. М. Четверухинъ, о которомъ я говорила выше, и еще четыре человѣка.

То, что Б. М. Четверухинъ вошелъ въ правленіе удерживало нѣкоторыхъ эмигрантовъ, пріѣхавшихъ изъ Финляндіи, записываться въ члены Объединенія.

Мужъ разсказалъ Зиновьеву про репутацію Четверухина въ Финляндіи и сказалъ, что онъ останется въ членахъ Объединенія только если этотъ господинъ уйдетъ изъ правленія и, желательно, изъ самаго Объединенія.

Зиновьевъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Какъ-никакъ Четверухинъ былъ однимъ изъ инициаторовъ созданія Объединенія, и Зиновьевъ сказалъ мужу, что онъ постарается повести дѣло такъ, чтобы Четверухинъ самъ ушелъ изъ правленія, когда будутъ черезъ годъ новые выборы.

На первомъ очередномъ собраніи РНО собралось человекъ сорокъ съ лишнимъ. Пришли на него не только представители старой эмиграціи, но и нѣсколько бывшихъ моряковъ съ интернировавшихся тральщиковъ, о которыхъ я говорила выше. Но они держались отдѣльной группой и ни съ кѣмъ не знакомились, въ то время какъ представители старой эмиграціи, знавшіе другъ друга по церкви, подходили обмѣняться мнѣніемъ о предстоящей дѣятельности новой организаціи въ Швеціи.

Въ качествѣ предсѣдателя А. А. Зиновьевъ открылъ собраніе и предоставилъ слово для доклада первому вице-предсѣдателю правленія, латышу В. К. Муценекъ.

Муценекъ, говорившій по русски почти безъ акцента, прекрасно владѣлъ словомъ и его докладъ, посвященный внѣшней политикѣ Россіи за послѣдніе сто лѣтъ передъ революціей и опровергавшій агрессивность этой политики по отношенію къ другимъ странамъ, въ которой иностранцы часто обвиняли Россію, былъ прослушанъ съ большимъ интересомъ.

Послѣ доклада была подана чашка чая, за которой дѣлились впечатлѣніями отъ доклада и говорили на злободневныя темы.

Послѣдующія собранія, имѣвшія мѣсто приблизительно черезъ четыре-шесть недѣль, протекали по той же схемѣ: сперва вступительное слово А. А. Зиновьева, затѣмъ докладъ и пренія по нему, на послѣдокъ чашка чая и разговоры группами.

Постепенно собранія становились менѣе многолюд-

ными и потомъ собиравлось около 25 человекъ. Группа совѣтскихъ моряковъ вскорѣ прекратила посѣщеніе собраній, хотя одинъ изъ ихъ представителей былъ даже въ правленіи. Изъ постоянныхъ посѣтителей запомнилась чета стариковъ Реннингъ, онъ эстонецъ по происхожденію, она русская полька. Старикъ Реннингъ работалъ въ молодости въ русскомъ земствѣ. Затѣмъ онъ перешелъ на финансовую дѣятельность и передъ революціей былъ директоромъ банка въ Ростовѣ. Послѣ возвращенія на родину онъ занялъ постъ товарища министра торговли. Сохранивъ съ прежнихъ лѣтъ нѣкоторое тяготѣніе ко всему русскому, онъ, живя въ Швеціи, писалъ корреспонденціи въ газету «Русская Мысль», выходящую въ Парижѣ.

Изъ членовъ правленія сильный интересъ къ дѣятельности РНО проявляли, помимо предсѣдателя А. А. Зиновьева, первый вице-предсѣдатель В. К. Муценекъ, который принялъ на себя редакторство «Вѣстника РНОШ», Органа Русскаго Національнаго Объединенія въ Швеціи, и второй вице-предсѣдатель П. М. Приклонскій.

Когда черезъ годъ, послѣ ухода Б. М. Четверухина изъ правленія, въ него вступилъ мой мужъ въ качествѣ казначея, онъ также сталъ принимать горячее участіе въ жизни Объединенія. Постепенно на этой почвѣ у него установились дружескія отношенія съ предсѣдателемъ А. А. Зиновьевымъ, который нерѣдко навѣдывался къ нему, чтобы поговорить о какомъ-нибудь вопросѣ.

Мужъ сдѣлалъ въ 35-ую годовщину со дня разстрѣла докладъ объ адмиралѣ Колчакѣ и о бѣлой борьбѣ въ Сибири, участникомъ которой онъ былъ. Этотъ докладъ всѣхъ очень заинтересовалъ.

Его дѣятельность казначея была не изъ легкихъ, такъ какъ большинство было очень неисправно съ уплатой членскихъ взносовъ и мужу приходилось постоянно писать напоминанія.

Были особенно интересные доклады, когда пріѣзжалъ самъ предсѣдатель РНО, В. В. Орѣховъ, который давалъ хорошій обзоръ событій и положенія въ Совѣтскомъ Союзѣ. Пріѣзжалъ также одинъ докладчикъ

изъ Берлина. Совершенно особый по своему интересу докладъ сдѣлалъ б. прапорщикъ Преображенскаго полка, Д. А. Мейснеръ, недавно освобожденный изъ концентраціоннаго лагеря въ С.С.С.Р. Во время второй войны Финляндіи съ Совѣтскимъ Союзомъ онъ въ числѣ многихъ уѣхалъ въ Германію, какъ нѣмецкій выходець. Въ Берлинѣ онъ былъ схваченъ большевиками и отправленъ въ концентраціонный лагерь, гдѣ онъ пробылъ десять лѣтъ. За эти годы его семья уѣхала въ Австралію, а одинъ сынъ осѣлъ въ Швеціи. Поэтому, отбывъ срокъ наказанія, онъ пріѣхалъ сперва къ нему, чтобы выполнить всѣ формальности для отъѣзда въ Австралію, гдѣ онъ черезъ два года скончался.

Для своей дѣятельности Объединенію необходимы были средства и для полученія ихъ стали устраиваться вечера. Для ихъ организаціи большую энергію проявилъ В. Н. Матвѣевъ, до революціи офицеръ 2 гвардейскаго Стрѣлковаго полка.

Въ Финляндіи онъ никогда не принималъ участія въ общественной жизни русской колоніи и занимался коммерческими предпріятіями, а во время войны Финляндіи съ Совѣтскимъ Союзомъ спекуляціями съ иностранной валютой, которыя преслѣдовались властями. При организаціи РНО въ Швеціи, онъ сразу вступилъ въ Объединеніе и, попавъ одновременно съ мужемъ въ правленіе, сталъ его секретаремъ.

При устройствѣ вечеровъ онъ ввиду своей обходительности и свѣтской манерѣ преуспѣвалъ какъ въ распространеніи билетовъ, такъ и въ привлеченіи участниковъ въ программѣ. Вечера проходили съ успѣхомъ и давали приличный доходъ, но на нихъ, изъ-за немногочисленности русской колоніи, преобладали иностранцы.

Основывая «Вѣстникъ РНОШ» (Вѣстникъ Русскаго Національнаго Объединенія въ Швеціи), хотѣли не только обслуживать информаціей русскихъ, но и шведовъ, чтобы знакомить ихъ съ настоящимъ политическимъ положеніемъ въ Совѣтскомъ Союзѣ. Для этого помѣщались въ немъ статьи и на шведскомъ языкѣ. Но распространеніе «Вѣстника РНОШ» среди

мѣстнаго населенія не имѣло успѣха. Какъ я уже говорила выше, у шведовъ нѣтъ интереса ни къ чему русскому, поскольку имъ не угрожаетъ непосредственной опасности отъ Россіи. И многимъ членамъ Объединенія приходила мысль, что плодотворной политической дѣятельности развить нельзя, а надо относиться къ РНО, какъ къ очагу культурныхъ традицій. Понемногу, на ряду съ докладами на чисто политическія или военныя темы, стали читаться доклады историческаго содержанія. Такъ художникъ-реставраторъ С. Ф. Баскаковъ прочелъ докладъ объ исторіи русской живописи; сама я составила докладъ по исторіи русской музыки, который, по инициативѣ А. А. Зиновьева, былъ напечатанъ въ «Часовомъ», издаваемымъ председателемъ РНО В. В. Орѣховымъ.

Трудно себѣ представить болѣе подходящаго для роли председателя политической организаціи человѣка, чѣмъ Андрей Александровичъ Зиновьевъ. Живо интересуюсь международной политикой и въ особенности положеніемъ въ Совѣтскомъ Союзѣ, онъ умѣлъ заразить этимъ интересомъ и другихъ. Кромѣ того онъ умѣлъ находить контактъ съ людьми самыхъ различныхъ направленій и изъ разныхъ соціальныхъ слоевъ. Онъ былъ всегда ровнымъ, никогда не раздражался и, при разногласіяхъ, умѣло прибѣгалъ къ юмору. Поэтому неудивительно, что до своего отъѣзда изъ Швеціи осенью 1957 года, онъ ежегодно единогласно переизбирался въ председатели правленія.

Оба вице-председателя правленія были совершенно другого типа. Первый вице-председатель, латышъ В. К. Муценекъ, по профессіи адвокатъ, былъ несомнѣнно очень умнымъ человѣкомъ, прекраснымъ ораторомъ и дѣльнымъ сотрудникомъ. Взявъ на себя редакцію «Вѣстника», онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности редактора. Но въ противоположность открытой натурѣ А. А. Зиновьева, онъ былъ человѣкомъ себѣ на умѣ и я думаю, что не только мнѣ, но и другимъ членамъ Объединенія не было ясно какія цѣли онъ преслѣдовалъ, вступивъ въ его ряды.

Мнѣ лично случайно удалось приподнять надѣтую имъ маску російскаго патріота и почувствовать

въ немъ стопроцентнаго латыша при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Вернувшись со съѣзда НТС во Франкфуртѣ въ 1956 году, онъ далъ мнѣ на прочтеніе рѣчь, произнесенную на этомъ съѣздѣ А. П. Столыпинимъ, прося сказать свое мнѣніе о ней. Въ своей рѣчи Столыпинъ признавалъ самостоятельность всѣхъ народностей, составлявшихъ до революціи русскую имперію, но возлагалъ на остающуюся Великобританію всѣ долговя обязательства Русской Имперіи въ цѣломъ по отношенію къ иностраннымъ державамъ.

Возвращая Муценеку эту рѣчь, я ему сказала: «Очень прискорбно, что сынъ великаго государственнаго дѣятеля, какимъ былъ П. А. Столыпинъ, которому была нужна великая Россія, такъ легко распоряжается ея наслѣдіемъ, возлагая одновременно на остающуюся ея часть всѣ финансовыя тяготы имперіи». Надо было видѣть съ какой злобой Муценекъ взглянулъ на меня, цѣдя сквозь зубы: «Такъ вы значитъ стоите за великую-недѣлимую и не признаете права за народностями, иногда стоящими на болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ, чѣмъ сами русскіе, на самоопредѣленіе». На этомъ мы разошлись.

Впрочемъ для тѣхъ, кто читалъ книгу латыша Я. Кайминъ «Латышскіе стрѣлки въ борьбѣ за побѣду октябрьской революціи» знаютъ, что латышамъ совсѣмъ не по пути съ національной Россіей.

Второй вице-предсѣдатель правленія, инженеръ Петръ Михайловичъ Приклонскій, былъ русскимъ патриотомъ, но по существу не зналъ Россіи. Онъ пріѣхалъ подросткомъ въ Швецію со своими родителями — отецъ его былъ камергеромъ, а мать была до замужества зачислена въ фрейлины — и здѣсь окончилъ среднее и получилъ высшее образованіе, женился на шведкѣ и его домъ былъ поставленъ на шведскую ногу. При всемъ его искреннемъ увлеченіи РНО, Приклонскій могъ посвящать очень мало времени Объединенію, такъ какъ крупная фирма, въ которой онъ служилъ инженеромъ, часто посылала его въ дѣловыя поѣздки за границу, пользуясь его хорошимъ знаніемъ нѣсколькихъ языковъ.

Секретаремъ правленія былъ вышеупомянутый

В. Н. Матвѣевъ, проявлявшій инициативу главнымъ образомъ въ устройствѣ вечеровъ. Казначеемъ былъ мой мужъ, подполковникъ С. С. Еленевскій. Продѣлавъ весь Сибирскій походъ подъ началомъ Колчака, онъ приобрѣлъ значительный политическій опытъ и хорошо разбирался въ создавшемся для Россіи положеніи, такъ что, какъ я уже говорила, А. А. Зиновьевъ все больше прибѣгалъ къ его сотрудничеству и совѣщался съ нимъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ. Поэтому, когда А. А. Зиновьевъ рѣшилъ эмигрировать въ Америку, онъ высказалъ пожеланіе, чтобы его замѣстителемъ сталъ мой мужъ.

Но, къ сожалѣнію, по уставу Объединенія, предсѣдатель правленія избирается не Общимъ Собраніемъ, а правленіемъ, и правленіе, одинъ изъ членовъ котораго отсутствовалъ на этомъ засѣданіи, выбрало почему-то предсѣдателемъ В. Н. Матвѣева.

Послѣ этого мужу и мнѣ пришлось выйти изъ Объединенія, такъ какъ мы считали, что Матвѣевъ вслѣдствіе своей дѣятельности въ Финляндіи и черезчуръ бурной личной жизни не можетъ возглавлять какую-либо русскую организацію.

Послѣ ухода мужа изъ Объединенія къ нему звонило нѣсколько членовъ, возмущавшихся выборомъ Матвѣева и, на примѣръ, чета Реннингъ также вышла изъ Объединенія.

Какъ и слѣдовало ожидать, Объединеніе заглохло и автоматически перестало существовать. Хотя по вышеуказаннымъ соображеніямъ оно не могло играть политической роли въ Швеціи, было жаль, что пересталъ существовать русскій очагъ.

* * *

Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. Ряды русскихъ эмигрантовъ въ Швеціи все больше рѣдѣютъ, такъ какъ ежегодно умираетъ нѣсколько человекъ. Православный приходъ снова сталъ единственнымъ центромъ объединенія и приходское правленіе даже собираетъ средства на постройку храма, такъ какъ дому, въ которомъ помѣщается православная церковь, угро-

жаеть быть снесеннымъ для постройки новаго современнаго зданія. Въ настоящее время собрано около 230.000 шведскихъ кронъ. Продолжается устройство вечеровъ въ пользу церкви, но когда удастся собрать необходимыя для постройки 700.000 кронъ неизвѣстно.

На этомъ я кончаю мои воспоминанія о жизни русской эмиграціи въ Швеціи.

Русская эмиграція въ Швеціи еще въ большей мѣрѣ чѣмъ русская эмиграція въ Финляндіи, является лишь песчинкой въ общей массѣ русскаго разсѣянія, но для полноты картины русскаго хожденія по мукамъ она, можетъ быть, представляетъ нѣкоторый интересъ.

1967 годъ.

СТИХОТВОРЕНИЯ ИРИНЫ ЕЛЕНЕВСКОЙ

ПЕТЕРБУРГЪ

О, Петербургъ, ты городъ грезы
Царя-гиганта средь царей,
Ты видѣлъ блескъ, ты видѣлъ слезы
Любимой родины моей.

Всегда, всегда ты предо мною
О, дивный городъ мой родной,
Съ твоей широкою Невой,
Дворцовъ прекрасною стѣной.

Какъ часто я въ мѣстахъ гуляю
Подъ стѣною твоихъ садовъ,
Закаты солнца созерцаю
Въ морскихъ волнахъ у Острововъ.

Несусь я зимнею порою
На рѣзвыхъ сѣрыхъ рысакахъ,
Любуясь крѣпостной излою
Въ искристыхъ солнечныхъ лугахъ.

Я въ залъ Маринскій вступаю
Съ его блестящею толпой,
И звукамъ гуднымъ тамъ внимаю,
И улетаю съ ихъ волной.

Всегда ты царственно прекрасенъ,
Тебѣ идетъ любой нарядъ,
И силуэтъ твой, строгъ и ясенъ,
Плѣняетъ восхищенный взглядъ.

*И въ зимнемъ стверномъ уборь,
Когда такъ синь твой небосклонъ,
Въ тогеномъ мраморномъ узорь
Твоихъ рѣшетокъ и колоннъ.*

*И яркой осенью нарядной,
Когда всть въ золотъ сады,
И воды невскія прохладно
Несутъ и барки, и плоты.*

*Но краше ты всего весною,
Весь въ майскомъ трепетъ ногей,
Когда сольется явь съ мезтою,
И странно гулокъ звукъ рѣзей.*

*Рукою дерзкой, въ дикомъ рвеньи,
Былъ сорванъ гордый твой нарядъ,
И ты застылъ въ недоумьньи
И устремилъ свой взоръ назадъ.*

*И ждешь, когда забьютъ куранты
Въ высокой башнѣ надъ Невой,
И духомъ сынъ царя-гиганта
Тебѣ вернетъ блескъ прежній твой.*

В А Л А А М Ъ

Весь въ кустахъ густой сирени
Тихій бѣлый скитъ
Въ дни тревоги и сомнѣній
Вновь меня манитъ.

Слышу я во снѣ порою
Звонъ колоколовъ,
Рвусь измученной душою
На далекій зовъ.

Вновь въ ограду я вступаю
Монастырскихъ стѣнъ
Миръ мятежный забывая
Отдаюсь имъ въ плѣнъ.

Надъ скитомъ еще витаетъ
Рой тѣней ногныхъ
И лампады свѣтъ сіяетъ
У гробницъ святыхъ.

Строго вокругъ стоятъ рядами
Въ храмъ зернецы, —
Такъ молились здѣсь въ ками
Съ вѣрою отцы.

Вьется сизый дымъ кадила
У алтарныхъ вратъ,
И напѣвы, дивной силы,
Съ клиросовъ звугатъ.

У иконъ — свѣжей мерцанье,
Капель восковой,
Въ темныхъ ликахъ упованье,
Благость и покой.

И уходитъ вдалѣ тревога...
Сладко трепещя,
Ощущаетъ близость Бога
Скорбная душа.

*

**

Кз намз вз окна глядѣла луна,
Загадоной думы полна,
И вз блескъ холодныхз лугей,
Сверканьемз волшебныхз камней
Весь снѣжный покровз загорался.

Темнѣла таинственно даль
И ногз затаила пегаль,
И призраковз прошлаго рой,
Гонимый, какз вътромз, тоской
Изз сердца глубинз подымался.

Хотѣлось бѣжать отз нихз прозь,
Давила безмолвиемз ногз,
И вз жуткой глубокой тиши
Лишь стонз набольшей души
Рыданьемз глухимз отдавался.

*

**

Гроздьями бѣлыми, темно-лиловыми
Снова сирень зацвѣла,
Снова цвѣтами своими махровыми
Пышно нашз садз убрала.

Долго любясь красой ея дивною
Все я сижу у окна,
Вѣтерз весенній играетз гардиною,
Запахз льется волна.

Но не откликнется сердце усталое,
Глухо кз призыву весны.
Гдѣ тѣ восторги, волненье бывалое ?
Думы пегали полны.

Скорбна душа и такз трепетно просится
Вз милые сердцу края,
Вдаль, все туда мысль тоскуя уносится, —
Родина, мука моя !

A. ROSSEELS PRINTING C^o
70, rue du Canal — Louvain
☎ (016) 219.62 — Belgium
